

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

Трудно быть принцем

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

МАГИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ

•
МОСКВА
ОГИ
2020

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Г47

Художник *Корнил Пузанков*

Григорьев Л. М.
Г47 Трудно быть принцем: Магическая комедия / Леонид Григорьев. — М: ОГИ, 2020. — 192 с., ил.

ISBN 978-5-94282-838-7

Магическое Пространство уже знакомо многим по книгам «Три магических года» (2014) и «Магическая комедия» (2016). Новая книга Леонида Григорьева — приквел, из которого читатель узнает, откуда появились Принц, Феи и Ведьмы.

УДК 821.161.1-34
ББК84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-94282-838-7

© Л. М. Григорьев, 2020
© К. Пузанков, иллюстрации, 2020
© ОГИ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Утро Принца	11
Романы Дюка и династические счета	22
Короли и Маги Тридевятого	34
Странная пара	39
Молодой Дюк — утро	44
Дворцы и Башни — мистика усиливается	51
Первая осада — турки	55
Вернемся к Башням	62
Вторая осада — имперцы	69
Первый рассказ Герцогини	80
Второй рассказ Герцогини	92
Третий диалог Герцогини и Черной Милли	101
Бархатная комната и Большие часы	108
Палаты Принца	113
Ночные кошмары	115
Дюк пытается отвлечься	121

Трактирные сплетни	128
Третий кошмар	133
Королевский праздник Летнего Солнцестояния . .	138
Королевские призы и покушение	146
Полгода ушло на сплетки и сплетни.	161
Катастрофа на Новый год	166

Несколько намеков на события

<i>первых четырех магических лет</i>	<i>189</i>
--	------------

Анри

Профессор

Розалинда

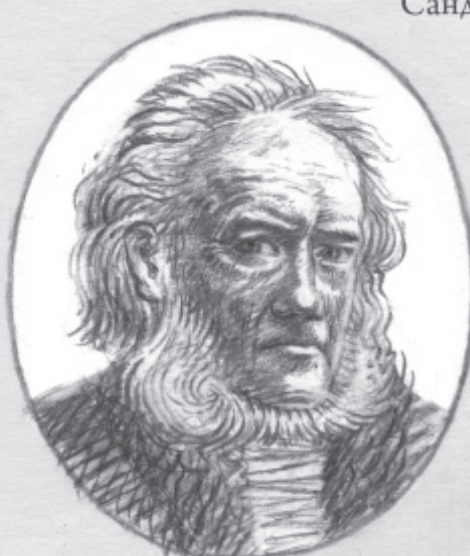
Барбара

Сандрилена

Руслана

Колдун

Паж

Миали

Алхимик

Фея Дубовой Рощи

Епископ
Экберт

Принц

Маурицио

Синелинда

Ведьма Развалин

Советник

Утро Принца

Июньское утро было на редкость радостным даже для этих теплых краев, куда ветры приносят свежесть со Средиземного моря. Вчерашняя глухая тишина перегретого вечера растворилась в шелесте листвы. Первый проблеск солнца из-за дальних равнин коснулся глади большого озера у Столицы Княжества — Вышгорода и отразился в окнах дворца, который романтически возвышался над монументальной городской стеной. Окна были распахнуты, и луч ударил в старый, натертый до блеска медный щит, возраст которого был давно позабыт.

Молодой Гранд Дюк проснулся от луча солнца, дотянувшегося до его безмятежного лица отражением от начищенного щита на стене его овальной спальни. От-

крыв глаза, он почти ослеп от луча, закрыл их, поморгал... и вдруг вспомнил о том, что сегодня его ожидает, ведь до летнего солнцестояния оставалось всего три дня. Правда, время еще раннее, сообразил он, Фея будет не скоро — есть возможность передумать. Ему не хотелось делать зарядку или бегать, он не выспался. Но мысль о гостях, которые уже должны были подъезжать к Городу, заставляла включиться в обязанности Хозяина Праздника. А дело, по которому должна была прилететь Фея Дубовой Рощи, действительно нельзя было отложить. Он умылся в старой большой ванной и натянул на себя вишневую свободную рубаху и светлые легкие штаны, в которых он любил и поваляться, и побродить по городу. Кожаные мягкие полусапожки дополнили скромный наряд. Двустворчатая широкая дверь на огромный балкон была открыта и не задрапирована, отчего луч солнца и смог беспрепятственно проскользнуть в спальню. Хозяин овальной роскоши полежал еще немного, он не спешил сегодня выходить на балкон, зная, что увидит оттуда.

На большом лугу между стенами города и озером уже шумел разворачивающийся палаточный городок. Приезжие ставили свои лагеря, это были те, кто не хотел жить в хороших, но все же тесноватых городских гостиницах. А городские власти в экстазе от важности цели сооружали трибуны, проходы, места будущих концертов и состязаний. Балкон выступал с Княжьей Башни высоко над стенами его города в сторону озера, и Дюку было хорошо видно, что происходило вокруг. А вот его снизу никому видно не было — великие архитекторы и скромные маги спрятали его апартаменты и балкон от посторонних глаз.

Еще не замечая ни солнца, ни пения птиц, Дюк все же вышел, потянулся и немного размялся с двумя мечами в руках: всего несколько круговых движений, выпадов с разножкой, мельницу вправо и мельницу влево. Теперь ему трудно было оставаться на месте, и он двинулся, почти побежал легким шагом юноши и военного, не перегруженного ни доспехами, ни грехами. Он двинулся по стене города по часовой стрелке, поглядывая то влево на приезд гостей вдоль длинной Восточной стены, то вправо на просыпающийся город. Дымки появились там и сям над хатами простолюдинов и кухнями дворцов. Запаха завтраков еще не чувствовалось, даже собакам было еще лень гавкать, но следы утренней жизни уже давали о себе знать.

Пробежав секретный проход в Княжьей башне, он кивнул часовому, быстро пролетел длинную стену перед дворцовыми помещениями, потом снова нырнул в камень мимо часовых, которые на секунды открывали ему тайные проходы в южных сдвоенных воротных башнях, и выбежал на южную стену. Принц не любил бегать без цели, рано вставать, но исходил из необходимости лично взглянуть на происходящее в Городе, пока все думают, что он дремлет. Иногда, как сегодня, это была необходимость, но бывало, что он пробегался по стенам или улицам и так просто — из любопытства. Он знал за собой это приятное состояние, когда важнейшие дела были под контролем и можно было просто поглядеть на жизнь других людей, увидеть или узнать что-то забавное, или просто подумать, наконец. Он, естественно, пытался оставаться незамеченным в своих прогулках а-ля Гарун Аль-Рашид, но и его охрана, и Фея намекали ему, улыбаясь, что все девицы и неко-

торые дамы в Городе изучили его привычки и стремятся на него поглядеть или даже ненароком столкнуться с ним. Ходили слухи (видимо, почерпнутые из историй о Дон Жуане), что дамы и девицы, которых он просто взял за руку, испытывают внезапный шок и не могут потом забыть его. В надежде на такое приключение некоторые представительницы прекрасного пола дежурили на крышах домов в городе около галерей, лестниц и башен, где он мог бывать... Понятно, что время от времени кто-то из них поддерживал общее напряжение в стиле: «Представляете! Всеволод вчера просто упал на меня с лестницы в саду, я еле отбилась, а потом уже потеряла сознание. Никому не рассказывайте...» и прочее. Все это было полным враньем — он шарахался от них, как мог.

Внимание к деталям не оставляло Дюка, и он задумчиво замедлил свой шаг. В этом месте высота внутренней стены города была небольшой, и на плоском крыле крыши большого дворца внизу ждала его только что приехавшая из другого герцогства, но заранее влюбленная в него девица лет пятнадцати, с раннего утра «в полной прическе». Этого невозможно было избежать никаким способом — в любое время и везде его ловили обожательницы. Он поклонился, задержал на секунду дежурную обворожительную улыбку, чтобы не портить девушке день, и снова прибавил скорость.

Дюку минуло только двадцать семь, он правил уже несколько лет, назывался иногда Молодым Наследником или чаще Молодым Дюком, хотя девушки — знакомые и за глаза — не сговариваясь, называли его Принцем. Это помогало мечтать о нем без ненужной прозы титулов. Воспитанные на рыцарских романах, они

мечтали сесть за его спиной на коня, обнять его за гладкую кольчугу и ехать через Волшебный лес к Королю Артуру. Если бы в этом счастливом пространстве рыцарство и магия не были повседневностью, они возникали бы сами собой от той веры, которую жители этого уголка черпали в своей земле, реках, садах, от восхищения красавицами и Дюком. Говорили, что танец с ним на балу и невинный поцелуй руки — а тем более в щечку — гарантировали счастье, любовь и скорое удачное замужество. Скептики скрипели, что он выбирал для танцев таких хорошеньких, которые и без него славно бы устроились. Но это тоже были чистая ложь и зависть. «Поцелуй Принца» на балу действительно приносил уверенность и блеск всем без исключения! Так что в этой истории мы используем наименование «принц» только в философско-сказочно-сентиментальном смысле, а не как обозначение наследника престола. Кстати, это же относится и к «князю», который обозначает не конкретный, а высокий титул и подлинное благородство.

У нашего Дюка было самое уютное, самое богатое, самое образованное и, можно сказать, шикарное герцогство среди девяти политических элементов Тридевятого королевства, замечательный город Вышгород с окрестностями где-то на юго-востоке Европы. Мрачное средневековое прошлое оставило башни и стены, ловушки и оружейников. Но за последние два-три века мир и процветание сделали город центром профессоров и студентов, рыцарских турниров, праздников для всего Тридевятого королевства. А сам Дюк был веселый сероглазый шатен и, бесспорно, лучший жених в известном людям пространстве, или, как тогда говорили, «от нашего Тридевятого королевства до их Три-

десятого царства»... В герцогстве было все свое: железо и кузницы, вино и хлеб, и много-много праздников. Рассказывали про залежи серебра в горах, золота в ущельях, а также про сокровища предков под городскими башнями. В общем, Вышгород был предметом зависти соседей, а Дюк — предметом охоты потенциальных тестей и тещ — даже более, чем самих принцесс на выданье, но об этом ниже.

Характер Молодого Дюка, естественно, постоянно обсуждался дамами двора и всеми придворными дамами Тридевятого, купцами и горожанами всех занятий и ремесел, священниками внутри города и в высоких кругах церковных властей, профессорами и путешественниками. Он вернулся из Оксфорда три года назад, поскольку умер Регент — брат отца Дюка. И простые жители, и светское общество Города (да и всего Королевства) на это и не надеялись, так что его полюбили и гордились им безмерно. Ну, у кого в мире есть такой Принц с оксфордским и парижским, лейденским и тюбингенским образованием, красавец-шатен с серыми глазами, шесть английских футов роста и лучший фехтовальщик в Европе? Когда Дюк вернулся из «Европы» домой, то думал, как бы ему найти большую добрую красивую девицу, из благородных, но смешливую и образованную... Но в нобилитете Тридевятого королевства такой с ходу не нашлось, а в «народе» все было сложно — непонятно, как выяснить, какая кто... И тут начались неприятности: кто ему ни понравится — отношения идут вкривь и вкось... А ему, сироте, подсознательно хотелось домашнего уюта.

Городские философы среди дворян, купцов и просто народа любили поговорить с ним на Совете — он

рассказывал им все, что знал, и как это можно использовать с пользой для города. Ведь столько всего есть интересного в мире. Правда, знать постоянно была недовольна его панибратством с ратниками, студентами и местными девицами — они его ревновали. Романы с придворными дамами и иноземными принцессами служили бы славе Двора, а вот крутить с местными — это было как-то не по-герцогски. Как сказал профессор философии городского университета: «Он выглядит как любознательный студент и хороший парень, которого за отличную учебу и галантность с девицами выбрали Дюком. Старается со всеми ладить, помогать — ну совершенно не царственная особа...» Профессор был, конечно, прав: Дюк с удовольствием жил в Европе. Изучал владетельный студент все науки сразу, не пропускал вниманием местных дам и без конца дрался по всем поводам — как за защиту чести, своей и чужой, так и ввязываясь в ссоры по вопросам внешней политики.

Суровое феодальное воспитание делало его и опасным противником, и неотразимо привлекательным. Он появлялся в любой незнакомой компании, дворце и таверне или несколько замкнутым студентом, или скромным горожанином, или подтянутым брете-ром из бывших офицеров, стараясь не привлекать к себе внимания. Это редко удавалось. На изгибах улиц, в церкви или в трактире его узнавали даже переодетым и в парике. Дамы немедленно переключались на флирт с ним, раздражая своих поклонников. Мужчины пытались пообщаться с ним, дать совет и установить знакомство через родственников, друзей или его придворных на худой конец («Я троюродный брат Вашего возничего, Ваше Сиятельство...»). Он либо улы-

бался даме, либо ставил на место какого-нибудь наглеца, либо вставлял шутку или куплет песни в общее течение разговоров и развлечений. У него был несильный приятный баритон, он мог сыграть на клавесине и даже на гитаре что-то несложное, так что мог позволить себе «не удержаться или согласиться» и спеть просто так в трактире. На самом деле он много времени проводил один и любил ночью поработать, почитать, подумать, поговорить заочно с мудрецами. Естественно, сплетники и сплетницы не верили в то, что он такой серьезный малый, так что он был обречен на слухи о его «серийном донжуанстве», о чем мы упоминали. Последнее серьезно мешало его настоящей личной жизни.

Образ жизни нынешнего Дюка в молодости, до 18 лет, в своем городе, пара лет по университетам Германии, год в Париже и три года в Лондоне и Оксфорде, был, в общем, ничем не хуже и даже несколько лучше среднего дворянина в студенчестве. Разумеется, для потенциального Гранд Дюка даже небольшого герцогства он был уникален, говорил на нескольких языках, дрался на всем, что колет, режет и стреляет, изучал историю, философию и подумывал даже о степени доктора философии, когда его призывали домой дела Города.

Сам он никогда не задирался, но его ложная уравновешенность «холерика под контролем» раздражала многих, особенно в надменной Англии. Его пытались задирать и «снизу», чувствуя в нем лорда, и «сверху», чувствуя в нем претензию на равенство с избранными. Обычно он терпел и не обращал внимания, и как-то проносило. Иногда нет — тогда он взрывался, бил и обезоруживал всех. Приходилось или скрываться,

или его выручал посол Австрийской империи в Лондоне; он был хороший сосед и потенциальный претендент на поглощение Тридевятого королевства.

От светских дам и охотниц за знаменитостями и королевскими особами он, как мог, скрывался. Пытался одеваться по-студенчески, носил шарфы и капюшоны, если позволяла мода, но ничего не помогало. Светские журналы объявили его стиль последней модой для принцев инкогнито, и его тут же узнавали. Причина была в его улыбке: если он улыбался, то всех дам и девиц визави — в любом возрасте — парализовало. Даже если они не знали, что это принц, они просто хотели, чтобы он им улыбался. Он не был похож ни на одну знаменитость в Европе; он был похож только на себя, чуть темного шатена с серыми глазами. Остальное было природной магией, хотя у него точно не было сколько-нибудь заметных магических способностей.

По возвращении домой три года назад он вынужден был заниматься внутренними делами, правосудием и финансами герцогства. Финансы, торговля, науки и ремесла ему нравились как занятия рациональные. Тяжелее было с делами церкви, семьи и всевозможными спорами о наследстве. Большая часть времени у Принца уходила на подавление активности городских магистратов, которые хотели регулировать жизнь города и герцогства. Зачастую все должны были до изнурения искать соглашения и компромисса. Дюк, как не по годам мудрый правитель, стремился главным образом к тому, чтобы правила и регламенты в Городе были просты, общеизвестны и не менялись.

Особо активные реформаторы вели бесконечные споры о преимуществах английской системы образова-

ния над педантичной немецкой или свободной турецкой. С целью подавления их инициатив он установил, что после введения любой реформы жалование автора реформы понижалось путем изъятия у одного специальных премий за разработку идей — раз они больше не нужны. Дюк считал, что простота и отсутствие детализации правил жизни и торговли повышает патриотизм граждан, уровень образования и смекалку, препятствует коррупции, а главное — сокращает затраты его личного времени на управление. Ему время от времени приходилось вести судебные дела в сложных и тяжелых случаях, а также представляя собой последнюю апелляционную инстанцию. Он прославился мудростью своих решений, хотя никогда не признавался, что пользовался методом, заимствованным из произведения малоизвестного испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра, который описал в этом вопросе крестьянский подход Санчо Пансы. Получалось нормально для своего времени, тем более что в Городе этого автора никто не читал. А вот внешняя политика его несколько утомляла, поскольку не имела ни разумных оснований, ни ясных перспектив. Он только старался избежать открытых конфликтов.

Романы Дюка и династические счета

С точки зрения сторонних наблюдателей, жизнь маленьких королевств в магических пространствах воспринимается несколько упрощенно; она якобы сводится к развлечениям, балам и ожиданиям загадочных явлений магического свойства. Больше всего времени обычно уходит на поиск невесты принцу или жениха для принцессы. Ведьмы и феи вмешиваются в этот процесс в меру своих интересов и возможностей. Эти магические тетки такие заводные и упрямые — чего только они ни сделают, чтобы добыть своему любимцу хорошую невесту с приданым в виде, скажем, соседнего графства-баронства. Или наоборот, свою «умницу-красавицу» выдать за «хорошего человека». А если есть соперничество и ревность у мо-

лодежи, то подключение магов, особенно дам, может носить разрушительный характер!

Обычно есть тайна — тайна у короля или у королевы, или тайна, нависающая угрозой над всем королевством. В нашем случае тайна в том и состояла, что все пространство Тридевятого было защищено магами от внешних неприятностей, насколько это было возможно. Все это базировалось на способности магов всех девяти политических образований договариваться и помогать своим августейшим властителям достигать компромиссов. Угроза состояла в том, что сейчас ни властители, ни маги не могли найти выход из внезапно образовавшегося «политического треугольника» — женитьба Дюка могла потенциально разбалансировать внутреннее равновесие пространства.

Тридевятым королевство называлось очень давно. Жили там вперемешку оставшиеся от переселения многих народов разноплеменные славяне да немцы с венграми, которые принесли с собой свои языки, обычаи и свою магию. За полтора тысячелетия конфликтов и смешения потоков ситуация устоялась. Поэтому у многих географически отдаленных, но культурно близких народов сохранилось выражение «ходить за тридевять земель». Точность локализации была утрачена еще и потому, что местные колдуны сделали все возможное, чтобы уберечь земли королевства от внешних шоков. Это потребовало различных компромиссов между ними и развития некоторых традиций «королевской» магии.

После ряда войн в средневековье Герцогство Вышгородское удержало независимость, о чем мы ниже обязательно расскажем. До недавнего времени никто из

больших феодалов не пытался целиком захватить соседа, хотя территориальных и династических споров хватало. Сложившаяся ситуация в Тридевятом состояла в принципиальном соперничестве Розегаллии и Синегаллии — в обоих королевствах не было наследника мужского пола.

У герцогства Вышгородского не было явных врагов, неоконченных войн и долгов. Зато у герцогства были тайные враги, которые хотели его присоединить к себе и терпеливо ждали, как Малатеста и Монтефиоре в Урбино в веке этак XIII—XV, когда же этот чудесный клочок земли между гор с его виноградниками и старинными городами можно будет присоединить к себе. Сейчас этот момент, по-видимому, настал. Вполне рабочим вариантом представлялась идея выдать свою дочку за Принца и задушить его в семейных объятиях. Поэтому, как говорила ему Фея, при его дворе полно шпионов других владык, да и его бароны хотят с ним породниться не меньше больших владетелей в округе. Впрочем, этот вариант не мог быть реализован как по традиции, так и по той простой причине, что озлобил бы всех соседей-королей.

Он смеялся, отказывался вникать в эти сплетни и обычно отшучивался: «Жаль, я не мусульманин! А то все блистательные Дома выдали бы за меня по дочке — и никто не остался бы обиженным!» Он, как мог, долго игнорировал реальную ситуацию: при женитьбе он усиливал одно из королевств, и нарушался баланс в пространстве. Проще говоря, привести невесту извне Тридевятого было нельзя, а любой тесть Дюка разом становился бы «гегемоном». Об этом все Тридевятое судачило уже годами — и только сам Дюк не

придавал «дамским сплетням» никакого значения. И напрасно...

Дюк жаловался немногим ближним, Фее да паре придворных профессоров, что у него нормальной личной жизни нет и быть не может. Стоит только заговорить с кем-то на балу или на приеме — все, тут же сбегается родня девицы. Приходится бежать! То же самое и в городе: как только узнают Дюка — или бегут от него, или дразнят, или родню зовут. В общем, парень считал так: «Я Гранд Дюк, и этим все сказано. Мне никогда не удастся жениться так, чтобы нам было весело и чтобы традиции и эмоции не конфликтовали». Он не зря изучал философию в Германии, так что смотрел на мир трезво. Все рациональное в нем было настроено скептически относительно своего будущего — только работа и наследственная ответственность за Город. Но к моменту нашего рассказа Дюк был еще очень молод и все еще надеялся на чудо.

Фее трудно было отделаться от мысли, что эта любовно-феодалная головоломка была причиной для серьезных угроз и рисков. За последние два года все девушки и женщины, в которых он влюблялся, то бежали от него, то заболели или исчезали. Дюк с верной охраной под командованием капитана гвардии Маурицио прилагал серьезные усилия, чтобы сохранить свои романы в секрете, но ничего не помогало.

Капитан был надежный человек, настоящий вояка, спасенный когда-то Дюком от расправы на улице Мазарини в Париже. Маурицио был из тех кондотьеров — лет тридцать пять, прочен как скала — из которых в прошлые века выходили графы и герцоги, особенно если женились на подходящих дамах. Это был брю-

нет с острым взглядом, подозрителен и всегда спокоен, и со своими шрамами и легкой хромотой внушал опасения потенциальным недругам Дюка. И верен ему был без трепета и истерики, чем идеально дополнял ученого Дюка и несколько рассеянную Фею. На него можно было положиться.

Два года назад одна милая девушка влюбилась в него, он поддался обаянию, но она исчезла, родители молчали и чего-то боялись. Слух, что за ним кто-то охотится, прошел по всему королевству, его жалели, родители старались удержать девиц, но те от таких страшных историй становились еще отважнее и рвались лично и немедленно поддержать и защитить своего замечательного Принца.

Одну его подружку из соседнего графства пытались увезти прямо перед свиданием с ним из пограничной деревеньки (они собирались удрать и спрятаться в Венеции — «а там посмотрим»). Он подъезжал с Маурицио и доверенным гайдуком к мосту через речку, а она ждала на другом берегу в таверне на площади возле церкви. Он видел группу военных в серых плащах без знаков различия, которые вытаскивали брыкающуюся фигурку в красных башмачках из окна второго этажа таверны на боковую улочку. Хотя он сразу понял, что это она, но подумал, что это какие-то ее родственники, и сперва притормозил. А потом рванул на полном скаку через мост мимо своей и чужой погранохраны, которая с интересом смотрела на суматоху на площади, но никак не реагировала.

Капитан Маурицио скакал с ним рядом и горстями сыпал на камни звонкие йохимсталеры, так что пограничники переключились с погони на серебря-

ную музыку. Девушка в этот момент вырвалась из рук похитителей и выпала из высокого окна второго этажа башмачками кверху. Две серые фигуры нападавших собирались принять ее внизу в какое-то большое одеяло. Дюк сбил их лошадью и рубанул саблей по голове их начальника. Раздался звон от удара по шлему, и предводитель нападавших был оглушен на несколько мгновений. Легкая фигурка упала прямо в руки Дюку, и он умчался вперед, тогда как его гайдук выстрелил в еще одного нападавшего, стоявшего напротив дома, и пробил ему руку с мушкетом. Так они и ускакали вдоль границы чужого графства, и след их простыл сразу — никто не пытался гнаться за ними. Родители объявили о ее похищении, чему была тьма свидетелей, и свалили на неизвестных злодеев. Отец был безутешен и требовал от стражи найти ее. Мать загадочно молчала, вздыхала, молилась и тайком улыбалась в древнем рассуждении, что большая любовь с Принцем важнее добропорядочной тоски. Младшая сестра, начитавшаяся рыцарских романов не менее матери, уверилась в неизбежности своего будущего похищения. Она постоянно была к нему готова, мысленно проигрывая его детали в бесчисленных вариациях. Девушку тогда не нашли, но, по слухам, она нашла свое счастье не очень далеко и даже через год навестила родителей с мужем — богатым генуэзцем — и маленькой дочкой. На интенсивные приставания младшей сестры она загадочно улыбалась, потом вздыхала и отделивалась фразами вроде: «Ну, в наш век вечной любви уже не бывает! Дюк — замечательный парень, но он же не для нас... Так что ты лучше погуляй с племянницей и подумай, как жить будешь, не все-

гда тебе будет двенадцать». Все с виду успокоилось, но Фея и Двор были крайне озабочены судьбой Наследника престола.

Его относительно недавний роман с Прекрасной Мельничихой, вдовой лет двадцати пяти, продержался в тайне несколько месяцев, а раскрылся при явно мистических обстоятельствах. Никто не мог знать про то, как, когда и зачем Дюк исчезал через башню Колдун. Но молодая вдова после нескольких счастливых месяцев любви и дружбы вдруг испугалась за свою дочку и уехала куда-то очень далеко. Кто ее напугал, выяснить не удалось.

Дюк стал бояться влюбляться, чтобы не повредить никому, тем более девушкам. Причем они с Феей полагали серьезно, что дело было скорее в магии, чем в физических угрозах. На просьбу разведать, в чем дело, Старая Наставница вместе с Ведьмой Развалин — они приезжали и порознь, и вместе — развели руками: непонятно, что происходит.

Фея говорила, что действует черная магия, которая старается загнать его в какую-то «королевскую ловушку». Причем такая тонкая работа, что она не может точно определить, кто и как это делает! Она была просто вне себя от собственной беспомощности и в раздражении ударяла по столу своим таинственным веером. Мол, Дюка стараются лишить друзей среди баронов и среди других государей и заставить присоединиться или к королевству Р. или С. Он пожимал плечами, но Фея указывала на Ведьму из королевства Синегаллии, часто гостившую у него в городе, и на подозрительного и чрезмерно любезного чернокнижника Советника от короля Розегаллии. «Это счастье, — говорила Фея, —

что у обеих королев дочери одного возраста, так что они не могут договориться между собой, иначе могла бы быть и война. Наше Герцогство слишком компактно и прекрасно именно своей внутренней связностью и красотами, но каждой прелести всего по одной — на двоих не поделишь!»

Фея и все маги Тридевятого твердили ему, что хорошо бы избежать межгосударственного конфликта и на приближавшемся празднике выбрать невесту из одного из королевств их общего тридевятого пространства: Синегаллии или Розегаллии. Оба Короля настаивали на скорейшем выборе, чтобы дать возможность своим 17-летним дочкам вести нормальную светскую жизнь замужних дам. Короли ощущали рискованность ситуации, хотя девочки, безусловно, старались не вводить папаш в волнение, и если и шалили, то тайком и даже очень тайком. Между собой они разговаривали очень осторожно.

Девочки были действительно обе хороши, а привычка каждой повелевать родителями и ухажерами при своих дворах делала пару не только неотразимой для кавалеров, но и способной доминировать по всему пространству Тридевятого королевства. Розалинда была типичной пухлой блондинкой или светлой шатенкой с естественно-розовыми щечками. Ее большие светло-голубые глаза чуть на выкате считались неотразимыми, хотя Дюку они казались (как и ее беседа) несколько близорукими. Она одевалась так, чтобы никакие моды того времени не могли скрыть определенной пышности форм. У нее была собственная манера долго молча смотреть на собеседника, пока тот не терялся. Она всегда о чем-то думала, но это были простые мысли, они никогда не путались. Шуток

она не любила — Дюк быстро бросил попытки рассмешить ее.

Синелинда была прекрасным партнером в паре: темная шатенка, не брюнетка, чуть выше подруги ростом, тоньше в кости. Глаза были темные и поменьше, а взгляд их был неуловим — она никогда не смотрела долго в глаза — никому. Губы и нос тонкие — красивое, но не улыбочливое лицо. Завистлива, но не особенно зловредна в практических действиях. Вполне себе «подруга на сене». Подставить подругу могла, но не так, чтобы сознательно довести дело до катастрофы...

Король Синегаллии был романтик, носил испанские костюмы и выражался несколько высокопарно: «В нежном возрасте наших дочерей счастье большой любви остается предпочтительным по сравнению с государственной необходимостью продолжения рода и тому подобного. Мы с женой готовы видеть нашу дочь счастливой с любым достойным человеком!»

Король Розегаллии, как человек практический и упитанный, был очень осторожен: «В мире нет никого, кто был бы более меня привержен любви как важному аспекту жизни, но также и принципам королевской чести и достоинства. Мы так рады, что наши девочки дружат, и было бы вполне целесообразно способствовать их личному счастью в форме законного брака в нашем королевском кругу». По правде сказать, он слабо верил в свои исконные права на Вышгород, вопреки тому, что ему твердили Советник и двор. Но психологически невозможно было отрицать права Королевства, так что Король согласился с идеей выдачи дочки за Дюка с целью мирной аннексии Герцогства.

Мамаши очень опасались за своих дочек, опасались всяких скандалов, заезжих рыцарей, поэтов, портретистов и теноров! Дюк был идеальным выбором для обеих, учитывая еще и Вышгород. Даже если бы он выбрал не «их» дочку, то вторую можно было бы выдать вполне удачно и закончить с нервотрепкой. Не сговариваясь, мамыши говорили обеим дочуркам примерно одно и то же: «В крайнем случае, если не слюбится, то в его Городе есть хороший университет, хоть образование получите детей воспитывать, а ежели он не понравится, то там полно студентов — не пропадете!»

Про девушек по столицам земель Королевства ходили некоторые противоречивые слухи. Верить им в обществе никто не верил, а Фея очень нервничала, но не могла себя пересилить и шпионить за ними. Что было более или менее надежно — две юные незнакомки иногда появлялись на балах, в тавернах, на сельских праздниках, на прогулочных баржах в нескольких землях по Тридевятому королевству и даже у соседей, всегда под защитой вооруженных слуг, всегда в масках, обычно в глухих венецианских. Одевались они то роскошно, то совершенно просто.

Парочка ничем не раздражала публику, но в каждом случае двое молодых людей исчезали на короткий срок — на денек-другой, редко неделю. Вернувшись, эти дворяне, купцы или даже моряки (чаще всего приезжие) вели себя странно, ничего не помнили, но явно были довольны жизнью и несколько меняли свое поведение. Эти истории расстроили многие свадьбы, несколько любителей приключений были вызваны на дуэли, в том числе с печальным исходом. Двое хвасту-

нов-рыцарей, начавших было распространяться о веселой ночке с благородными девицами (врали, конечно), на другой день утонули в маленьком пруду — видимо, упали лицом вниз. Явных доказательств того, как развлекались принцессы, естественно, не было, хотя придворные дамы временами указывали на совпадения: очередной визит незнакомок и «кража» молодых людей подозрительно часто приходились на дружеские визиты принцесс друг к другу.

Дюк этим слухам не внимал и указывал Фее на то, что обе девушки умны, привлекательны, вышивают, играют на фортепиано, говорят по-французски и по-немецки, хорошо поют, образованны и дружат между собой. Фея возводила глаза горе и вздыхала. Она полагала, что за большой приз они горло друг другу перегрызут, а пока держатся вместе, чтобы следить за соперницей было сподручнее. Она нервно открывала и закрывала свой испанский веер, который у нее был одновременно и средством проявления эмоций, и магическим инструментом — не хвататься же за все своими руками. Сказать своему воспитанному мальчику, что есть подозрение, что они вдвоем вообще дошли до сомнительных развлечений, в которых их частые поездки друг к другу в гости или вдвоем в разные места составляют удобное прикрытие, она стеснялась — королевские дочери все-таки. Но Старая Наставница доносила: они ничего не читают!

Правительство Герцогства вежливо уговаривало своего Дюка принять наконец решение о своей избраннице. Двор и свои бароны, как мы уже говорили, предпочли бы своих дочек пристроить за Дюка, но это было невозможно. А большая политика для маленького Гер-

цогства становилась изнурительной. Таков был фон — в самом кратком изложении — тех событий, которые начинали ускоряться этим летом, а теперь уже неслись галопом по Городу и окрестностям, совершенно не замечавшим никаких угроз и проблем.

Короли и Маги Тридевятого

В Тридевятом королевстве соблюдалась — и очень давно — некая феодальная демократия. Короли старались улаживать дела на Большом Совете при значительной помощи королевских магов — так было надежнее. Собирались обычно дважды в год: летом на Солнцестояние и под Новый год. Встречи кочевали, но по большей части все любили пировать в Вышгороде: комфортно, весело, хорошо принимают, и по сути даром! А герцоги понимали, что лучше быть столицей совещаний и развлечений (со временем это стали называть «мягкая сила»), чем таскаться по скучным углам королевства.

Большой Совет формально имел совещательные функции, но несколько правителей вместе были в со-

стоянии поддерживать общую дисциплину в Тридевятом королевстве. Это и надежнее, и легче обороняться от внешних проблем. Этот край не знал полного накала религиозных войн, доминирования фанатиков и давления инквизиции, тут не было паранойи и не сжигали ведьм. Больше того, при каждом правителе состоял обычно свой маг, колдун, ведьма или фея. Да и сами королевские семьи от больших забот и долгого общения с магами немного владели «королевской магией».

Разумеется, ни один король перед народом или церковниками никогда не признавался, что общается с магическими силами, да и сам, может быть, не лишен способностей к магии... чуть-чуть. В средневековье это было очень опасно, и этот секрет мы не выдадим. А по факту без магии трудно и скучно! Так что, помимо придворных магов, был еще и Совет магов, который собирался редко, чтобы подстраховать наиболее сложные и опасные дела.

Большой Совет Королей и Магический совет при нем

Итак, мы представим вам правителей Тридевятого королевства.

Большой Хан — потомок главы кочевого племени Черных Клобуков — теперь Король самого мощного королевства в пространстве. Его старый племенной шаман Джанибек от старости потерял способность к повседневной магии и преимущественно спал на советах. Время от времени он внезапно пробуждался,

чтобы полчаса-час в день побеседовать с Властелином. Известно было, что несколько раз в год в минуты раздражения он творил невероятные чудеса с огромной силой, накопленной сотни лет назад в походах по всей Азии.

Король Розегаллии был практичен и верил в свою непогрешимость даже в мелочах. При нем был Советник, который считался магом, лысоватый, с неопрятной бородой. На его лице отображалось «много талантов, которым на земле одна награда — виселица» (умри, но лучше Гоголя не скажешь). В магии он был не силен, а свой талант к предательству маскировал другим талантом к лести, то есть на практике эксплуатировал доверчивую Ведьму Развалин.

Король Синегаллии был франт и не слишком далек, но он твердо верил в древность своего рода и вытекавшие из этого привилегии. При нем давно уже служила Ведьма Развалин или Плачущая Ведьма, она все время жаловалась и страдала, и была очень доверчива, чем беззастенчиво пользовался хитроумный Советник Короля Розегаллии.

Дюк Вышгорода — наследник древнего рода, но сам очень современный юноша, заметно выпадал из компании по возрасту, образованию и занятиям. Его Фея Дубовой Рощи — хорошая, в общем, дама — чем-то она напомнила бы современному читателю школьного завуча по литературе, правильная и старательная, но несколько ограниченная в представлениях о зле в этом мире.

Чешский Князь — спокойный молодой человек с отменным чешским чувством юмора и сравнительно молодой Ведьмой (из бывших амазонок, по-видимому),

которая занималась боевыми искусствами и военными науками. Она использовала магию только для того, чтобы от нее и от Князя отвязались фанатики, имперские налоговые органы и придворные. Благодаря ей, его (и ее) род, один из немногих протестантских, сумел выжить во время религиозных войн. Но она ни с кем не могла договариваться, поскольку никому не верила и не хотела брать на себя никаких обязательств.

Немецкий Епископ управлял, как и наш Дюк, очень красивым городом и областью, знаменитыми своими искусствами. При нем состояла полная белокурая Немецкая Ведьма — хорошая спокойная экономка и любовница. Эта пара тщательно следила за главным — чтобы в Ватикане их не заподозрили в нарушении морали. Он любил с ее помощью строить дворцы и соборы, а еще любил праздники с фейерверками, жареную свинину и темное пиво.

Вздорный Король с очень маленьким королевством и большим гонором. Его мага прозвали Утомительно Болтливый Маг, этот все время все путал и создавал магические аварии. Последние, конечно, вызывали трепет у Короля и сограждан и требовали периодически вмешательства членов Магического Совета, чтобы всякие жуки, смерчи, падающие под каретами мосты оставались на их суверенной территории и не перекидывались на другие части Тридевятого.

Немецкий Барон, или Жадный Барон, с Чернокнижником-Алхимиком, который больше всего был занят созданием философского камня, а также хотел жениться на чьей-нибудь знатной дочке, чтобы не зависеть от барона-жадюги и вечно заниматься своими «мультидисциплинарными» проблемами. Он думал было же-

ниться на одной ученой ведьме у кого-то из соседей, но денег и титула у нее не было. А ведьма, может, и вышла бы за кого от скуки, но мужиков недолюбливала, а уж вступать в отношения ради денег считала отвратительным.

Валашский Властитель был сам себе Колдун по народной традиции. Очень страшный и очень любил, чтобы его боялись, и эту боязнь культивировал как мог. В самом Совете его не особенно пугали, а вот его слуги постоянно распускали слухи, сколько придворных он опять казнил на день какого-то совершенно безобидного святого.

Магический Совет никогда не собирался вместе при властителях, чтобы они не заподозрили свою ограниченность в волеизъявлении. При заседаниях Большого Совета маги иногда прятались в свите и не здоровались друг с другом, но, как правило, старались собраться где-нибудь и понаблюдать, выведя изображение на стену. Это могла быть башня Колдун, трактир «У Ведьмы», Ратуша, квартира кого-то из профессоров Университета и так далее.

Странная пара

Ведьма и Советник часто шастали по городу Дюка, стараясь влезть в казначейство, дворец и особенно в башни. Ведьма была вспыльчива, но простовата. Бывало, рассердится она в своей Синегаллии на кого-нибудь и превратит в рыбку в аквариуме. Потом кормит рыбку, меняет воду, жалеет; смотришь, и выпустит на волю в речку. Внимательно следила, чтобы никто из рыбок не погиб. Случалось, расколдовывала ту или другую. Правда, она страдала провалами в памяти, и иногда у нее занимало пару месяцев, чтобы вспомнить специфическое заклятье в каждом отдельном случае. Иногда даже пыталась расколдовать обычных рыбок и очень нервничала, если обратная трансформация не получалась. Однажды маги Ко-

ролевства сговорились поискать пропавших подданных своих земель и подарили Ведьме большой новый аквариум размером с целую залу. Пользуясь случаем, пока она была в добрейшем состоянии духа, уговорили ее очистить старый аквариум. Она на радостях разом превратила всех рыбок обратно — набралось человек сорок счастливцев обоего пола.

Ее очень боялись в Королевстве, в том числе из-за этой забывчивости, хотя она добрейшей души была ведьма; даже непонятно, как она не обернулась в Феи. Одной из причин тому была ее странная дружба с Советником из Розегаллии. Знакомы они были давным-давно по, так сказать, производственной необходимости, негласно присутствуя при многочисленных контактах между королями и герцогами. Однажды они сознались друг другу, что хотят выдать замуж дочек своих королей за Гранд Дюка, и Советник предложил «честное соревнование»: пусть, мол, этот замечательный Принц женится на любой принцессе по любви! Ведьма возьми да и поверь.

Советник был из тех очень умных и совершенно неистребимых кипучих бездарей, которые, будучи лишены какого-нибудь обычного таланта — военного, или к врачеванию, или к философии, — проводят свою жизнь в приемных владык и подметают бородой дворцовые ступеньки. В результате постоянного пребывания при дворах, обладая неимоверно длинным стажем шпионства, он научился многому в малой прикладной магии, хотя и не достиг великой силы.

Внешне советник относился к распространенному типу лысоватого брюнета лет под пятьдесят, со стриженной бородкой. Завистлив он был до потери пульса,

но то надменен, то заискивал — этаким царедворец на грани гротеска, но был он совсем не безобиден. Нашего Принца (больше чем Дюка) он не переносил, поскольку тот был знатен, прост и добр, да еще и любим... Всю жизнь он хотел стать великим магом и королем, но ничего не получилось, а зависть неудачника осталась.

Он прикидывался прямолинейным царедворцем в стиле: «О, Ваше Высочество, — мог он сказать знатному мальчику, — столько ученых мужей билось над этой проблемой, но только Вы, со свойственной только Вам юной проницательностью, смогли ее мгновенно решить!» Сложность вопроса не имела значения — так он вращался в придворные круги и был неутомим. Подозревали, что у него было чутье на положительные эмоции, которые он просто ненавидел.

Ведьма же была когда-то баронессой, но отказалась выходить замуж за могущественного соседа. А тот из ревности разгромил ее небольшой замок. Она отомстила ему и стала Ведьмой Развалин, причем, наверное, немного повредила рассудком и была подвержена приступам гнева. Ей ее замок представлялся роскошным, как в дни молодости. Потом она состарилась, стала более разумной, но решила, что лучше быть в каком-то обществе. Так она стала жить при дворе Синегаллии, а при каждом удобном случае пряталась у себя в развалинах. Еще ей нравилось путешествовать, причем так, чтобы ее воспринимали как важную придворную даму и побаивались как ведьму. Поэтому она с удовольствием выполняла всякие поручения Короля с Королевой, их детей и даже разных придворных, которые лестью и подарками (в основном для замка) находили

путь к ее сердцу или к ее слабостям. Советник обещал ей восстановить замок, вернуть молодость и прочее и подарил обманное зеркало. Все дамы в нем выглядели точно так, как сами того хотели, а ведьмы очень доверчивы в личных вопросах. На самом же деле она стала с годами похожа на отставную куртизанку: потрепанные следы былой красоты, шикарные венецианские наряды сорокалетней давности. Выглядеть на публике много лучше помогал фиолетовый пояс с тяжелыми наконечниками на концах (один большой на одном конце и шесть малых на другом), который служил и средством украшения — менял свой цвет и текстуру к любому наряду, а служил и копьем, и барьером, и лестницей. Она с ним не расставалась.

Внимание Советника было ей лестно — он создавал впечатление, будто она руководит обоими королевскими дворами. Она же давала ему разные лекарства, средства от головной боли и заодно средства для забывчивости, которые регулярно просили у него обе принцессы. С ее помощью, как мы подозреваем, Советник мог ненадолго менять свой облик и исполнять некоторые трюки на, так сказать, взятой взаймы магии.

Молодой Дюк — утро

У так, думал Молодой Дюк, праздник летнего Солнцестояния наступает через два дня. Все владыки Тридевятого королевства уже прибывают, разгружаются, селятся, размышляют о соревнованиях и флирте, победах и свадьбах. На душе у Принца должно было бы быть вполне безмятежно, но время от времени там скребли кошки. Предчувствие неприятностей не было его сильной стороной — у принцев не бывает больших неприятностей. Но что-то было не так, и охрана, и Фея были на нервах. Было много необычных явлений и слишком много разных людей, баронов и воинов в одном месте, слишком много женщин и слишком много соблазнов.

Он поднялся по Южной стене повыше, туда, где она делала изгиб, обходя скалу в основании, и сел лицом

к Городу. Здесь была старая беседка, в которой последние триста лет прятались парочки, желавшие спокойно посмотреть на город. Это был один из тех городов Европы, которые сохранили все свои многовековые архитектурные наслоения, избежав больших войн, бомбежек, землетрясений, революций и пожаров. Теперь из видов таких городов в Голливуде монтируют «камелоты», фейковые дворцы тиранов и столичные города в бесконечно повторяющихся фантазиях сексапильных принцесс.

От беседки был виден во всю высоту дворец Гранд Дюка, построенный за несколько веков и в совершенно разных стилях. Мощь стен и башен — дань необходимости раннего средневековья постоянно быть настороже, огромные итальянские окна — новая потребность в шикарном месте для праздников. Извне со стороны озера было видно только три верхних этажа. Нижний из трех этажей фактически лежал на стене и служил огромной приемной залой, в которой проводились балы, банкеты и собрания Большого Совета граждан Герцогства (а мы помним, что правители Тридевятого слыли большими демократами по вопросам местного самоуправления). Утром и днем дворец согревался на солнце, светившем со стороны озера, а к вечеру — солнцем с заката, но уже не так сильно, спасибо лесам на горах за Столицей. Так что даже в сильную жару в городе было легко дышать на балах и конгрессах. При необходимости можно было открыть огромные окна с обеих сторон Дворца и проветрить его на сквозняке — устойчивые ветры шли с юго-запада.

Средний из видимых этажей носил служебный характер. Тут была герцогская приемная и канцелярия,

помещения для различных государственных служб, охраны, служителей администрации, малых заседаний. А на верхнем этаже были спальни для семьи Герцога и гостей, с окнами от пола до потолка и с балконами. Невидимые из города этажи за стеной были полны хозяйственными службами, складами, спальнями прислуги и квартирами придворных и личной охраны.

От Дворца на уровне четвертого этажа шли внутрь города три длинных моста в виде крытых галерей с открытыми бортами. Через улицы они перешагивали на каменных арках, иногда прижимались к высоким зданиям, церквям и магистратам, так что по ним можно было очень удобно передвигаться по делам. На запад город поднимался к своим ранним укреплениям, и галереи постепенно снижались до уровня второго этажа. Это все еще было довольно высоко над улицами, так что даже всадники в городе свободно могли проехать под арками. Галереи расходились довольно извилистыми линиями в средневековой хаотической застройке между частными и общественными домами. Одна шла с востока на запад и опускалась к центральной площади, к Собору и Ратуше. Отсюда когда-то и пошел Город. Собор стоял на холме и был виден издали. Эту галерею жители города звали Баронской, или Военной, по той причине, что вдоль нее у Ратушной площади жили старинные нобили с семьями, а ближе к Восточной стене — военные. Другая галерея шла на север к общежитию студентов и городскому парку, то есть к площадке, откуда можно было подняться высоко на гору Старший Брат через Северные ворота. Тут жили степенные купцы и ювелиры, чей покой нарушали студенты и Университет. Ее звали Школярской, хотя ближе к Восточ-

ной стене располагались оружейники, тут были каретные сараи и конюшни Дюка и Гвардии.

Третья галерея тянулась очень извилистой линией между лавками, складами, домишками ремесленников на Юг к Младшему Брату с частью древней стены. В этой части все было попроще и победнее, но была своя торговая площадь с фонтаном в виде греческого бога Януса и группы голых нимф. Галерею звали Змеей, и самые хорошие лавки и трактиры были под ней. Главной достопримечательностью был трактир, который имел народное название «У Ведьмы», о чем расскажем ниже.

Вот этот вид и наблюдал Дюк, размышляя о городе, празднике, неприятных предзнаменованиях, о девушках и о Фее, которая вот-вот прилетит и опять начнет заставлять его принимать судьбоносное решение.

Над ущельем между двумя горами в глубине стояла мрачная Старая Башня с воротами в сторону леса, которая использовалась как сокровищница и тюрьма муниципалитета. Центральная галерея тут шла вокруг площади с Собором и Ратушей и переходила в дорогу, которая постепенно подымалась к площадке у моста над ущельем перед Старой башней с воротами, а дальше дорога исчезала в опасном лесу. Под мостом между холмами под небольшим уклоном текла вода по скрытому акведуку. Эту воду пили, разбрызгивали в фонтанах, ею же наполняли бассейны и ванны во дворце, на ней готовили еду в королевской и городских кухнях. Даже со стены от Дворца било несколько фонтанов в сторону города.

Из Волшебного леса текла речка, которая никогда не пересыхала, весной и в большие дожди она неслась

сломя голову — это всегда было развлечением для мальчишек. Она змейкой спускалась сквозь город от Старой башни вниз рядом с центральной галереей, петляя между домами. Власти не решались спрямить ее, иначе пришлось бы пожертвовать старинными постройками и привычными для людей закоулками. Речка текла через торговый район, недалеко от трактира «У Ведьмы» и втекала в юго-восточной части города в защитный ров, который шел вокруг Восточной стены, а оттуда в озеро.

Пространство между городом и озером Теплое называли по-разному: Подградье или Надозерье. По краям его шли дороги в город со стороны селений Накло и Вокло, на север и на юг от города. На озере был островок с маленьким монастырем, основанным в незапамятные времена; его, словно в Венеции, охраняли не столько стены, сколько вода.

Озеро Теплое играло важную роль в обороне города, но каждую весну оно пыталось затопить Подградье. Для борьбы с этим бедствием были построены деревянные дороги на столбах и арках, вода свободно текла под ними. Большую часть пространства в Надозерье занимали места для купцов и приезжих, которые в дни всеобщей ярмарки после Летнего Солнцестояния собирались со всего Тридевятого. А давным-давно тут проходили Рыцарские игры на Ристалище.

В давние времена, когда Город только начал формироваться, когда только возникли первая церковь и ратуша на холмах на озерной стороне, в ущелье в глухом лесу появились три башни; кто их построил — неизвестно. Позже они стали служить обороной города со стороны гор и леса.

Со временем три башни превратились в единую мрачную крепость в задней части города, которая использовалась как герцогская тюрьма; она пустовала, но нагоняла страх. Город разрастался по склонам вниз и достиг равнины, пришлось строить восточные стены и башни.

За милую-другую позади ущелья в лесу был еще один таинственный холм с пещерами и башней наверху. Его заслоняли две полуразвалившиеся башни — Два Брата, Черный и Белый. Названия пришли из далекого прошлого, из легенды о трех братьях, которые искали руки одной невесты, что кончилось очень плохо для всех участников истории. Эту грустную легенду очень коротко отразили в летописи, но старики рассказывали ее с жуткими деталями и весьма неоднозначной моралью. Говорили, что третий брат и девушка куда-то исчезли, что породило бесконечные фольклорные вариации их судьбы. При Дворе и среди профессоров были смутные разговоры, что Совет Магов королевства никак не мог решить, что делать с этой парой, перессорился и в раздражении выбросил их в другое пространство, откуда никто не возвращался. Маги на сей счет помалкивали. Профессура тайком копалась в истории города, династии и нравах жителей, но официальная историография эти детали игнорировала — в прошлом все предположительно было безоблачно и буколично.

Со стороны самого города проход в лес был перекрыт воротами и башней со странным названием Невходи. В лесу и взаправду не был почти никто из горожан. Можно было бы и не ставить никаких заграждений — мало кто решился бы гулять там просто так. В пределах огромного леса за треугольником холмов пели птицы,

слонялись барсы, а сам лес наводил на мысль о сумасшедшем садовнике-колдуне, который перетаскал сюда все, что можно, от пихты до дубов. Этот же лес с противоположной стороны Города отпугивал случайного путника непроходимыми зарослями под странным для этих мест названием «тайга» и почетным караулом из голодных волков и воронов с их воем и карканьем. Пройти через это хитросплетение было теоретически можно — «свои» проходили. Но надо было знать тропы, правила и заклинания, давать угощение голодным волкам и кормить огромных воронов с блюда. Так что «свои» были наперечет, а случайные путешественники и не помышляли о том, чтобы сворачивать с хороших дорог, идущих к городу по равнине.

Подрастающие принцы обычно настаивали на самостоятельном преодолении этого опасного пространства позади холмов, что им разрешалось на совершеннолетие после тренировок и сдачи соответствующих зачетов магам своего времени. Заклинания обычно приходилось заучивать, но и минимум королевской магии мог помочь. Нынешний Дюк в четырнадцать лет, еще до поездки в университеты, сдал экзамены (Фея была довольна) и проделал это упражнение. Он прошел лес снаружи до Невходи за три дня — новый рекорд Дворца и Города! Впрочем, не про всех выживших была известна длительность их подвига — некоторые свихнулись!

Дворцы и Башни — мистика усиливается

История строительства Дворца уходила в столь давние времена, что мало кто понимал его реальное внутреннее устройство. Каждый Гранд Дюк считал своим долгом что-то пристроить вглубь города от стены, над стеной или вдоль стены. Так что к нашим временам Дворец разросся на всю восточную равнину. Часть городской стены поглотила четыре главные Башни, стоявшие попарно. Появилась масса переходов, двойных стен, тайных коридоров и лестниц. Хитросплетения Дворца и Башен чуть не сводили с ума любопытных гостей, включая многих придворных, офицеров, ученых, гостей и послов, которые пытались относиться к нему как простому месту обитания семьи Герцога. Послы, бывало, вздрагивали, ко-

гда сопровождавшие их офицеры Дюка исчезали при торжественном входе во дворец и внезапно обнаруживались уже встречающими их в парадной приемной зале. Мы уже рассказывали, что третий этаж Дворца занимали спальни для семьи Герцога и для гостей. Они располагались группами между башнями, хотя когда-то занимали только центральную часть Дворца. Особым шиком считалось иметь окна не внутрь города, а на озеро Теплое.

Две пары очень старых башен с их внутренней жизнью и трансформациями пространства были источником бесконечных историй. В Южную пару был пеший вход и ворота для повозок и конных. Входную башню с названием Толстая Лестница в Небо когда-то скопировали с изобретения Леонардо в Шамборе еще в XVI веке. Герцог того времени увидел это чудо у Франциска Первого и перенял. Он был большой педант — над ним шутили, что «даже в Аду (куда он, к счастью, не попал) он следил бы за тем, чтобы котлы не были щербатые и стояли бы ровно по линейкам». Идея была в том, чтобы дамы и кавалеры поднимались в большую приемную залу отдельно, но одновременно.

Воротная башня была полна секретов и имела характерное народное прозвище Толстые Ворота в Ад, возможно, из-за предполагаемого провала на большую глубину в подземную речку под башней, которая уходила куда-то на восток под горами и выливалась уже в Восточные моря.

История про подземную речку была совсем загадочной, как и озеро Теплое, в которое втекала дюжина речек, а не вытекало ни одной. Был небольшой водопад на востоке озера, который превращался в бурный поток

по весне или после ливня. Полагали, что вода уходит в глубокую пещеру под город, возможно, под башни и дальше по пещерам куда-то на восток. Во всяком случае, в озере было течение и водовороты (при большой воде после дождей) с южной стороны между нескольких маленьких островков. На островках были какие-то строения, монастырь, охрана; чужих туда не пускали. Главным средством регулирования потоков воды был сток через речку под Воротной башней. Купцы и профессора шепотом высказывали свои догадки, что сток реки можно было регулировать подземными воротами, а если их закрыть, можно затопить всю территорию перед городом. Простые жители верили, что переполнение озера — это работа скорее магических сил, некоего высшего регулирования погоды либо «в награду», либо «за грехи».

Две башни севернее дворца с виду были толстые и добродушные; по крайней мере, такой вид открывался для путника, входившего в город через Ворота. Но как у жителей города, так и у иностранных наблюдателей царило единодушное мнение, что «там что-то не так». Во-первых, Ворота издали не было видно, только в упор, причем Ворота в течение дня, по мнению горожан, как-то перемещались вправо-влево. Во-вторых, к Воротам надо было подходить по деревянному мосту надо рвом, а мост как бы сам поворачивался наружу для знакомых гостей, но не поворачивался для вновь приехавших и неизвестных. Говорили, что этот «магический мост» построил Великий Колдун лет пятьсот назад. Он был откуда-то с востока или с севера проездом на восток, гостил у местного рыцаря, предка нынешних герцогов. Они подружились, и Колдун

поставил сей мост в знак расположения. В награду себе попросил соловья; говорят, передал правителю Египта. Но это чистая легенда — никто в Европе не мог знать это точно. Магический мост создал потом кучу проблем для архитекторов. При всех перестройках города и воротных башен надо было предусматривать его особенности и подгонять новые камни под старый, немного скрипевший, но безотказно работавший механизм.

Так что лет триста или четыреста при появлении неизвестных или подозрительных мост сам просто блокировал переход. Тогда появлялась стража и расспрашивала пришельцев, кто да откуда. Ров был полон, вода бурлила и выглядела как горячая, а с башен в него били наклонные потоки, также создавая у путника чувство непонятного препятствия. И так весь город был полон всяких чудес по взглядам современного цивилизованного человека. Потому соседи зарились на него, но предпринять попытки захвата в лоб не рисковали — мало ли что там еще могло быть припрятано в городе.

Первая осада — турки

Во всей юго-восточной Европе царили времена непрерывных стычек турецких конных отрядов с местными жителями и постоянного наступления больших турецких армий на города. За свою историю Город выдержал две осады — первую от турок в период, когда Городом, находившимся в вассальной зависимости от Империи, правил граф Драгомир (тогда его чаще звали князем). Впоследствии, в период формирования Тридевятого королевства на фоне стабилизации границы с Турецкой империей, он и стал первым независимым Дюком.

Город осадил Паша Керем с отрядом янычар с пушками и мурза Теребердей с отрядом конницы из далекого Причерноморья. Им надо было взять город, чтобы

разорвать коммуникации войск коалиции христианских князей и изолировать их от основного театра своих военных действий против Австрии и Венгрии.

Они явились в июне и блокировали все дороги от Теплого озера, намереваясь отрезать жителей и оборонявшиеся войска от воды, продовольствия и информации. У князя Драгомира было несколько хороших пушек, запас провианта до августа, неограниченный запас воды, полсотни венгерской кавалерии по договору, рота наемных ландскнехтов и собственная небольшая дружина — всего человек пятьсот. Были горожане и маг Ведун, который лет сорок тихо жил в лесу и общался больше с крестьянами, с животными, растил цветы и лечил жителей города и окрестностей. Князь просто объяснил Ведуну, что то, что ему дорого, будет разрушено, люди уведены и Город опустеет. Мирлюбивый маг не имел навыков личного противостояния врагам или тем более военных действий, но был творческой личностью. Он хорошо понимал жителей города, они были упрямы, как любые славяне или немцы в средние века, знавшие, что сдача или захват города турками — практически одно и то же: насилие над женщинами, увод в рабство, унижения, грабеж имущества, разгром инфраструктуры города, жилья, церквей и разрушение «социума» (комментарий XXI века). Так что намерения Паши обойтись без больших военных действий были встречены со спокойствием обреченных. Переговоры между сторонами проходили недолго. Они состояли из цветистых по-восточному заявлений осаждающих о милостях султана в случае сдачи Города и описаний ужасов, которые ожидают обороняющихся в противном случае. Ответ князя (так в ле-

тописи) Паше на предложения сдаться, платить налог и славить султана был афористичен и вошел в анналы города: **«Быстро или медленно: или мы умрем — или вы сдохнете»**.

Паша блокировал город со стороны озера, разорил оба ближних села, Накло и Вокло, игравших тогда роль больших постоянных дворов («почивалищ») для караванов на обеих дорогах, которые обходили озеро Теплое. Сам город был тогда очень слабо защищен. Ландскнехты и горожане отбили первый штурм по предмостным укреплениям вдоль рвов. Дружина князя и гусары постоянно атаковали лагерь осаждавших, совершая вылазки через башни или со стороны лесов. Именно тогда Ведун придумал и построил секретную ловушку внутри Воротной башни: провал в подземную речку.

Летопись Города хранит беседу князя Драгомира и Ведуна в момент начала военных действий. Князь задал Ведуну три вопроса: маг ли он, знает ли он будущее и чем он может помочь обороне города. Повторим, Ведун был медик и ботаник и занимался садами в городе, урожаями на полях и лечением всех, кого можно было вылечить. Строительство стен и башен не было его специальностью. Зато ему не нужны были учебники — он действовал, так сказать, от природы. Если у этой истории есть читатели XXI века и даже старожилы второй половины XX века, то они могут больше понять суть действий Мага, изучая искусство Гауди — он едва ли не выращивал башни, делая их опорные нижние части непробиваемыми для осадных орудий. (Именно тогда система защиты Города и начала формироваться столь основательно, а современная нашему рассказу система возникла, судя по всему, уже при

Второй осаде, примерно лет через сто, о чем пойдет речь ниже.)

Так что на третий вопрос ответ был: «Сейчас попробую!» На второй вопрос ответ был: «Нет, но придется воевать!» Ответ на первый вопрос был очень туманен: «Ваше Сиятельство, никто не знает человеческих мощностей, вот победим Пашу, отстроим Город, и Вы сами решите, маг ли я». Позднее Ведун написал несколько высокопарный трактат о свойствах оборонительной войны в форме наставления для князей:

«Запасы воды, еды и оружия для длительной осады — это забота Князя! Стены, башни, ловушки, рвы — это забота Князя и Архитектора! Разведка, переговоры, союзы и союзные войска — это забота Князя и его Начальника кавалерии! Мужество — это крепость сердец жителей, храбрость Князя с дружиной и вера жителей в Князя!»

Под Архитектором имелся в виду он сам, поскольку не мог явно признать себя магом. Начальниками кавалерии во все времена, вплоть до Багратиона и Мюрата, были самые храбрые и хитрые, отвечавшие за разведку капитаны, впоследствии генералы.

После Первой осады благодарные жители поставили бронзовый памятник у Ратуши в классическом стиле: Князь с мечом и пронзительным взором стоит на большом гранитном камне. А по сторонам обтесанного валуна-постаменты — горельефы, изображающие четырех персонажей. Все персонажи были известны по именам, а позже превратились в исторические символы: слева был изображен Конник в узнаваемой венгерской форме; спереди — Гражданин города с топором за поясом и киркой в руках (князь был немного популист);

сзади — Ландскнехт в полном облачении и с аркебузой; справа — Архитектор с треугольником и каким-то предметом, подозрительно похожим на раздвижную подзорную трубу, что, однако, было бы полным анахронизмом. Знаменитый ответ Князя («Быстро или...») выбили на постаменте по дуге так, чтобы было легко читать эту угрозу нежелательным пришельцам.

При второй атаке на стены полезли толпы янычар с лестницами, но в этот момент обороняющиеся открыли наружные ворота южной Воротной башни, и отряд венгерских гусар вновь разнес лагерь пушкарей, взорвал пороховой запас. Турки были посланы догнать возвращавшихся гусар и на их плечах ворваться в Город. Это вполне удалось бы, если бы не Ведун, который успел открыть «Дно в Ад» внутри Башни. Весь отряд человек в сто на полном скаку ушел в пропасть. Правда, несколько отставших гусар погибли под саблями или в массе конников ушли с потоком в провал и темную речку. Теребердей успел остановиться перед воротами, но, увидев жуткую гибель своего отряда, бросился назад и был убит лично Князем из арбалета. Такова, во всяком случае, еще одна легенда в летописи.

Второй конный отряд был отправлен вокруг города для атаки с тыла в лес, но не вернулся. Ведун как ботаник доложил Князю, что пришлось использовать дикую русскую крапиву, которую привезли русские купцы как средство от радикулита, годилось оно и для наказания жен за адюльтеры. Конных заблокировали в лесу на дороге между двумя многометровыми зарослями гигантской крапивы, а потом Ведун вызвал дождь на сутки при температуре плюс 30 градусов. Крапива росла как на дрожжах, и попытки провести

через нее лошадей провалились. Вырвалось только несколько совершенно ошалелых лошадей и воинов, которые не смогли объяснить Паше, что с ними произошло, и были им в раздражении казнены, чтобы не сеяли панику в войсках.

Паша Керем оказался перед неприятным выбором между длительной осадой и быстрой потерей собственной головы от недовольного визиря, командующего армией. Он сначала выбрал первый путь, написал письмо Главному визирю о коварстве князя Драгомира и стал готовить штурм Южной стены по полной форме с пушками. Все дни осады, маневров, вылазок сторон были использованы Ведуном для укрепления стен и Башен. До Первой осады только башня Колдун была реально укреплена (Дворца Дюка еще не было), а остальное пришлось сооружать в бешеном темпе. Ведун тщательно следил за тем, чтобы отбить память у строителей по завершению работ; никто не должен был запомнить, как устроены магические защитные элементы в проходах, ловушках, дверях и прочие хитрости в башнях.

Общий штурм отбивали с огромным трудом и значительными потерями от ядер и стрел осаждавших. Немного магии было применено для того, чтобы исказить конфигурацию стен и башен в представлении пушкарей и стрелков — они мазали мимо цели. Штурмовые лестницы проваливались перед стенами во рвы, которые засыпали всем, чем можно. Пламя текло из стен по желобам, где еще вчера текла вода, и тут же пожирало все живое и деревянное. Осада затянулась уже на три месяца, но город явно не был изолирован и не голодал. Озеро было слишком большое, про акведук

знали, но подобраться к нему не сумели. К сентябрю потери осаждавших стали огромными, и Паша Керем вынужден был отступить. Он понес свою повинную голову к Великому визирю, который тут же ее и отрубил.

Поход того года был в целом неудачен, так что немедленной попытки новой осады предпринято не было. Сам Драгомир был разумный человек и не хвастал ни масштабами, ни методами своей победы. Профессор медицины Ведун публиковал трактаты о лечении импортной крапивой и старался, чтобы все забыли о его военно-строительных подвигах. Для Города и его обитателей эта осада имела огромное значение: укрепилась вера горожан в Династию, поскольку Князь получил всю славу (маги в ней не нуждались) и титул Герцога Империи с очень условной феодальной зависимостью. Слух о воинственности Князя и его горожан укрепил уважение к Городу, его безопасность и доходы. Наконец, Ведун получил от Города и Правителя заказ и средства на строительство более мощных защитных сооружений. Маг не любил войну, но интеллектуальная задача нестандартной обороны города увлекла его на всю оставшуюся жизнь, то есть еще лет на тридцать.

Вернемся к Башням

Во времени наших событий вторая южная пара северных башен на Восточной стене — Колдун (правее, если смотреть извне) и Княжья — была еще загадочней. Княжья башня была обычным местом обитания Принца, откуда он сегодня утром и вышел на утреннюю прогулку. Когда-то все башни служили основными укреплениями и дворцами Города. Лет полтора-два назад при очередной перестройке Гранд Дюк оставил семье (наследнику) верхние три этажа, примыкающие к дворцу. А все нижние шесть этажей отдал шести профессорам Вышгородского университета — самого древнего в Тридевятом королевстве. Говорили, что университет возник после бегства из Оксфорда и Гейдельберга нескольких профессоров, которые

хотели заниматься наукой вдали от университетской догматики. Старый Дюк — основатель университета — когда-то в XV веке предложил контракт, про который узнал из истории отношений Франциска I и Леонардо: «по два золотых дуката (скуди) в день за право беседы». Старый Дюк был прижимист и платил меньше, чем король Франции, но вполне прилично. И не прогадал — слава о Городе пошла по всей Европе, соседние дворы завидовали, знать стала посылать детей учиться.

У профессоров были кабинеты для работы и спальни, причем существовала система привилегий для профессуры строго в зависимости от длительности преподавания в университете. Раньше они жили в большом здании на площади Школяров, куда приходила Северная галерея, над комнатами студентов. Там было очень весело и шумно. В Город приезжало много студентов со всего мира, студенты учились не слишком усердно, шастали по улицам и кабакам, так что соседи даже прятали от них своих дочек. Кстати, там долго сохранялся обычай: школяры чистили сапоги профессуре за порцию вина (говорят, в Тюбингене этот обычай еще недавно был в ходу). Профессора в конце концов взмолились о более спокойном месте для научной работы. После их переезда возникла проблема распределения этажей между профессурой. Дилемма была непростая: ближе к Герцогу, но высоко тащиться — лифтов-то не было. Вопрос, отданный профессорам на решение, никогда бы не нашел ответа из-за сложных дебатов, но Герцог принял решение сам: или вверх в бочке на веревке, или ползти самим по этажам. Тут оказалось, что у самого старого философа еще и боязнь высоты. В итоге естественный круговорот профессуры

по степени приближенности к Гранд Дюку происходил на протяжении лет ста.

Именно тогда Северную галерею стали называть Школярской. Студенты гордились, если им удавалось прогуляться с профессорами от Ратуши до общежития университета и до Княжьей башни и обратно, побеседовать о том о сем. Надо признать, за пределами своих кабинетов в башне и шумных коридоров университета профессора были много откровеннее, живо реагировали на встречных красоток, иногда даже спускались по боковым лестницам в рестораны для подкрепления сил физических и духовых. Профессора в те далекие годы считали студентов своими коллегами и преемниками, так что наука процветала, а горожане не скучали. Ректором по традиции был городской епископ, но он играл церемониальную роль — шесть профессоров справлялись сами, а деньги на университет давал секретарь Дюка. В университете были даже соревнования по математике, фармакологии и теологии со студентами Тюбингена — оба университета были сходных размеров и прогрессивных взглядов.

Обычно Великих профессоров было шестеро — по главным наукам того времени: теолог, математик, алхимик, медик, а также философ, политик, дипломат и историк в одном лице. Шестой профессор учил хорошим манерам, музыке, пению и даже как правильно выйти замуж, а на самом деле еще и магии.

Специфика феодальной Европы, которая практически стерта профессурой из летописей, заключалась в том, что королевские дворы, равно как и в Азии, совсем без магии долго не выдерживали — их поглощали соседи, более сильные армией или магией. По-

этому кто-то из профессоров поддерживал традицию королевской магии. В зависимости от реальной ситуации (и от везения властителей) это мог быть и философ, и алхимик, скрывавший от церкви и горожан свои способности и функции.

Королевская магия — это комбинация огромного семейного опыта решения проблем в общении с магами, часто неотделимая от искусства государей. Обычно она не была сколько-нибудь мощная, но позволяла немного облегчить бремя правления, улучшить дипломатические отношения с соседями, содействовать искусству и наукам. Хорошо подготовленного короля трудно было обмануть финансовым, техническим и социальным шарлатанам, которые одолевали дворы владык на всем земном шаре уже два с половиной тысячелетия. Основные сложности возникали при смене династий или поколений. Иногда новые правители не нравились магам, и те тихо уходили, оставляя в недоумении новых господ наедине с проблемами управления. Бывало, что новые правители оказывались непрактичными и в борьбе с «магией» начинали параноидальные кампании против магов, ведьм и заодно ученых. История показывает, что они недолго выдерживали трудности жизни.

Сами маги редко занимали профессорские должности, так как не были по своей природе предназначены для рутинных операций, не могли непрерывно находиться среди людей при дворе или в общении со студентами и, разумеется, предпочитали сохранять большую независимость.

Как-то Фея объяснила нашему Дюку в его двенадцать лет, почему она не может жить при дворе: «Видишь ли,

Всеволод, я должна минимум три-четыре дня в неделю пребывать в одиночестве или с кем-то, кто не вызывал бы своими действиями или словами никаких инстинктивных магических реакций. Дорогой Воля, Магия — это Дар, Искра и Взрыв. Маги могут реагировать на все, совершенно на все — это зависит от их индивидуальной чувствительности, их радикала (ведьма — фея; жестокий — добрый колдун) и общей интенсивности, магических мощностей и эмоций, наконец. Если маги будут все время среди людей, то или дров наломают, или выдохнутся. Так уж не держи меня, я полечу куда-нибудь или хоть переночую в тишине в Колдуне по соседству, в Бархатной комнате или на чердаке».

Заметим, что упоминание Бархатной комнаты внутри башни было крайне редким — мало кто и знал про нее. В ней изредка собирались маги, без людей, чтобы решить общие проблемы. Спецификой комнаты было то, что никто из магов не мог в ней принять чужого обличья и обмануть коллег по собранию. Как гласила местная легенда, в далеком прошлом в Бархатной комнате долгое время скрывалась Великая Фея Европы, хотя имя ее осталось неизвестным.

В Средние века, в течение трех столетий XV–XVII, в центре «цивилизованной» Европы преимущественно протестантские фанатики перебили шестьдесят тысяч «ведьм». Убивали по воскресеньям на глазах у дикой толпы, которая своими воплями и истериками закрепляла свои страхи и ненависть и поддерживала процесс. Понятно, что на одну случайно схваченную ведьму приходились сотни совершенно безобидных женщин. Как теперь можно понять, хуже всего всегда было красивым, богатым и рыжим, но это выходит за

пределы нашей истории сегодня. Времена были тяжелые, и у магов на континенте было лишь несколько надежных мест, где они могли пожить, не опасаясь ни сумасшедших властей, ни злых магов, которые спасали свои шкуры, маскируясь под инквизицию и выдавая других магов на расправу.

Вторая осада — имперцы

Когда-то Граф фон Л. (не приводим его полного имени из уважения к его вполне почтенным потомкам) из восточногерманских земель заезжал в наши края по дороге в Венецию, когда участвовал в войнах Австрии против Турции. Ко времени Второй осады Ближний Восток был уже закрыт для экспедиций такого рода — с турками было опасно тягаться, а в Восточной Европе был соблазн подобных походов, и риск казался вполне умеренным. Вот ему и приглянулся наш город, и был затеян поход имперских рыцарей на Вышгород, несколько напоминавший по задумке разгром Константинополя 1204 года, но оказалось, что только по задумке.

Граф фон Л. был в какой-то степени дурным персонажем для своей семьи, он давно уже оторвался от своего общества, став наемным кондотьером. Тогда такие, с позволения сказать, графы и толпы обедневших рыцарей рассматривали крестовые походы как способ комплексного решения проблем личной бедности. Если получалось — удача: и имение приобрел от предводителя похода, храбростью перед дамами прославился и поубивал безнаказанно — прощение-то грехов получал оптом, а не поштучно (то есть «поголовно»).

Распространить слухи о том, что в Вышгороде есть еретики и даже колдуны, во времена до появления свободной прессы (которая это делает быстрее и эффективнее) было делом относительно сложным, но выполнимым. Дали денег кликушам, послали по базарам нести всякую муть, пара бродячих монахов дала письменные показания, граф с этими бумагами дошел до епископа, списались с Римом. Получив одобрение церковных властей, достаточно было по трактирам кликнуть клич среди рыцарства, изнемогавшего от долгов. И не слишком большая армия титулованных бездельников со своими слугами и разным наемным сбродом двинулась бороться с малопонятной ересью (или просто лютеранами), то есть слугами дьявола в богатом городе, — достойная цель войны в те времена. Они к тому же надеялись, что тогдашняя Герцогиня согласится сдаться, выдать еретиков или выйти замуж. Граф фон Л. и Епископ Экберт также надеялись поймать неуловимую Главную Фею Европы, которую они считали ведьмой и совсем недавно упустили в Люксембурге. Шла молва, что ее видели на дороге в эти края.

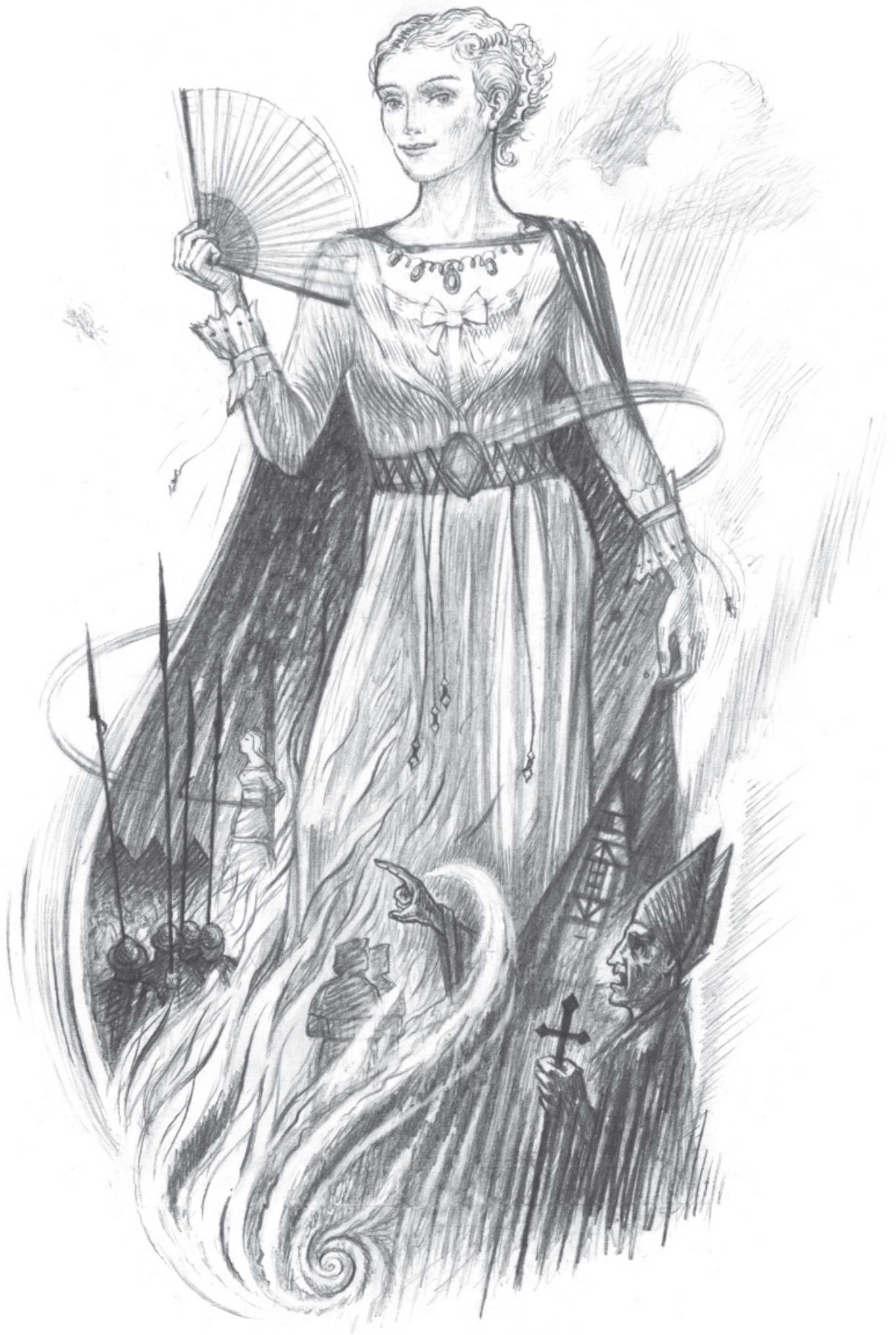
Описание подробностей Второй осады можно найти в городских летописных книгах. Небольшая армия вдовой Герцогини Барбары и ее советников справилась с очень непростой задачей. Дело в том, что разгром армии Графа фон Л. вызвал много шума в Европе. Погибшие рыцари были сами обвинены в ереси и в жестокости к христианскому населению. А Граф фон Л. репутацию имел дурную, много кому задолжал, и даже семья не стала защищать его грабежи и прочие деяния по всей Центральной и Восточной Европе (безобразничал он не только в окрестностях Вышгорода).

Но это было потом, а пока сотня рыцарей, а всего до полутора тысяч вооруженных воинов с дюжиной пушек и обозами вторглись через соседние государства в наше Герцогство. Сопротивления никто не оказывал, все замерло в страхе перед рыцарствующими бандитами.

В городе тогда ситуация была довольно сложной — Герцог умер уже десять лет назад, а 16-летний сын еще реально править не мог; кроме того, он был большой любитель наук. Так что реальным командиром обороны оказались сама Красавица Барбара и ее наперсник из какой-то далекой северной страны — она сама не знала откуда. Она пригласила его из Тюбингена на позицию профессора «философии, политики, дипломатии и истории». Реально он стал Наставником молодого Герцога, а потом фактически членом узкого круга в правительстве. Поговаривали, что Герцогиня к нему равнодушна, но так клеветают на каждого умного человека при женском правлении. Именно при нем за пять-шесть лет в городе снова расцвел Университет. Он читал лекции по античной истории и просил звать его Денис, хотя явно это было имя, принятое лишь для

удобства общения. Сам он был по виду человек невоенный, но без кинжала и шпаги из дома не выходил. Он сторонился алхимии и математики, зато отлично ладил с командирами гвардии Города и регулярно пил с ними вино в тавернах. У него была привычка переезжать и бродить по городу и герцогству, да и по соседним княжествам. Постояльцы таверн обычно узнавали в нем то епископа из Франции, то кондотьера из Урбино, то купца из Барселоны.

Феей в городе в это время работала очень милая простушка Марта. Она была очень доброй, заботливой и доверчивой девочкой-сиротой из крестьян, хотела заниматься музыкой. Герцогиня когда-то взяла ее в Замок, чтобы она не бедствовала. Ей по душе были праздники и свадьбы, помощь детям и матерям. У девочки оказались способности к малой магии, и Фея из соседнего королевства по-дружески подтолкнула ее к развитию своих данных. У нее славно все получалось, но только не в политике: Марта оказалась едва в состоянии поддерживать магические элементы оборонительных стен и башен города. Но в сочетании с жесткой Герцогиней они прекрасно дополняли друг друга и почти не пересекались в сферах деятельности. Компания расширилась, когда к Денису с год назад приехала изумительная дама, старая знакомая и явно Фея, которую звали Сандра, но она очень просила скрыть ее пребывание в городе. К ней Барбара не ревновала — она была уверена в своем ученом друге. Приезжую Великую Фею, как ее называла Марта, и вправду приходилось прятать от большинства людей. По всей Европе ее искали служители различных инквизиторских епископов, представителей орденов и прочих мракобесов.

Для Барбары, которая сама была свободомыслящей для своего времени и не любила фанатиков с обоих флангов религиозных войн, общество такой Феи было очень приятно. И наконец-то было с кем поговорить на своем уровне.

Епископ Экберт уже не один десяток лет искал по Центральной Европе белокурую ведьму Сандрилену, о которой в книгах и рассказах говорилось, что она всегда молода и обворожительна. Рассказы о ней несли в себе удивительные противоречия. Ему казалось, что он видел ее много раз на улицах и на праздниках у знати. Он несколько раз был совсем близок к тому, чтобы схватить ее; один раз, как говорили, ее кто-то вызволил прямо из разгоравшегося костра. Епископ сам несколько раз чуть не погиб в этой борьбе, но успевал вовремя улизнуть от беспощадных защитников Феи.

У борцов с ведьмами было устойчивое подозрение, что знать (всех вероисповеданий) скрывает ее от церкви. По легенде, она приносила счастье в семьи, врачумляла, то есть по сути конкурировала со священством. Но никто не был уверен, что это она. В книгах о ведьмах она была персонально упомянута, но как-то неконкретно — мол, вообще опасна. А в рыцарских романах она представала благородной дамой высокого происхождения, делала много добра для детей, женщин, лечила раненых и часто творила разные чудеса на благо слабых и благородных — тут ее почитали Феей! Епископ нашептывал Графу, что она может быть в Вышгороде — он был в этом уверен, поскольку она исчезла несколько лет назад в треугольнике между Стамбулом, Веной и Венецией. И что если Граф найдет ее, тогда Герцогиня и Город достанутся ему, а Епископу

для славы борца с ведьмами требуется хороший костер для Сандрилены.

Герцогиня с сыном, две Феи и несколько загадочный для посторонних Денис составили штаб обороны вместе с лейтенантами нескольких частей, которыми располагало герцогство. Барбара верила, что этого достаточно для обороны города, но Денис и Великая Фея настаивали, что для такой серьезной войны нужна настоящая Ведьма. Иначе будут очень большие потери, даже если удастся справиться самим. Угрозу костра для ведьм Барбара восприняла как угрозу самой себе, а не только Феям Сандре и Марте. Этот аргумент убедил Герцогиню — она любила свой город и своих подруг. Не последним в ее согласии с Феей было и любопытство: как выглядит и что умеет делать настоящая Ведьма?

Между тем милая Сандрилена оказалась гораздо большим знатоком магии, чем Марта, и быстро осваивала хитрости магов предыдущих столетий в Башнях. Войска фон Л. плотно обложили город, а Епископ Экберт выискивал свою ведьму, пытая жителей деревень в округе и немногих пленных. Они не пытались прорваться через лес с севера, но всерьез решили снести стены и башни Города большими пушками. В этот момент Барбара мудро изрекла: «Ведьма в драке не помещает». И добрейшая Великая Фея услала куда-то на восток свою маленькую птичку-синичку с инструкциями.

Между тем с осаждающими начались переговоры, которые носили, с точки зрения Барбары, просто омерзительный характер. Как она заметила, Граф просто имитирует Чезаре Борджиа своей самоуверенностью и хамит так, будто уже взял Город. Действительно, наг-

лость нападавших была проста и безмерна. Они предлагали быстро сдать город и обещали всех женщин «взять в жены». А если, мол, не сдадут, то возьмут сами и тогда... Экберт требовал немедленной выдачи «Ведьмы», что делало его запрос много более сложным, чем он сам мог предположить, так как под его описание («владеет магией», «хороша собой» и прочее) по тем диким временам могли попасть очень многие дамы. Герцогиня заволновалась.

Чтобы мерзавцев, осаждавших Город, не было так слышно, Денис надоумил Герцогиню заказать маленьким оркестрикам из таверн, сменяя друг друга на стенах, играть свои мелодии без остановки, вызывая злость и бессонницу у осаждавших. Имперцы в ответ безуспешно пытались достать музыкантов пушечными ядрами. Правда, и горожане так устали от музыки за лето осады, что потом слушали только колокольный звон и хоралы, а свою народную музыку не могли выносить до самого Рождества.

По просьбе Фей и Дениса Герцогиня приняла вражескую делегацию для переговоров в шатре перед воротами. Граф и его капитаны повторили свои предложения, требования епископа и своей солдатни в несколько более приличной форме. Барбара обещала подумать, осаждавшие ей не поверили, хотя не понимали, на что она рассчитывает. На третий день после переговоров они изготовили к стрельбе пушки и запасли фашины для завала рвов.

Ночью затемно прилетела в виде коршуна такая страшная Черная Ведьма, что даже Барбаре поначалу стало жутко. Герцогиня с удивлением увидела, что вновь прибывшая Ведьма обнялась и чуть ли не рас-

плакалась на плече у Великой Феи как у старой знакомой. Потом она несколько изменила свою внешность, стала похожей на «Вдову Безутешную» и просила звать ее Черной Милли. На самом деле она была, по всей видимости, холеричной рыжей ведьмой, подвижной, неустойчивой и явно опасной. Наставнику Денису она сказала нечто по-своему вежливое: «Слышала о Вас много интересного». Она пробыла в городе всего семьдесят два часа, сказав, что не может оставлять надолго «свое болото без присмотра». Барбара восприняла «болото» как шутку (если бы она знала!).

Ведьма показывала Герцогине, Денису и Феям древние секреты Башен и Озера, да такие, что всем стало страшно и чрезвычайно любопытно, а Феи и Герцогиня в изумлении охали. Добрая Марта менялась на глазах под влиянием войны и тревоги за жителей города. Ведьма между тем без малейшего отдыха учила обеих Фей наращивать стены в глазах нападавших, а также всяким трюкам с бойницами и стрелами для больших луков. Она также слетала рано утречком к озеру и речкам вокруг, осталась довольна и долго показывала на глазах у изумленной Герцогини какие-то фокусы, от которых и две Феи закатывали глаза, вздыхали и спрашивали, нельзя ли полегче. Денис вникал во все, что мог, задумчиво качал головой и непроизвольно потирал руки, то ли от тяжелых трудов, то ли в их предвкушении. Людвиг пребывал в изумлении. Однажды мальчик не выдержал и спросил: «Уважаемая Черная Милли! А у Вас есть свой народ или город, в котором Вы правите?» Ведьму этот вопрос явно застал врасплох, но Сандра пришла на помощь: «Конечно, Людвиг, у нее огромная страна на Востоке. Ведь Ведьма без со-

циума — просто набор дешевых трюков! Впрочем, то же самое можно сказать и о Фее...». Милли благодарно кивнула, а Денис одобрительно подмигнул парню.

В заключение Ведьма слегка пожала плечами и сделала всем понятное движение большим пальцем правой руки по горлу. За три дня она ни разу не присела, непонятно, когда спала, и завоевала огромное доверие Герцогини, которая три вечера подряд рассказывала ей свою судьбу. Не дожидаясь конца осады, Ведьма раскланялась, обняла Сандру, похлопала юного Принца по плечу — мол, справишься, и улетела коршуном в ночь.

Вот как развивались события дальше. Граф фон Л. на рассвете, не дожидаясь по обычаю подлецов конца перемирия, без выстрела бросил войска на стены в расчете на внезапность. Две Феи, стоя по сторонам стены в Воротной башне и в Колдуне, стали «поднимать стены» (точнее, создавать видимость их высоты) так, чтобы нападающие не могли видеть края стены со своих лестниц. Ведьма и Денис были незаметны нападавшим, но были рядом с Герцогиней и ее сыном. По городу били из всех орудий того времени, но те не попадали в цель — какой-то туман мешал. Атака захлебнулась с большими потерями для имперцев.

Первый рассказ Герцогини

К вечеру после первого дня пребывания Черной Ведьмы в городе настроение у всех поднялось — отбили очередную атаку. Никто не понимал, почему, но было ясно, что силы обороняющегося города очень возросли. Народ начал выпивать и закусывать с разрешения Герцогини и Епископа Города — Ведьма лично гарантировала им мир до рассвета. Около одиннадцати вечера Герцогиня с сыном пригласили всю компанию собраться у камина. Разговор не клеился; основные битвы были впереди, и хвалиться было рано.

Вдруг Милли увидела у Барбары на широком воротнике маленькую (дюйм с небольшим) булавку из старого серебра в виде сабли с бриллиантом, скорее мужское,

чем женское украшение. Она вздрогнула и стала объяснять Герцогине и Сандре, что надо быть очень осторожным с такими предметами. Она не решалась ни попросить булавку, чтобы самой схоронить подальше от людей, ни рассказать, в чем опасность. Сандра настоялась и хотела подробно расспросить, но не рискнула это делать при Герцогине, которая была слишком бесстрашна и могла сделать вывод, «противоположный желательному». Барбара медленно и нарочито вежливо процедила:

— Я буду очень обязана, если Вы объясните мне смысл Ваших слов об этой безобидной безделушке, которую я хотела подарить своему сыну как небольшое украшение.

Милли посмотрела Герцогине прямо в глаза:

— Лучше бы Вам этого не знать, но Вы — хозяйка дома, и у меня есть ощущение, что Вы пользовались ранее этим артефактом! На первый взгляд лезвие сабли у булавки, или даже брошки, выглядит вполне безобидно, то есть мало по размеру... Рукоятка и три бриллианта с рубином посередине на ней уже привлекают внимание и просят, нет, требуют проверки на магию! Разумеется, в наши времена игла может быть просто отрав-

лена, как и само лезвие. Это порой делается заговорщиком в расчете на то, что хозяин случайно кольнет себя в палец. Еще более вероятно, что артефакт отравлен и внесен в чей-то дом как удобное орудие убийства для того, кого обыщут при входе. Или кого-нибудь в руку ранят — проверим?

Не дожидаясь ответа Герцогини, она поймала в воздухе какую-то ночную бабочку и чуть кольнула ее маленькой саблей. Бабочка упала замертво! Герцогиня сдержала вдох и задала вопрос иначе:

— Это Вы ее кольнули или это яд?

Черная Милли тоже вздохнула:

— Возможны оба варианта, а моя цель — показать риски... Второе, что может произойти с таким предметом из старого серебра, побывавшем во многих руках: он может привлечь внимание какого-нибудь мага и вызвать желание его использовать. Поэтому я интуитивно хотела бы его убрать с глаз долой...

— И третье? — спросила Герцогиня, которая уже многое поняла.

— И третье? Да, я боюсь, что в плохих руках сталь может вырасти до размеров обычной сабли, но, ох, не хотела бы я сражаться с кем-то, вооруженным таким оружием! И я не вполне уверена, что человек справится даже с такой саблей против мага.

Герцогиня не испугалась:

— Сандра, Марта, что скажете, Добрые Феи, как поступить с Булавкой?

Сандра покачала заклочку на ладони, потом положила на протянутую ладонь Марте и потом переложил ее на ладонь Герцогини, которая сразу с явным волнением выдохнула:

— Сабля потеплела, потяжелела и чуть выросла? — и она вернула ее Ведьме... Сандра обмахнулась своим брабантским веером и предложила держать Саблю подалеже от юношей, магов и военных.

Милли подумала и предложила:

— Блистательная Герцогиня! Могу я предложить Вам некоторую сделку?

Барбара напряглась, подумала и медленно кивнула. Милли впервые улыбнулась, вызвав что-то близкое к солнечному лучику на оружии на стенах мрачной старинной гостиной Дворца — дело было поздно вечером.

— Уважаемая Герцогиня, я думаю о том, как сохранить эту Саблю у Вас и дать ей шанс при случае быть полезной Вам, но перестраховаться на случай бесконтрольного использования вероятного магического артефакта. Я полагаю, что это настоящая Сабля, которой убили не одного человека. По ощущению ее тепла она сейчас в хороших — Ваших — руках. Я могу попробовать создать шкатулку, или кувшин, или ножны для этой Сабли, которые бы подчинялись только Вам лично и перейдут по наследству Вашему сыну Людвигу, когда он вырастет или когда Вы так решите.

— А что взамен?

— Взамен мне ничего не нужно, кроме Вашего рассказа о том, как Вы стали Герцогиней и откуда у Вас эта Сабля. Сдается мне, тут есть какая-то связь и Вы дорожите этой... ммм... брошкой. Поверьте — это не праздное любопытство, а необходимость знать, как защитить Саблю от чужих рук.

Герцогиня нервно вздрогнула и сначала собралась было отказать, но помедлила несколько секунд и кивнула:

— Я люблю для себя вспоминать эти события, но когда-то надо рассказать сыну и вообще сохранить историю для Династии...

В этот момент все трое магов-женщин усомнились в том, что она расскажет правду (было бы неудобно это сказать хозяйке), но выхода не было.

— Мне было семнадцать, то есть все происходило очень недавно, будто вчера, а на самом деле семнадцать лет назад — вот и Людвигу уже шестнадцать. Моя семья жила очень скромно в городе М. в Германии, отец служил у местного короля — полковником кавалерии. За три года до этого мама отправила брата воевать, чтобы он прославился и восстановил положение семьи. Она считала, что мы происходим из знаменитого рода графов С., который прекратился по мужской линии еще полтора века назад или больше. Меня даже называли Барбарой в честь знаменитой королевы в роду. Мама собрала разные документы, но, по правде сказать, ее красота, ум и упорство говорили в пользу нашей родословной гораздо больше, чем бумаги. А вот брат не оправдал маминых надежд и в известных вам бесконечных войнах отличиться никак не мог — он был слишком добрым и не был героем пороха и железа. Он стал капитаном в армии знаменитого генерала, но это было все: денег и титулов он не приобрел. На момент тех событий он был неизвестно где, полагали даже, что он погиб. Сейчас наших родителей уже нет, они умерли от чумы в странствиях по охваченной войной стране. А тогда мы были в бедности и отчаянии. И уже в семнадцать лет я понимала, что должна сама строить свою судьбу. Отец, несмотря на возражения мамы, учил меня скакать на лошади, стрелять и фех-

товать. Языки и музыку я учила сама и быстро. Кстати, похоже, что бог перепутал нас с братом — он был бы хорошим семьянином.

Он выпила чашку чая, потом, подумав, рюмку вишневой наливки, приготовленной в соседнем монастыре. Сандра и Милли с Мартой вздохнули с облегчением — это было похоже на правду.

— Итак, маме пришла в голову странная идея: выдать меня по заочной переписке за какого-то графа из Северной Италии (генуэзец лет сорока пяти, пятый брак), который был несметно богат то ли благодаря разбою, то ли торговле от Геркулесовых столбов до Стамбула. В Европе, вы знаете, рыцарские романы и любовь существуют вполне независимо от реальной практики династических или купеческих браков — все с расчетом на положение и имения. Вот бедную Лукрецию Борджиа четыре раза выдавали замуж. Поскольку моя мама очень старалась, то про мою красоту и добродетель знало пол-Европы. Про то, что я стреляла лучше мужчин, она не распространялась, и женихов было — хоть устраивай турнир. И вот она отправила меня в дорогу со служанкой, а сама бросилась искать брата по армиям; это он был ее «любимцем и надеждой», а не я. Я должна была ехать кружной безопасной дорогой до Падуи и там ждать приезда жениха.

Мой заочный брачный договор и все детали брака были не по мне, я даже сбежать хотела, да некуда было: ни родни богатой, ни денег, ни имений. Отец пытался мать вразумить, но маме не терпелось пристроить меня и поехать искать брата. Меня со служанкой включили в караван одного крупного и нескольких мелких купцов, которые двигались по стране вместе для боль-

шей безопасности... Через месяц мы должны были прибыть в Падую для встречи с людьми жениха.

Тут Герцогиня рассмеялась очень горько; было видно, что ей до сих пор очень обидно, что мама так рискнула ею.

— Конечно, мне хотелось встретить Принца-Рыцаря и полюбить его взаимно, — продолжала она, — но я понимала, что в моем случае это маловероятно. Собственно, я хотела увеличить свою свободу и поэтому фехтовала, стреляла, учила языки больше, чем занималась вышиванием или игрой на музыкальных инструментах. Итак, мы двигались в караване карет и повозок, на который на второй день пути напали обычные разбойники; они пытались ограбить нас, но купцы заплатили им, и все обошлось. Уже на пятый день, далеко от дома и еще далеко от города И., куда мы ехали с караваном для остановки, на нас напали очень странные, жестокие люди, их было четверо. Главарь в полумаске потребовал отдать им «девиц». Один из охранников богатого купца сказал ему, что тут «нет никаких девиц», но тот его сразу зарубил саблей. Тогда я поняла, что ищут меня, и между шторок окна дорожной кареты выстрелила из пистолета в главаря. Пуля прошла ему насквозь обе щеки. Разбойники увезли его, а богатый купец Герман подошел ко мне и сказал, что мне надо уехать. Он дал мне немного серебра и порох к пистолетам, я переоделась в мужское платье и ускакала верхом, взяв свои бумаги и оставив письмо отца к жениху у моей служанки Эльзы в надежде так отвлечь от себя внимание.

— Надо сказать, — с удовольствием вспоминала Герцогиня, — купцы везли в основном ткани, но были

и готовые наряды на продажу, и мне достался новенький, по последней моде, парадный костюм юноши-придворного: фиолетовые брюки в обтяжку... хммм, я еле в них влезла... малиновый колет, фиолетовый берет с пером, много всяких сапожек, перчаток, ремней, мужских сумок — многие девицы втайне о таком мечтают. Я была девушка стройная, но, так сказать, приятной упитанности. Я и сейчас с удовольствием надела бы тот костюм, но уже не смогу...

Сын поморщился, слушая, как дамы обсуждают старые моды. Зато остальные собравшиеся немедленно уверили Герцогиню, что ей совершенно не грозит потеря привлекательности из-за худобы.

Черная Милли, воспользовавшись паузой, напомнила:

— А Булавка?..

— Герман обещал охранять Эльзу еще три дня, а потом вернуть домой. На караван напали через два. Главарь был с закрытым лицом, тот самый, с раной. Он не мог говорить, но его подручные схватили мою служанку и спросили, где я, поскольку она никак не могла быть мной, даже в моем платье и с письмами. Она могла сказать только, что, скорее всего, я поехала на лошади к жениху, но не сказала, что я переоделась.

Тут надо признать, что я действительно нашла эту Булавку на том месте, где был ранен главарь. Наверное, при ранении он уронил Саблю, и она сжалась в Булавку. Так что это стала моя законная добыча и, думаю, слушается меня. Разбойники ее искали, допрашивали людей, но не нашли ни меня, ни Булавку. На самом деле я от каравана никуда не ускакала. У меня не было никаких идей о направлении бегства, и я ехала за

караваном в стороне от дороги, лесом, в основном ночью. Герман до сих пор жив, он уже старик, тут в городе торгует тканями беспощинно, а тогда он оставлял мне еду и записки в стороне от дороги.

После захвата Эльзы я не на шутку испугалась и поняла, что пощады ни мне, ни ей не будет. Ночью я нашла лагерь бандитов и решила подкрасться и подслушать. Они были очень хорошо вооружены, говорили в основном по-итальянски, но я немного понимаю и по-итальянски. Стало ясно, что бандиты во главе с этим «рыцарем», который был их предводителем, искали меня, чтобы продать турецкому паше в гарем. Главарь хотел передать меня туркам в Н.; я не расслышала точное место. Упоминалось еще имя богатого графа из Италии, наверняка используемое без его ведома, — бандиты явно не теряли надежды найти меня. Простите бедной девушке желание отомстить за такую наглость. Я была в ярости и страхе, а защитника у меня не было, все пришлось делать самой... Я случайно схватила саблю на брошке за рукоятку... опушу детали... выжил только Главарь, раненый — он не выпил «того вина», которое я им... и ускакал.

Феи были в изумлении, юный Герцог сел на маленькую скамеечку и обнял мать. Ведьма смотрела в огонь и вдруг медленно, растягивая слова, спросила:

— Можно так понять... догадаться... раз Граф фон Л. имеет такую странную рану на обеих щеках, то не...

Тут изумилась Герцогиня:

— Да-а, Вы ведь недавно у нас, но многое узнали!

Милли подняла глаза от огня и продолжила:

— Я вижу его... а он знает, что это Вы та самая девушка?

Барбара покачала головой:

— Думаю, что нет: я его видела, он меня нет... много лет прошло... ему было тогда не до меня... и я исчезла. Эльза вышла замуж, так и не узнав, кто ее спас тогда ночью у костра. Я тайком помогаю ей, но она не знает, где я. Мне и от семьи пришлось скрываться, хоть они знают, что я жива. Думают, что я прячусь от страха в монастыре. Какие-то разбойники по всей Европе искали девушку по монастырям еще лет пять. Мы с мужем решили, что счастливы вдвоем, и я не особенно показывалась на людях до рождения Людвига. Главарь ищет меня, просто ему в голову не могло прийти, что я так высоко вознеслась. Но вскоре он сообразит, или его Епископ надоумит и меня в ведьмы записать!

Тут Герцогиня совсем расстроилась от грустных воспоминаний, у нее покатались слезы, и она выпила еще вина.

— Давайте спать, дорогие Гости, завтра война... Но теперь вы понимаете мое состояние, как мне пришлось начинать жизнь...

На следующий день осады в направлении всех четырех башен Южной стены начали двигаться заранее подготовленные четыре передвижные деревянные башни с солдатами и малыми пушками. Но оказалось, что ночью они были атакованы армией неизвестно откуда взявшихся короедов и древоточцев, которые так активно грызли дерево, что башни рухнули на поле раньше, чем их дотащили до стен.

Офицеры армии Графа и все его жадное воинство были в бешенстве; город блестел крышами и латами немногочисленных воинов, но не было никакой щели, чтобы вломиться в него. Веселая музыка и издева-

тельская стрельба в осаждавшую армию вишневыми косточками из легких пушек дополняли картину. Изначально имперцы не планировали сжигать Город — Граф фон Л. хотел его захватить для себя, а не разрушить. Теперь они начали стрельбу из пушек, но это кончилось внезапно и полностью — пушки были взорваны удивительным образом. Стрелы из больших арбалетов с башен и стен и раньше достигали позиций пушек, но теперь они попадали прямо в стволы и точно перед тем, как из них должны были выстрелить ядра. Стрелы загадочным образом влетали в стволы и то ли заклепывали горячим оловом ядра, то ли поджигали порох за ядрами по малым пустотам. В течение получаса все артиллеристы были спроважены в ад, так как трудно было предположить, что кто-то их ждал в раю. После месяца осады и трех попыток нападения армия не добилась ни малейшего успеха. В городе по случаю победы звонили в колокола, а на стенах оркестры перешли на танцевальную музыку, которая доводила мрачных рыцарей и особенно епископа до иступления.

Второй рассказ Герцогини

На свой второй день в Городе Милли, разгоряченная дневными сражениями, слетала на озеро к водопаду охладиться под струей и проверить, как идут работы по возведению плотины, и немного «помогла» рабочим с цементированием. В пол-одиннадцатого она была уже на вечернем ужине в той же компании Герцогини с сыном, Денисом и двумя Феями. Совет долго обсуждал военные проблемы и отвратительных рыцарей-имперцев, которые продолжали грабить в окрестностях.

К полуночи Герцогиня уловила надежду в молчании присутствующих, улыбнулась и сказала:

— Я обещала вам историю, как все-таки я очутилась здесь.

Все с облегчением вздохнули, а Денис, который в присутствии магов старался молчать, произнес:

— О, Герцогиня, я давно мечтаю...

После печальных подробностей предыдущей ночи и побед уходящего дня Герцогиня добавила огня в камине, выпила большой бокал французского вина (шампанское тогда еще не придумали) и заговорила гораздо более веселым тоном, чем раньше:

— Дальше моя история становится более веселой, по крайней мере, на несколько лет. Я рассказала Герману про историю в лесу, и он посоветовал ехать через волшебный лес к городу В., который считался безопасным местом для всех, кто туда проберется, при этом предупредил об опасностях леса. Его логика была простой: Главарь банды перекроет все дороги на Падую, а ехать назад нет смысла. Надо добираться куда-то, где можно переждать под видом мальчика и решить, что делать дальше. Я решила рискнуть, запасла пороху и сыра и опять стала передвигаться по ночам.

По правде сказать, я не очень надеялась долго выдержать жизнь мальчика, потому что мои формы мало соответствовали юношеским. Только на коне или сидя за столом я выглядела более или менее похожей на мальчика.

Герман отправил Эльзу обратно домой, а я с бумагами на имя Виконта де К., которые мне изготовили умельцы в одном из постоянных дворов за малые деньги, — Герцогиня опять улыбнулась своим воспоминаниям, — я поскакала поздно вечером примерно в направлении на Вышгород. Местность здесь со времен Великой чумы XIV века оставалась относительно пустынной и лесистой. Днем пережидала, где могла, но-

чью старалась подремать, а ехала в основном в сумерках или на рассвете. Прошло дней шесть или семь, и я въехала в Большой лес рано утром под пение птиц, совершенно не чувствуя опасности. Но уже за первый день пути по лесу я поняла, что никого я не вижу потому, что двигаюсь по кругу, а может, земля поворачивается в обратную сторону. Сперва я испугалась и вернулась на ту дорогу, которая была наезжена колесами и копытами, но надо было двигаться дальше.

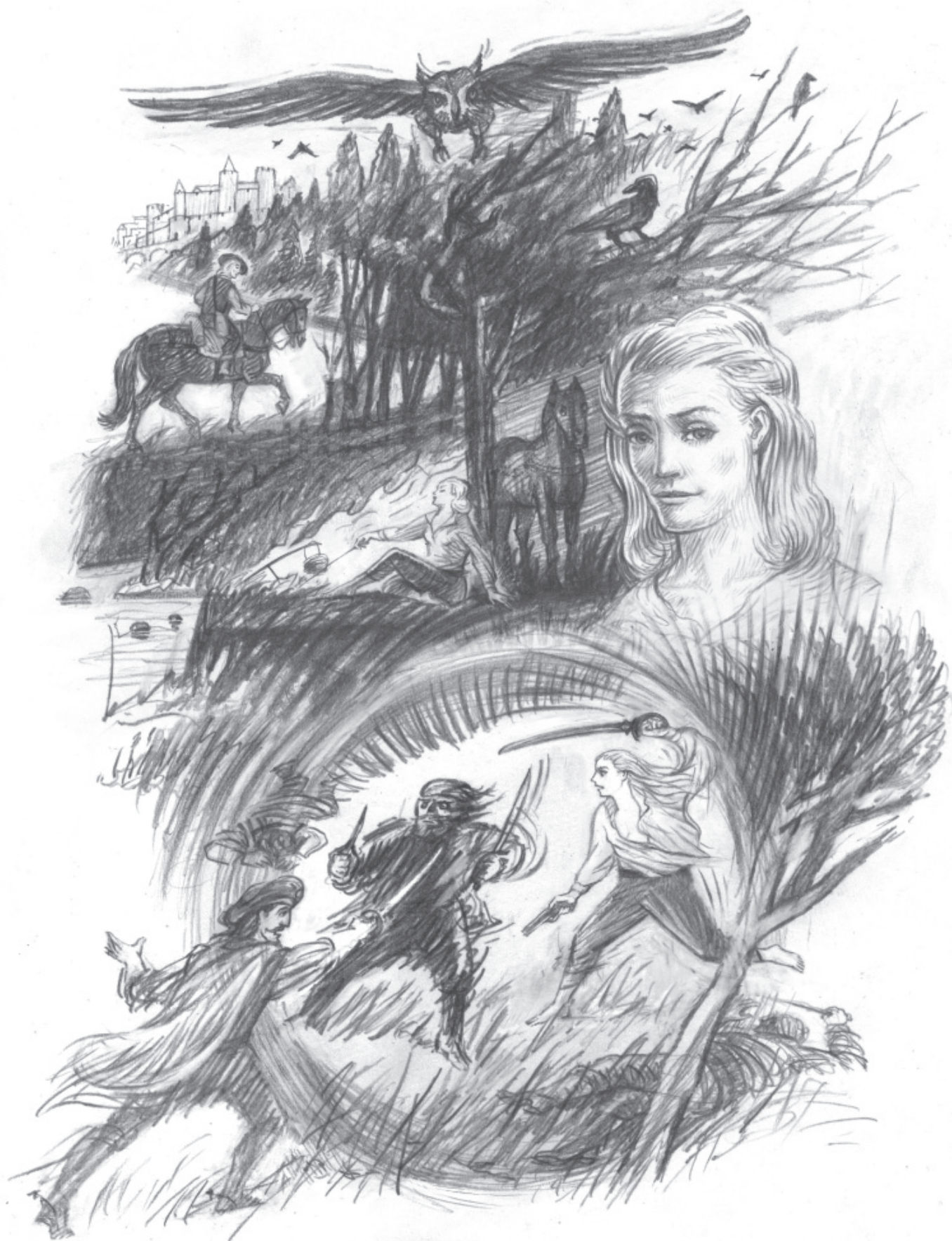
Честно говоря, мне не особенно приятно вспоминать подробности того, как одинокая, хотя и бесстрашная девушка продирается через Волшебный лес, который как бы испытывает ее на твердость и решительность. Длинных три дня я отбивалась от каких-то голодных птиц, отдав остатки своего хлеба. Потом я отбивала воющих волков от моего коня шпагой и факелом. Время шло, я поизодралась, вообще было неясно, приближалась ли я куда бы то ни было. На левой коленке бархатных штанов у меня была дырка, что было совершенно неприлично, но весьма... ммм... симпатично, так что я бы даже завела такую моду для молодежи! На четвертый или уже пятый день в этом лесу, который так хорошо охраняет наш Город с тыла и в наши дни, я совершенно изнемогла, оголодала и была на грани нервного срыва от страшного воя по ночам, уханья сов, хлопающих крыльями по голове, и прочих штук, придуманных, чтобы извести чужаков.

В решающий день моих дорожных приключений и моего жизненного путешествия примерно к девяти утра я поспала час после пары часов предрассветной бесполезной езды. Я сняла сапожки, у которых отваливалась подошва, берет и курточку, закатала бархатные

штаны под колени и сунула ноги в холодную воду ручья. Наломала сухих сучьев и, выбрав укромный уголок леса, высекла огонь и вскипятила воду. На завтрак у меня оставался ма-а-аленький огрызок сахарной головы, засохший хлебец и кусок козьего сыра — ничего в жизни с тех пор не ела более вкусного. Вообще главное в путешествиях, — размечталась дама, — это умеренность потребностей и открытость к приключениям. Я сидела у ручья и, чтобы как-то отвлечься, обтачивала металлической пилкой загрубевшие ногти и приговаривала: «Ну, все приходится делать самой...»

Я успела съесть свой «роскошный завтрак принцессы» и запить его чуть сладкой водой, как рядом на дороге начался шум, стрельба и крики. Я взяла свой кинжал и заряженные пистолеты, быстро завязала пол-лица платком и буквально выползла в кусты. На дороге было трое мертвых и четверо живых. Убит был один разбойник и двое воинов в очень красивой униформе. Один раненый в ногу дворянин, красавец в роскошном темно-зеленом костюме, был, видимо, начальник убитых. Шпагой и кинжалом он с трудом отражал атаку трех разбойников, которые явно напали из засады. Я выскочила — дуреха молодая — из-за куста и закричала: «Всем остановиться — иначе стреляю!»

Конечно, тогда при первой же встрече в лесу я сразу влюбилась в раненого Князя. Все, что я видела перед собой, было не поляна с трупами, а изящный красавец в зеленом охотничьем костюме, раненый в левое бедро. Острое сочувствие пронзило мое сердце, когда увидела гримасу боли на его лице. Он был красавцем по всем канонам Европы XVI века: большой нос, усы, длинные волосы под беретом, мощный торс под зеленым бархат-

ным колетом. Он осторожно переступал со здоровой ноги на раненую левую, отбиваясь от трех рослых бандитов, которые навалились на него с длинными мечами. Он отбивался большим кинжалом, как щитом, и шпагой. Я нащупала пистолет за поясом, не глядя взвела курок и выпалила в голову длинноволосого бандита, который пытался ударить Красавца в бок мечом. Бандит упал без звука, а оборонявшийся дворянин успел в суматохе проткнуть шпагой второго, который успел выстрелить в меня и задел край моего левого уха.

Теперь только третий разбойник стоял между нами. У меня был разряжен пистолет, но злодей об этом не догадывался. Он старался оставаться на линии огня, чтобы я не рискнула попасть в раненого дворянина, так как полагал, что мы в сговоре.

Дворянин крикнул разбойнику: «Кто ты?! Кто всех вас прислал!? Сдавайся, и мы сохраним тебе жизнь!» Тот засмеялся и попробовал ударить меня своей саблей, которая вышибла мне пистолет из правой руки и чуть не снесла голову. Дворянин в зеленом успел ударить его шпагой по руке, чем спас меня. Короткий дамский кинжальчик в левой руке оставлял меня практически безоружной, если бы не Булавка, приколотая к вороту моей рубашки. В отчаянии я вновь схватилась за нее, и она развернулась в Саблю и легла мне рукояткой в правую ладонь, причем очень удобно. Моя «булавочная сабля» на глазах превратилась в острый страшный клинок.

Мы фехтовали довольно долго, потому платок с лица пришлось сорвать, он мешал дышать. Разбойник полагал, что справится с раненым в ногу малоподвижным соперником и какой-то полуголой, — Герцогиня произнесла это с явным удовольствием, — деви-

цей. Но я с моей саблей загнала его ближе к дворянину. В течение нескольких фехтовальных серий соперник не успел парировать два наших удара, которые разом вошли ему в бок (я) и в грудь (он). Все было кончено.

Все были потрясены, даже Черная Милли, которая понимающе кивала головой, слушая рассказ, выпила залпом бокал холодного французского. Денис осторожно сжал плечи Герцогини. Сын вскочил, сделал два шага, взмахнул рукой, как саблей, вернулся и сел рядом с матерью. Марта в ужасе всплеснула руками и стала обмахивать себя веером, а Сандра загадочно улыбнулась.

Герцогиня теперь сияла так, будто это был веселый праздничный средневековый рассказ:

— В общем, так я спасла своего будущего настоящего суженного судьбой жениха! Мы оба застыли в изумлении, рассматривая друг друга. И Князь, как это было совершенно ясно по цепям и орденам, пытался выразить свою благодарность, одновременно спрашивая мое имя. Я назвалась Виконтом и вдруг поняла, что я босая, в одной рубашке, с раненым ухом, из которого капля крови упала на плечо и окрасила рубашку, с распущенными волосами — ну никак не походила на виконта мужского пола.

Анри — отец Людвига — замер, потом осторожно сел на широкий камень, отставив раненую правую ногу. Как потом говорил мой Князь: «Увидев разъяренную красавицу с редкой устрашающей саблей, с развевающимися волосами и почти голой грудью, я подумал не о своей жизни, находившейся под явной угрозой, а о том, как бы ее обнять и поцеловать. Рана болела при каждом движении, но девица так яростно атаковала бандита, что я скорее поддержал ее».

Он все разглядывал меня и постепенно приходил в изумление, что было очень лестно для девчонки, но совершенно не подходило путешествующему юноше... Он вдруг сказал: Виконт! — и захохотал, морщась от боли в ноге. Я тоже засмеялась и подошла к нему: «Можно, я Вам чем-то помогу?» Ему было больно, но он посадил меня рядом и поцеловал, обхватив левой рукой за талию. Рука была очень теплой... Это мало походило как на галантность, так и на благодарность за помощь. Любого другого за такое я бы пристрелила — у меня был еще второй пистолет сзади за поясом (в драке я забыла про него). Но с Анри мне это показалось совершенно нормальным, как будто мы знакомы давным-давно и просто рады встрече. Потом я сняла с него сапог и перевязала ему рану от удара разбойничьим кинжалом. Вообще-то не советую молодежи начинать романы или семейную жизнь с совместной казни отъявленного злодея, но в нашем случае это сработало прекрасно!

Слушательницы зааплодировали, особенно Марта, а Черная Милли вздохнула: «Как Вам повезло!» Сын был очень горд. Денис качал головой, будто не мог поверить до конца. Сандра вспоминала что-то свое...

— Ну, дальше все было неожиданно просто и счастливо! Мы с ним быстро проехали через Страшный лес, где меня одну просто съели бы четыре раза. Оказалось, что его Фея дала ему знать от птиц из леса, что какая-то юная особа — *Damsel in Distress* — находится под двойной угрозой, от хищников и разбойников, в его лесу. Он бросился на помощь и попал в засаду, но в правильное время и в правильном месте. Судьба! Кстати, наша история стала в некотором условном виде частью рыцарских состязаний, которые мы проводим в Горо-

де со своими и приглашенными рыцарями: надо некую девицу освободить в лесу от Дракона, что более соответствует духу Кретьена де Труа, нежели наша подлинная история. Меня же, по-видимому, разбойники окончательно потеряли из виду; может, и искали, но не по замкам же, да и вряд ли думали, что я могла выйти в лесу...

Наутро мы обвенчались, потом родился Людвиг, потом его сестра, которая сейчас спит. И так двенадцать лет мы не расставались. А потом он уехал в поход на турок и не вернулся. От него привезли письмо, чтобы я выходила замуж, и немного вещей, включая эту Булавку с саблей; я, естественно, дала ее ему в поход. Но это грустная история, которой уже шесть лет. И я понемногу стала заниматься государственными делами. К счастью, сын вырос, и вот вы все прибыли по таинственному велению высших сил, чтобы помочь отстоять Город.

Все пошли спать, но, уходя, образованная Сандра сказала молодому Принцу Людвигу:

— Представляете, Ваша Светлость, какую драму тут мог бы сочинить Шекспир!

Денис вмешался:

— Сандра, Вы имеете в виду лорда Рэтленда, конечно?

Сандра усмехнулась:

— Ну конечно его, Ренато, как жалко, что они с женой так рано нас покинули!

Третий диалог Герцогини и Черной Милли

Скоро был рассвет, и на рассвете снова была война. На следующий день Граф вновь предложил переговоры; Барбара послала лейтенанта гвардии узнать, что предлагают. Лейтенанта обстреляли и пытались обманом захватить в плен; он, раненый, уискал в Толстую Башню. Отряд рыцарей бросился за ним, они или не слышали, или не верили рассказам о судьбе кочевников за столетие до них; лейтенант исчез в Башне, ворота закрылись. Последняя лобовая атака провалилась из-за огня, который пошел из стен во рвы струями вместо воды и спалил фашины во рвах и лестницы, а также всех, кто зазевался. Армия роптала, требовала снять осаду, Граф казнил человек десять.

Перед отлетом Милли домой на Болото она выпила в полночь еще бокал вина все в той же компании и поведала:

— Я много видела магических предметов. Ваш рассказ, Герцогиня, говорит об огромном риске, на который Вы пошли, и огромной удаче в любви. Только снизошедшая на вас двоих любовь спасла Вас и Анри от этой Сабли. Опасный предмет — Булавка — служит любому, кто возьмет ее в руки. Обычно от нее спасения нет. Могу помочь только одним — сделать такое заклятие над ее хранилищем, чтобы только Вы, Герцогиня, и Ваши потомки могли взять эту Саблю для хороших дел, без угрозы для себя. Учтите, на свободе она может начать новый смертельный путь.

Герцогиня кивнула и предложила длинный глиняный сосуд. Милли опустила туда Булавку, запечатала сургучом. Потом она попросила Барбару с сыном приложить руку к печати и шепнула им прямо в уши:

— Если она понадобится очень, только очень, то можете произнести: «Мне нужна хорошая Сабля!» Она появится, но обратно вы ее не сможете убрать — берегите ее в тайне!

На этом необычная компания разошлась. Самым удивительным были объятия Герцогини и Черной Милли — они нашли так много общего! Марту обещали отправить в командировку в Московию для приобретения опыта ведьмы. Как сказала Милли: «Другого такого места для талантливых ведьм и колдунов в Европе не сыщешь!» Когда она улетела, Герцогиня не выдержала и спросила Сандру и Дениса:

— Мы так благодарны Госпоже Милли за помощь в этой войне, но все-таки, кто она?

Сандра ответила просто:

— Мы с ней постоянно пересекаемся, то тут, то там, очень справедливая дама. И я помню старых магов, которые говорили, что она знаменитая Ирландская Разбойница! Кстати, она так и осталась высокой и худой, только темнеет, была совсем рыжей еще лет пятьдесят назад.

Денис, который в нашей истории в основном дает важные советы на ухо Герцогине Барбаре и ее Сыну Людвигу, медленно подбирал слова:

— Она, по всей видимости, давно переселилась на Восток Европы подальше от преследований и страданий с тем, чтобы уйти от жизни, но не в монастыре, конечно. Что с ней там происходит — очень загадочно. Но каждый раз, когда я ее вижу, — и у Сандры такое же ощущение — она становится все мудрее и могущественнее. Непонятно уже, чего больше. Видите, ведь ее вклад в защиту Города был очень ограничен, не особенно жесток, но абсолютно эффективен, как сейчас, так и с точки зрения долгосрочного устрашения врагов.

Примерно через месяц активных действий со стены прокричали, что все могут сложить оружие и уйти пешком. Несколько самых умных последовали совету прежде, чем свои успели убить их за трусость. Они и рассказали по всей Европе о том, что видели сами, и преувеличили чудеса раз в тридцать по обычаю тех времен. Остальные, кто выжил, рассказывали невероятные истории о том, как трудно им было спастись, но им, разумеется, не верили.

Наутро после этого объявления, пока шли совещания в штабном шатре Графа фон Л., что делать дальше, уровень озера стал быстро подниматься, затопив доро-

ги, по которым пришли войска, и всю равнину Подградья между стенами и озером. Первый день вода стояла по щиколотку, и каждое утро прибавлялась по футу. Спать пытались на возах, на третий день и это было нереально. Армия сначала вымокла, теперь тонула. Берега озера и стенки рвов у Города по ночам будто подымались повыше. Порох вымок, стрельба прекратилась, Граф упорствовал. Посыльные съездили на лодке к водопаду, там поднялась каменная стенка, и слив воды прекратился. Взорвать стенку не удалось, порох тут же промокал, огонь мистическим образом не высекался никак.

На шестой день оставшиеся рыцари и лошади оказались по шею в воде (мужчины были тогда невысокими) и не могли никуда двинуться по колено в вязкой земле. Потом по озеру пошла рябь, и стало трудно дышать, латы не позволяли двигаться. Каждый день время от времени лошади в страхе вдруг бросались, вытянув шеи, прочь от города по дороге обратно на запад. Но они не давали зацепиться за себя никому с оружием, только маркитанткам, детям и другим лицам, кто потащился за военными и добычей. Их отпустили, никто не препятствовал бегству нон-комбатантов. Рыцарям и вооруженным слугам пришлось плохо, они простояли в теплой воде и в железе несколько суток. Граф с несколькими самыми знатными соратниками еще стояли на столах и пытались поддерживать дисциплину казнями и неочевидными объявлениями про то, что дождей нет, и вода скоро спадет. Епископ незаметно исчез — при всей своей ненависти к «ведьме» ему незачем было рисковать собой ради дурацкого гонора Графа.

Утром на балконе Дворца сидели изумленная Барбара с сыном. Две Феи и Денис стояли рядом и изредка тихо переговаривались, после чего что-то происходило, явно по плану Черной Милли. Барбара была настолько потрясена мощью защитной магии в ее Городе, что только говорила сыну: «Смотри и все запомни!» Несколько лейтенантов и горожан вместе со священником смотрели на эту удивительную картину: из воды торчало около тысячи человеческих голов, причем независимо от их роста всем воды было ровно по шею. Они довольно быстро стали кричать, что сдаются, но отпустили их всех только на другой день: вода вдруг ушла, но только выше пояса — напоминание, что в любой момент она может вернуться. Двигаться все равно было очень трудно, хотя по вымокшим солдатам не стреляли. Ничего из оружия и скарба пришельцев не смыло в озеро — зачем захламлять водоем и мешать рыбам. Никто не утонул, хотя потом многие заболели. Жуткая по своему внешнему виду и настроению грязная толпа ржавых рыцарей и их слуг ползла по лужам на запад в сторону Северной Италии, Швейцарии, Южной Германии, куда было еще очень и очень далеко — не все и дойдут.

Граф фон Л. остановился невдалеке от города и стал что-то кричать. Барбара спросила свою Фею:

— Что он хочет?

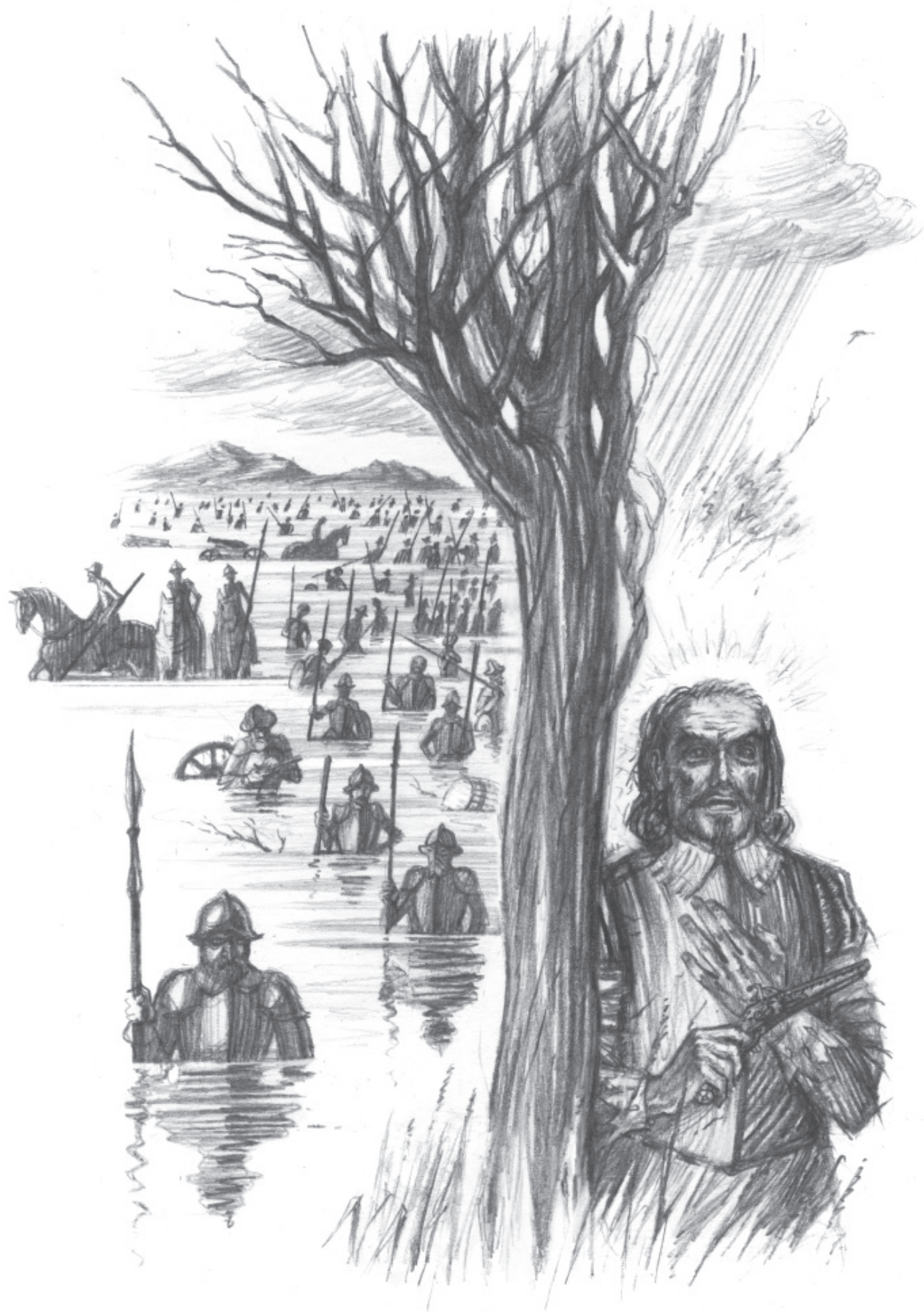
Марта ответила:

— Он спрашивает, за что такое унижение?!

Граф, видимо, понял что-то...

— Пошли ему картину! — сказала Барбара.

Ему отнесли копию картины, нарисованной ее сыном с ее слов. Очаровательная блондинка в шикар-

ном мужском костюме на вздыбленном коне стреляет в группу разбойников и простреливает Главарю обе щеки, а тот пытается увернуться от пули. На плече у нее видна несколько увеличенная в размере Булавка с саблей.

Вскоре Граф снова стал что-то кричать. Герцогиня повторила свой вопрос.

— Сухого пороха! — ответила Фея грустно. — Он хочет пороха.

— Пошли ему мешок хорошего сухого...

Когда ему принесли пороха, он тщательно зарядил пистолет и застрелился. Его унесли. На этом все закончилось. Правда, добрая Фея Марта, глядя на европейское рыцарство и прочих рыцарей за пределами Города, прониклась к ним отвращением. Она долго вспоминала прилетавшую Милли и стала даже думать над тем, чтобы стать Ведьмой, чему наша добрая, просвещенная, но решительная Герцогиня искренне огорчилась и отговорила Марту — «вряд ли еще кто-то опасный придет к нам».

Бархатная комната и Большие часы

Бархатная комната была глубоко запрятана в башне с недвусмысленным прозвищем Колдун, парной к Княжьей башне. Жители подозревали, что если в Герцогстве и была какая-то магия, то именно тут она и квартировала. Там всегда было тихо, охраны или не было, или ее никто не видел. Молодой Дюк был единственным лицом во всем Герцогстве, которого маги и древние защитные системы башни без ненужных осложнений пропускали в Колдуна. На большинство членов его семьи это не распространялось. Он даже бывал в Бархатной комнате и там иногда узнавал от Феи или других магов такие важные вещи и такие удивительные истории, что они все боялись за него. Как именно маги и их древняя Башня могли пра-

вильно оценить человека с юности, так и остается неясным до сих пор.

Магия внутри Бархатной комнаты не могла выплеснуться в город, специфика Колдуна позволяла там упражняться в магии, не нервируя двор и горожан. Разумеется, и двор, и горожане, и путники вне города могли иногда видеть яркие мигающие огни в бойницах Башни. Нечто прозрачно-светлое или темное, иногда сиреневое или зеленое вылетало из верхних окон и нескольких труб от больших печей или каминов; возможно, это были колдуны и ведьмы. Никто не верил, что это дымы, хотя никто также и не знал точно, чем и как маги топят свои башни в холода; подозревали, что там и в жару должно быть прохладно.

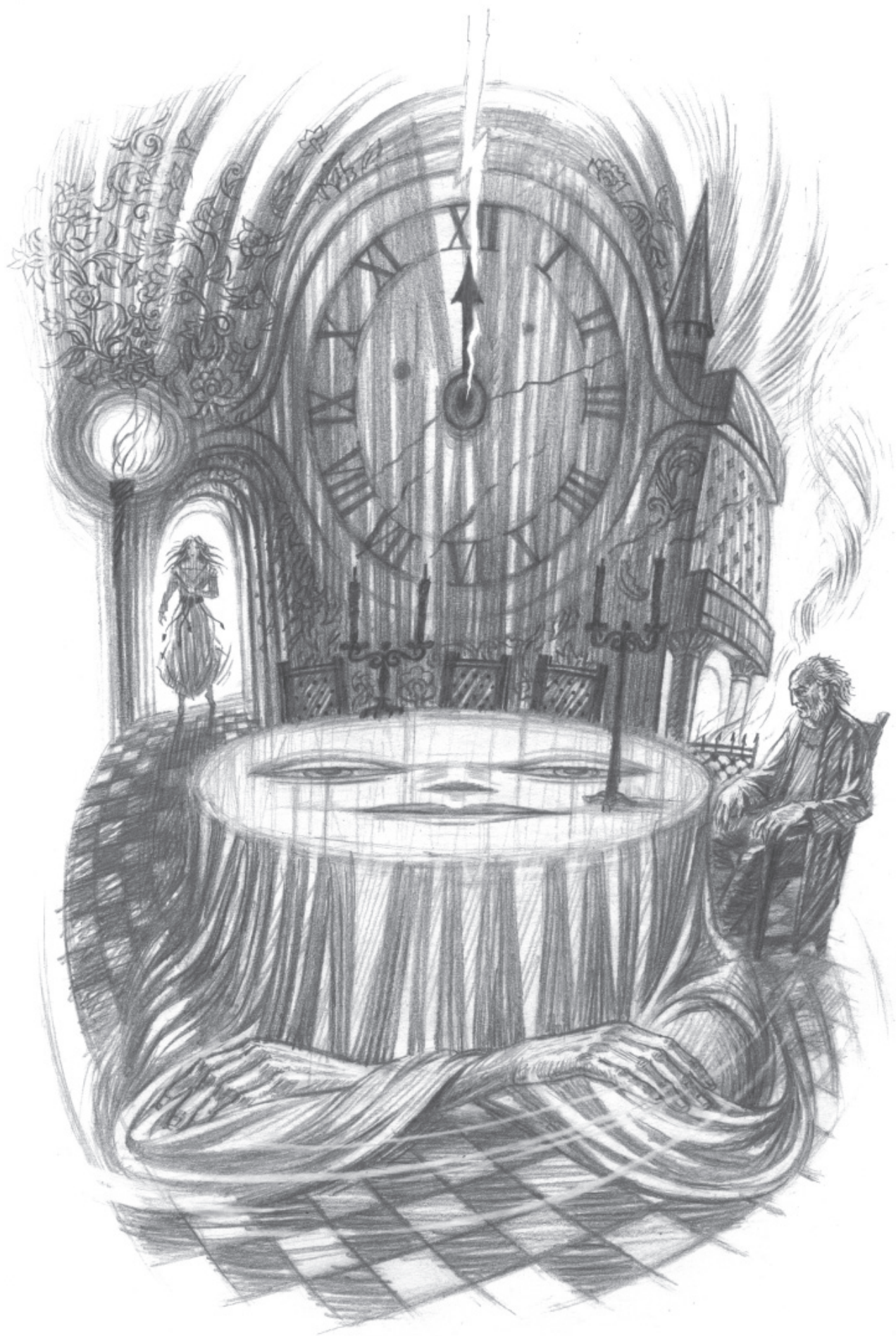
Того Колдуна, что ее построил, не было в живых уже лет двести, но не только местная Фея, но и другие маги прилетали сюда по делам государства: помочь советом или предупредить об опасности своих коллег и местных правителей, для чего и был предусмотрен тот удобный балкон Дюка над стеной. Маги Европы ценили дружественные княжества — не так их было много в тоскливые времена. Заметим, что теперь счастье и благополучие маленького Герцогства во многом было связано с Феей, которая считала его своим домом и по-своему пеклась о жителях Города и Герцогства. Прилетал и Колдун из Шотландии, с которым они часто расходились во мнениях, советах и действиях, но его присутствие на тайных собраниях в Бархатной комнате было хорошо известным фактом *urbī et orbī*.

Пространство Бархатной комнаты ограничивало проявления магии участниками, а использовать скрытую магию было невозможно. Маги по своей природе

очень не любили эту беспомощность друг перед другом, как будто они были обычными людьми. Но главные вопросы всего магического пространства, охватывавшего Тридевятое королевство, решались именно здесь, хотя очень редко — только в условиях кризиса.

Стенные Большие часы, которые били четверти, занимали полстены в Бархатной комнате башни Колдун. Это было чудо резьбы по дубу, чудо точности времени во всех его проявлениях и чудо магии. Они играли музыку, соответствующую настроению обитателей комнаты, светились огоньками на праздниках. Время дня сообщали различные птички — в зависимости от сезона, погоды и настроения часов. Это были Главные тайные часы Королевства, хотя жители и приезжие полагали, что Главные часы, смотрящие и на стену, и в бальную залу, находятся на Королевской Башне. Все часы построил один Великий маг сотни лет назад. По сути эти три механизма, которые никто не видел одновременно, были таинственным образом связаны и всегда показывали одно и то же время, играли одинаковую музыку и сообщали часы голосом одной и той же птички, хотя голоса птичек менялись. Привилегией магов, по которой их, кстати, можно было узнать, было слышать комментарии этих птичек. Например, маленькая девочка спрашивает у родителей или друзей: «Сколько времени?» А ей с Башни соловей вдруг высвистывает: «Семь утра — пора умываться, завтракать и в школу идти, Ваша Юность!» Тут все понимают, что девочка не простая — может, будущая фея, а то и ведьма.

И родители не знали в таких случаях, что делать, как воспитывать уникумов, некоторые даже бросали таких детей. Из таких обиженных ребятишек, быва-

ло, получались жестокие ведьмы и колдуны. Только сами маги по своему опыту догадывались, что каждый маг в определенном возрасте мог, наверное, отказаться от своих удивительных способностей. Но это хорошо вспоминать потом, а как в детстве отказаться «от себя»? Большинству магов не хотелось расставаться со своими возможностями. Правда, была у них от этого масса неприятностей: если их обнаруживали враждебные силы, то обычно они не могли ничего противопоставить агрессии людей нормальных, но испуганных, а тем более сознательных врагов. В лучшем случае они могли бежать, но куда? И как объяснить свое появление? Только опытный маг мог адаптироваться, отправляться в путешествия как в средние века, так и в новые (а о древней древности мы мало что ведаем).

По правде сказать (но это совсем страшная сказка), от ревности или страха за себя старые колдуны могли вычислить молодых и привести их к гибели, чтобы самим не быть обнаруженными поздно или рано. Это как в смертельных поединках рыцарей: сколько ни учи их, но долго жили только те, кто выжил в первом-втором бою. Так часто было и в истории магии, которую никто не писал, но передавали устно. Лишь несколько бывалых магов, которые сумели выжить на протяжении веков, помнили эти истории. В этом отношении Тридевятое королевство было своего рода оазисом в Европе: тихо, без объявления на весь свет, каждое из девяти государств имело своего Государственного мага, который улаживал непонятные случаи и проблемы, расследовал события внутри, так сказать, своей юрисдикции. Эти маги давали советы властителям и контактировали с коллегами по ремеслу в соседних государствах.

Палаты Принца

Над стеной между Княжьей башней и Колдуном на Южной стороне были относительно небольшие палаты Принца с выступающим балконом. Попасть туда было большой честью и редким событием для кого бы то ни было, кроме самых близких к нему людей. Разумеется, некоторые болтливые особы пытались намекнуть, что «вид с балкона на озеро открывается чудесный, балкон много шире, чем выглядит снизу», а Молодой Герцог — «замечательный парень». Но им никто не верил, точнее, верили только тому, что Он — «замечательный парень».

Задумчивый поутру, Дюк смотрел со стены на Город долго и с удовольствием. Он любил Город и его обитателей, а Город и его обитатели любили его. В будущем

именно эти картины всплывали в его памяти в те моменты, когда ему хотелось подумать о чем-то приятном и не тревожном.

Птицы по привычке радовались солнцу и пытались развеселить Молодого Дюка, хотя в такую рань это было делом безнадежным — он от природы был «совой». Но несколько дел, по которым он ждал Фею, тревожили его еще вечером. Вдобавок во сне пришло еще одно дело и требовало внимания; нормальный ход утренних размышлений оказался задавленным ночными кошмарами последних трех ночей. Три дня назад он засыпал с бокалом портвейна пятидесятилетней давности и приятными размышлениями о принцессах, возможном романе и выборе среди возможных альянсов. Ему не шли в голову государственные дела и их практические аспекты; скорее такие приятно щекочущие образы ближе к интимным ситуациям.

Наконец, его нашла Фея, которая знала, где его искать, если он не на Балконе или не работает у себя в Башне. Им казалось, хотя напрасно, что здесь их никто не слышит и не видит. Конечно, Фея ставила легкие заграждения с помощью ветра, шелеста веток и пения птиц, хотя все это было проницаемо для магов и особо любопытных. Суть тяжелого вопроса была проста — пора жениться, сделать выбор на Солнцестояние после турнира, а свадьбу сыграть на Новый год.

Ночные кошмары

Дюк долго не решался рассказать своей Фее, что его реально мучило последние дни, потом решился. Недавно ему стало худо во сне. Сначала Его Сиятельству приснилось, что он приезжает с другими кавалеристами-лучниками на соревнования по стрельбе на скаку и почему-то боится провала. Он уговаривает себя во сне, что он всегда попадал и выигрывал, но голова в тумане, взгляд не фокусируется. Он даже не слышит команд. Потом понимает, что и ему пора стрелять, потому что кругом все кричат, скачут и выпускают стрелы. Он догоняет кавалькаду, потом оказывается впереди всех и судорожно пытается найти свою мишень № 9, подымает своего коня Норда на дыбы и быстро выпускает три своих стрелы по «бегущей»

му зайцу» (надо было попасть два раза из трех). И чувствует, что промазал впервые в жизни по простой мишени «бегущий заяц», стреляя из лука на всем скаку! Голову бьет как молнией, взгляд уже не фокусируется, и он ждет хохота зрителей, особенно смешки из женской ложи... Ускакать нельзя, проснуться не получается — тупик...

Тут его увлекают судьи и кто-то из соперников смотреть мишени. И он с ужасом ожидания позора скачет вместе с судьями к мишеням эти нервные двести метров от края поля. Но эти метры никак не кончаются, они все скачут и скачут, плюс бешеный пульс, в глазах калейдоскоп, и кажется, что мишень отдаляется; они нагибаются, теснясь плечами, а его душит страх, что он попал в служителя, который бегал по траншее с мишенью на палке (хотя этого никогда ранее не случилось); он нагибается, не видит результата, и его трясет от стыда. И тут все видят, что и вторая стрела, и даже третья стрела не улетели «в молоко» или в служителя, а попали в самый центр мишени, расщепив первую. Он почти просыпается, но не от облегчения, что попал, а от нервного шока, что он был как никогда близок к провалу.

Фея хотела расспросить Дюка о деталях сна, но тот махнул рукой: «Потом, Марта!», и убежал встречать гостей. Последовавший день прошел в хлопотах по приему первых гостей и в обсуждении программы сотого турнира Тридевятого королевства. Когда-то эти игры были провозглашены его прапрадедами ежегодными и служили исключительно для придворного развлечения и тренировки гвардии. Но соседи из других государств рвались участвовать; после нескольких экспе-

риментов с составом участников было решено: проводить большой открытый турнир по полной программе раз в три года в Вышгороде, а различные турниры по отдельным видам — в других местах по договоренности. Соседи-властители уже лет триста завидовали здешним Гранд Дюкам. Так что наш Дюк расценил ночной кошмар как отражение его внутреннего волнения. Так же он расценил второй кошмар на следующую ночь, только уже в связи с праздником и съездом знатных гостей.

Засыпая вечером, Дюк уже чувствовал неладное: он устал и не успел хоть в какой-то степени снять напряжение. Он провалился в тяжелый сон и увидел второй кошмар. Теперь сорвались со стоянки два слона, на которых почему-то приехали соседи-бароны со своим скарбом, хотя всегда, конечно, приезжали на лошадях. Но во сне он почему-то помнит этих слонов очень отчетливо и одновременно удивляется: никогда такого не было, слонов никогда на праздниках не было. Да откуда тут быть слонам! Он все же видит их, причем спокойными и симпатичными: один большой серый слон и слониха — поменьше и белая. Кто-то их спугнул (мыши?) или атаковал, и они вырвали из земли вкопанные толстые деревянные столбы и тянут их на цепях за левыми задними ногами. Сейчас они испуганно трубят и бегут от своих палаток, роняя одеяла, посуду, ковры, которые не успели разгрузить, и снося все на своем пути. Приезжие и местные, дворяне и солдаты, служанки и лошади — все срываются от их труб и бревен, и поднимается паника.

Неожиданно с белой слонихи, бегущей первой, падает несколько коробок с дамскими шляпами. Ужас

охватывает Дюка: ленточки на коробках развязываются, оттуда вылетает что-то широкое и голубое, как огромные анютины глазки, и рядом что-то похожее на розовый куст. Это грандиозные, заказанные в Париже, шляпы принцесс. Он будет виноват как хозяин праздника — обе девушки останутся без шляп, если серый гигант втопчет их или пройдет по ним своим бревном на цепи. Дюк одновременно пытается понять причину волнения гигантов, понять, что же ему делать, и просчитать ужасные последствия катастрофы. Он понимает во сне, что гибель шляп — это провал всего праздника, что это гибель государства, война, позор... Не только голова, и сердце почти останавливается... потом пускается ударов на 250... тормозит и снова мчится.

«Мыши спугнули?» «Сейчас серый большой слон наступит на шляпы!» «Капризные дочери замучают всех абсолютно и праздник насмарку!» «Кто остановит слонов?!» Ноги и руки слушаются его плохо, словно только что все было сковано страхом промаха по мишени. С усилием он разворачивается, гонит своего коня наперерез слонам, зовет разинь погонщиков, командует всем уйти с дороги. Но он явно не успевает остановить слониху, которая задрала вверх хобот и что-то свое трубит впереди. Еще чуть-чуть, и она раздавит палатки другого лагеря кого-то из приезжих королей и проташит вдобавок двухметровый столб на цепи по палаткам, полным людей, лающим собакам и привязанным лошадям. Большой серый слон две нежные шляпки просто раздавит, а потом вслед за своей подругой разнесет весь лагерь гостей. А он — хозяин праздника — не успевает спасти ни людей, ни собак, ни шляпки, он один виноват в несчастье!

Дюк во сне концентрируется в одну мысль о спасении, инстинкт самосохранения отключается, он готов погибнуть под огромными ножищами этих гигантов джунглей, но спасти хоть что-нибудь. Дело по сути уже гибельное: он должен догнать слонов, встать перед большим слоном и умереть так, чтобы не стыдно было перед гостями, и никогда не узнать, кто и как пострадал из людей и благородных животных и во что превратилась та высокая розовая и широкая голубая шляпки, которые катятся на ветру между двумя бегущими слонами. Он скачет на лошади несколько секунд, встает на стремяна, потом на седло и кубарем прыгает вперед между слонами под ноги серого слона, пытаясь подхватить руками обе шляпки сразу... Это чем-то похоже на прыжок на рельсы перед паровозом на полном ходу в наши дни. В кошмаре он все делает ужасно, слишком медленно, да еще больно ударяется плечами и затылком, когда делает кульбит на земле, ныряя с коня вперед.

Он чувствует плечами боль от удара о землю, но ловко хватает левой рукой голубую шляпку за тонкий шелк полей, розовая ускользает и непонятно, за какую часть ее схватить, чтобы самому ее не смять. Он в ужасе чувствует, что нога слона уже занесена над ним, отталкивается правым локтем от земли и ладонью нежно толкает розовую шляпку в сторону.

Оглушенный и полностью потерянный, с диким выражением лица и параличом сердца он встает на ноги, держа обе шляпки: голубую за поля и розовую за верхнее украшение в виде пера. Он еще ничего не видит и знает только, что сам пока жив, а несчастье разворачивается рядом. Однако все вдруг стихает, тру-

бы слонов молчат, и неожиданно раздаются аплодисменты. Ему еще страшно, и он с трудом фокусируется на окружающем: оба слона встали, повернули к нему глаза и хоботы и с интересом и некоторым смущением смотрят на него. Все целы, кругом толпа полуодетых баронов, рыцарей и девиц, которые, пользуясь случаем, демонстрируют свои ночные пеньюары, плечики и босые ножки, старательно кутаясь в шали и скромно пряча не намазанные еще щечки. Все хлопают ему: все в порядке, две королевские дочки подходят в ночных шелковых рубашках, розовой и голубой, и делают книксены (принцессы, конечно, жили в Городе и никогда в палатках). При этом, естественно, они показывают Принцу и всей толпе намного больше своих утренних прелестей, чем это им удалось бы сделать на балу. Он подает им шляпки, и они их забирают со словами восторга и благодарности, которые он не может разобрать. Единственное, что он еще может заметить, это что ручка блондинки из розового пеньюара с полными... эээ... плечами забирает почему-то голубую шляпку и касается его, а ручка шатенки, немного тоньше, из голубого пеньюара забирает розовую, делает изящное движение плечом и также касается его руки, но другой. На этом месте он хочет проснуться, чтобы разобраться в этой проблеме, почти просыпается, но навяждение продолжается, и испытание розовым и голубым еще не окончено.

Дюк пытается отвлечься

До утра он как-то дотянул и решил днем сходить в трактир «У Ведьмы», попытаться перекусить, отдохнуть и посоветоваться, пока не поздно. Знаменитой трактир «У Ведьмы», как мы уже упоминали, располагался недалеко от Воротной башни под Южной галереей. Держала его жгучая брюнетка Руслана, лет двадцати девяти, которая нисколько не постарела за последние сто лет. Неподдельную зависть подруг в каждом поколении и радость ее бесчисленных и предположительно счастливых поклонников (не будем назойливы) мы даже описывать не будем. На то есть вся мировая литература — просто калибруйте ситуацию по своему усмотрению.

Трактир представлял собой двухэтажное здание из старого камня, несколько замшелого по углам снару-

жи. Внутри было бы зябко от такого камня, но во всех углах пылали камины, едва ли не каждый день (чуть не сказал «божий»), несмотря даже на средиземноморскую летнюю жару. Та простая идея, что Руслана была ведьмой, ни у кого давно не вызывала сомнения. Все жители Вышгорода и Тридевятого королевства слышали о ней с детства. Дамы ей завидовали, мужчины на нее поголовно облизывались и били своими козлиными копытами на площади перед трактиром, рвались к ней пажи и епископы, рыцари и вдовцы, профессора и князья. Ходили дурацкие слухи, что ночь с Ведьмой омолаживает лет на десять и восстанавливает кое-что важное в жизни усталых от средневековья мужчин. Никто не хвастался своими победами над ней — то ли не было счастливцев, то ли они благополучно забывали, то ли, в надежде на повторение, боялись сболтнуть и навлечь на себя ее гнев.

Сама она от этих разговоров отмахивалась и смеялась от души, постоянных кавалеров старалась не заводить. Это могло бы мешать торговле в трактире. Случалось с ней такое, что влюблялась, но все «постоянные» немедленно становились ревнивцами и занудами, хотя и не могли толком объяснить, с чего они ревнуют. Сама она долго не выдерживала и куда-то сбывала своих «сироток», как она их шутя называла. Королевскую семью она обожала и ни в чем не могла отказать ни королям, ни принцам, хотя побаивалась ревности и мести от женской половины семьи. Правда, за последний век конфликты на поверхность не выходили. Естественно, общая обстановка веселья, безопасности и флирта привлекали к ней весь город.

Трактир, натурально, примыкал к Южной городской галерее (Змее), при этом располагался очень близ-

ко к Дворцу и большой развязке у Южной стены, соединявшей все три галереи. Так что ученые (и не слишком ученые) обитатели Княжьей башни могли незаметно проникать в заведение сверху со второго этажа по малозаметной лесенке. Основные же посетители входили с небольшой уютной площади, на которой был цветочно-фруктовый базар и торговля вином и медом. Суета на базаре также способствовала тому, что в трактир можно было проникнуть не слишком заметно для окружающих.

По части магии рядовым жителям было мало что понятно, кроме того, что Руслана не стареет и не стареет. Она обычно ходила в вышитых цветастых рубахах, широкой юбке и мягких сапожках. У нее был удивительный пояс с серебряными наконечниками, которые позвякивали на поясе, выдавая ее как Ведьму для тех, кто в этом разбирался.

Руслана была явная мирная ведьма со своим трактиром. Внешне роскошная славянская женщина: большие карие глаза, фигура не для меланхоликов, очень быстрая при движении по своему безразмерному трактиру. В шутку ставила высокую рюмку себе на бедро сверху, несколько изогнув талию. Но с Дюком она обычно замирала, будто пытается уловить, ощутить и запомнить каждое мгновение. По своей двойственной — дамской и ведьминской природе — она действительно понимала, что Дюк — это редкая роскошь и его надо беречь, самим беречь. Сам он никогда не попросит ничего.

Большое удивление у завсегдатаев, даже у профессуры, вызывала способность трактира расширяться в зависимости от наплыва гостей, притом сохраняя свой уют и ощущение интимности общения. Посередине

главной залы был старомодный очаг в кругу валунов, что согревало обосновавшихся вокруг него за длинными столами представителей купечества, нобилитета и даже простонародья. Своей бесконечной игрой бликов и теней очаг подсвечивал уютные кабинеты вдоль стен для дорогих гостей хозяйки, заодно защищая их от слишком любопытных взглядов. Несколько простых дубовых лестниц вело на галереи вокруг залы, где вдоль ограждения стояли столики для стеснительных парочек из интеллигенции. Вдоль них носились подавальщики с подносами, потом шел проход и двери в комнаты, где можно было или погулять, или заночевать, или и то и другое. Иногда казалось, что полгорода сидело в одном трактире, но никто никому не мешал. На одной из верхних галерей трактира, под углом к камину на первом этаже, располагался маленький оркестрик, который играл кому веселое, кому грустное, кому судьбу гадал, кому надежду подавал.

Дюк, бывало, приходил перекусить днем и даже «подремать инкогнито», как он это называл. У себя в Башне было хорошо, но дела доставали, хозяйственники и посланники одолевали со своими заботами и церемониями, и полный покой формально можно было получить, только отсекая посетителей с помощью стражи. А спрятаться у Ведьмы — это была как бы и не отлучка с работы государственной, а лишь необходимый отдых, чтобы потом лучше сосредоточиться. Что там на самом деле происходило, в трактире на верхних этажах, вряд ли кто мог понять, кроме самой хозяйки. Известно только, что при появлении Дюка хозяйка сильно нервничала, разгоняла прислугу и иногда исчезала на час-другой.

Появившись вновь, Ведьма была заметно добрее, тише и молчаливей, садилась у стойки бара и, подперев подбородок белой рукой, тянула вишневку, ни с кем долго не хотела разговаривать — о своем, о девичьем думала! Заглянув в душу этой ведьмы, настойчивый и бесстрашный читатель обнаружил бы вечные женские страсти, огорчения и надежды. По всей видимости, она грустила о том, что лет ей невесть сколько, чувства нисколько не состарились, потребность в любви только растет, а кого любить-то! Желających приклониться к ее бюсту и трактиру было хоть отбавляй. Гольдони даже комедию написал, хотя и очень простенькую по сравнению с реалиями ее жизни. Королевских особ было здесь немало, несколько ее сыновей давно стали знатными дворянами, а их потомство и не знало своего подлинного происхождения.

В последние года два Ведьме остро хотелось покоя и дочку — девочку с кудряшками. Молодой Дюк казался самым подходящим отцом для маленькой девочки! Девочка выросла бы и стала хозяйкой, а Руслана наконец отдохнула бы от забот и страстей. Она почесывала за ухом серую кошечку, которая была очень умна и хитра. С ней Руслана могла пошептаться о своих сердечных проблемах, на что кошечка мудро замечала, что «страсть — дело опасное, но неизбежное по весне... и не надо бороться с ней... а если еще и родить юную кошечку в придачу — это вообще славная сделка с приличным котом!»

Картежники и маги очень любили этот Трактир по совершенно особым причинам помимо неизменного возраста обольстительной хозяйки и безгранично растяжимого чрева трактира. В трактире были комнаты для игры, в которых нельзя было смошенничать — зеркала

начинали мигать за спиной обманщика! Эти же комнаты часто заказывали купцы с бухгалтерами для заключения контрактов. Для этого в Вышгород ездили даже из Венеции и Флоренции, ради надежности и честности сделок. За это некоторые Папы в XV—XVII веках не любили Город и поговаривали о походе на него как на оплот дьявольской магии (один раз даже попробовали, но неудачно).

Профессора университета здесь отдыхали от философских споров и алхимических формул. Тут можно было заказать комнату для отдыха, в которой все мысли сами сворачивали на женщин, скачки, турниры, карты и выпивку с закуской. Были тяжелые случаи, например, теолог с математиком не хотели уходить — так им здесь нравилось. Но деньги кончились, и их вежливо выставили на городскую галерею с галереи трактирной — пора идти работать!

Захаживали сюда и маги (для серьезных дел у них была в Колдуне Бархатная комната, в которой они могли спокойно общаться). Говорят, что лет 150 назад один из магов вынес оттуда бархатную диванную подушку точно такого типа, как теперь были в убранстве комнат трактира. Сделал он это из страсти к нынешней или к прежней хозяйке трактира, то есть к ее мамаше, — теперь уже не выяснить. Может, и две вынес, и найти и вернуть их потом не удалось никакими заклинаниями, они категорически отказывались возвращаться. Зато было понятно, как они воздействуют на магическую атмосферу заведения. По контрасту с Бархатной комнатой в трактире магия была, но маги здесь, предположительно, никогда своими способностями не пользовались и могли отдохнуть от суеты как нормальные люди.

Трактирные сплетни

Сюда и отправился накануне Дюк, озабоченный странными событиями в городе и своими кошмарами. Ему были рады и отвели в его любимую комнату с тремя диванами и овальным низким столом. Если раздвинуть шторы, то был виден камин и оркестр наискосок. Если же тяжелые шторы были закрыты изнутри, то никто, кроме хозяйки, — еще один маленький ведьмин трюк — не мог войти внутрь или услышать, что там происходит. Мы пропустим легкий разговор Дюка о еде и вине с импозантным пожилым служащим, который мальчишкой наливал вино еще деду Дюка.

Вскоре появилась подкрашенная Ведьма, и гость стал откровенно пересказывать ей свои странные истории с девицами за последний год — он давно не

был в трактире — и особенно сны последних двух ночей. Тут, пожалуй, надо сохранить для истории разговор Молодого Дюка с моложавой Ведьмой, поскольку он показывает, что на самом деле было на уме у Дюка в этой истории и в далеком будущем.

Руслана чувствовала себя очень тревожно, когда стало ясно, насколько близок был Дюк к женитьбе, причем непонятно на ком. Она бы легче перенесла его большую любовь, чем сплетение каких-то непонятных, возможно, магических сил в связи с его свадьбой. На вопрос о его реальных предпочтениях Дюк ответил откровенно:

— Да я ни за кем особенно и не ухаживаю; обстоятельства Герцогства и давление двух королевств толкают к женитьбе, хотя не хотелось бы ни жениться на скучной, хотя и красивой нимфе, ни на «государственной подруге» для продолжения династии.

Руслана осторожно поинтересовалась:

— Ну, Вы же как-то выбираете, чувствуете, например, влечение к ярким брюнеткам или нежным блондинкам, наглым рыжим или...?

— Ну, — пожал плечами Дюк, — у меня нет жестких предпочтений, я бы предпочел не столько очень красивую статую, сколько симпатичную, веселую и даже смешную. Если мне с ней интересно поболтать, потанцевать, то тогда уже как-то начинаю чувствовать влечение. Вот если бы любить друг друга как свободные люди, без задней мысли, то я мог бы снять с себя «кандалы принца». И все равно, кто она была бы: дочь кузнеца или принцесса. На придворных балах танцевать любая мигом обучится. А дальше — как получится. Если все сложится, то и женюсь, а пока не получается.

Руслана нервничала и, судя по косым взглядам со стороны нескольких дневных посетителей, вела себя с Дюком несколько фамильярно:

— Может, мне посоветовать девицам Города быть более настойчивыми и откровенными с Вами, Ваше Высочество? И что там, кстати, с принцессами?

Но Дюк осторожно покачал головой:

— Нет-нет, Руслана, это на меня действует твой непобедимый шарм, и вся обстановка в волшебном трактире толкает на откровения. Никому и ничего! Тут нужен чистый эксперимент: мне не хочется жениться из государственной необходимости, но и не хотелось бы привязаться к мастеру — имитатору чувств! А с принцессами все странно, все время я как будто под воздействием магии, вот только здесь у тебя меня немного отпустило. Постоянно меня дергает между синим и розовым, на балах танцую с обеими, и опять что-то непонятное: бросает то в жар, то в холод.

Хозяйка заревновала и почти обиделась:

— Не волнуйтесь, Ваше Высочество... я ни гу-гу! И не стоит так переживать.

Она обошла стол, встала позади него, нагнулась, крепко обхватила его под руки и скорее шепнула, чем сказала:

— А Вам самому не жалко упущенных радостей с нашими красавицами?

Дюк правдиво хмыкнул:

— Эти мысли меня, конечно, посещают, и нередко. Но даже мой короткий жизненный опыт (тут и Ведьма хмыкнула) говорит, что лучше один роман со всеми страстями и ошибками, чем дюжина несложных ин-

трижек. Хозяйка трактира явно давно готовилась к такому разговору:

— А если они просто скромные, нерешительные и «мама не велит»?

Дюк, как оказалось, сам думал над этим вопросом заранее:

— Знаешь, мне их жаль. Я же не смогу при моих государственных делах, при необходимости поддерживать баланс в Городе и у Магов, лечить их от собственных комплексов. (Дюк был не по годам образован в психологии.) Как-то пытался и ничего не получилось. Спрашиваешь, почему? Да очень просто: если она меня не любит, а тащит на себе перевернутую пирамиду страхов и непонятных представлений о мужчинах, о принцах, об обществе? И самое удивительное: у них в таких ситуациях всегда есть жесткое представление, как именно я должен себя вести, что говорить. Полагают, что это не взаимный танец под новую мелодию, а придворный парадный танец с тремя дюжинами predetermined фигур. И ни одну нельзя пропустить, и все я должен знать наперед! А я вечно делаю все не так. Может, это их в сказках так натаскивают с детства?

— Жалеешь нас? — переспросила хозяйка, прижимаясь к нему сзади и утягивая его затылок куда-то вглубь бюста.

— Жалею их! — повторил Дюк. — Они ведь не знают, что упускают в своей жизни.

— Это точно, они и не догадываются, дурехи, — подтвердила Ведьма, незаметно переходя на «ты», — ты слишком хорош для них! Выпей еще старого бургундского и забудь о них хоть на час.

И хозяйка взяла ладонями его голову и поцеловала в темечко. Молодой Дюк уже спал в тепле и покое. Средним и указательным пальцем правой руки Руслана нарисовала в воздухе что-то, похожее на восьмерку, и тяжелые шторы скрыли их от камина и гостей.

Это разговор при всей магической защите был, видимо, подслушан, но в сильно искаженном виде. Советнику донесли, что Принц нервничает, жалеет тех, кому он нравится, но не знает, как выбрать между синим и розовым.

Третий кошмар

На следующую ночь, которая заинтересовала нас необычно ранним подъемом царственной особы, ему было совсем плохо. Этой ночью на Дюка накинута третий кошмар «прежде, чем я смог отдышаться и проснуться» — как вскоре рассказывал он Фее.

Молодой человек был во власти кошмара в жутком физическом перенапряжении. Теперь он лез по лестнице из вьющихся растений на балкон к прекрасной девице, лестницу вроде как ему скинули, он не помнит, чтобы он сам ее прилаживал. Он понимает, что его позвали, голос или голоса звали его и тянули его вверх. Как он туда попал, он не помнит, но его гнал бешеный инстинкт кавалера. И постепенно выяснилось, что лезет он все

выше и выше, а балкона все нет и нет, и он уже понимает, что нет возврата, он не может спуститься, под ним провал в темноту... Единственный шанс выжить и добраться до дамы — это героически ползти вверх.

А потом лестница начинает понемногу раздвигаться, и ему приходится почему-то перелезть то на одну, то на другую из двух плетеных лестниц, они еще недалеко друг от друга. Он никак не может понять, куда именно и к кому он пытается добраться, хотя его сексуальное волнение уже забрало его разум — ему надо добраться до Нее и все. Если мишень в первом кошмаре он проверял испуганным умом, а шляпки из-под слонов вытаскивал со сжатым сердцем, то теперь весь его молодой организм трясся в страхе и желании.

Как с проверкой трех стрел на мишени и броском за двумя шляпами, он начинал понимать, что у него нет выбора, он не имеет ни малейшего ключика к ситуации и возможности сделать свой выбор сознательно, а должен действовать быстро и интуитивно. Он продолжал аккуратно переставлять ноги по обеим лестницам и перехватывать ступеньки руками, стягивая их изо всех сил к себе, но они стали понемногу расходиться. Юноша чуть замедлил восхождение, потому что ступеньки и сами веревки, смахивавшие на лианы, стали мигать то розовым, то голубым светом. Сверху послышался веселый смех — смех двух девушек, и Дюк дернулся, заторопился, хотя остатки сознания говорили ему, что тут что-то не так. Перед глазами промелькнули оба личика и фигурки в пеньюарах, так же, как раньше в истории со слонами.

По всему было ясно, что неведомая магия тянет его в ловушку; он был уже на немыслимой высоте, сни-

зу уже не доносилось ни шороха, звезды светили, как свечки в подземелье, а ветерок был с моря.

Выше раздавался дразнящий хохоток двух девиц, наверное, ждущих его на одном или двух недалеких друг от друга балконов. Но он, сколько ни полз, не приближался к ним, до них было неопределенно далеко. Тут он вспомнил, как карабкался по стенам и башням своего города — или в темном лесу позади него, или в Княжью башню к себе на балкон — без веревок и без помощи. Мука неопределенности, отрыва от твердой поверхности и острого желания практически лишили его способности к критическому анализу. Ему хотелось к ним и хотелось проснуться на твердом месте.

Он крикнул во сне: «Куда дальше? Покажитесь!» А в ответ слышался переплетающийся страстный шепот: «Иди ко мне по розовой лестнице...» и «Скорее ко мне по голубой ...» Он уже чувствовал, как аромат духов и кожи вытесняет ночные запахи, чувствовал пальцами не веревки лестницы, а тонкие пальчики, помогающие ему двигаться вверх. Лестницы качались, будто их кто-то тянул в стороны, вызывая страх перед выбором и ошибкой выбора, и розовая, и голубая лестницы расходились все шире, приходилось изо всех сил стягивать их руками. Он было крепко взялся за одну из них, кажется, голубую, но они мигали и менялись цветами. Вспоминая обеих девиц, он не мог решить, чей взгляд обещал больше: кажется, та, что в розовом, глядела прямо в глаза, не моргая, показывая плечи и больше, а та, что в голубом, смотрела чуть искоса, и у нее расширились ноздри. Дюк почему-то видел плечи одной и носик и губы другой, и ему вдруг казалось, что это одно соблазнительное существо, что он

уже почти схватил эти плечи и сжимает их, но тянется к этим правильным губам и носикам и будто уже обхватил их своими губами.

Выражение лица Дюка — если бы кто мог его видеть в темноте — постепенно приобретало форму универсального вождения, словно у Фавна, развязывающего сандалии Нимфе из зала № 15 Русского музея (современный читатель поймет). Сам Принц это чувствовал и понимал, что уже не контролирует себя, молодость и магия захватывали его! Это был уже не сон, но вроде и не явь. И через шаг они все еще были рядом, но недоступны, и вели незаметно для него куда-то вверх, откуда шел все более сильный и страстный призыв. Он полз вверх, потеряв все чувства и остатки самоконтроля, кроме желания «добраться до нее».

Как он понял потом, спасло его только отсутствие явного внутреннего предпочтения какой-либо одной из двух соблазнительниц. Смех с низкими сексуальными обертонами шел уже с двух сторон; каждая верила, что он выберет ее. Но благодаря этому осталось место для маленького конфликта и для рационального выбора. Вмешательство разума разбило магию момента: он повис на лестнице, пальцы стали разжиматься, он почувствовал, что вдруг падает. Тут он услышал «дурачок — как хочешь!» и полетел вниз с огромной высоты, потеряв дыхание и готовый разбиться, но повис на кустах в сантиметре от земли, с дурной головой, измученным телом и остановившимся сердцем. Слуга стучал в дверь и кричал: «Госпожа Фея прилетела, просыпайтесь, Ваше Сиятельство!» — это был спасительный момент.

Королевский праздник Летнего Солнцестояния

Молодому Дюку было над чем подумать во время прогулки по стене на глазах у городских незамужних и отдельных замужних дам. Наконец прилетела настойчивая и одновременно напуганная Фея Дубовой Рощи и Ивовой речки — она любила пышные титулы. Ей не терпелось поговорить о женитьбе, точнее, о том, чтобы он не женился ни на одной из этих двух несносных королевских дочек даже за все их королевства. Это была важная сторона проблемы выбора невесты: жениться было пора, выбрать было надо, но обе претендентки ей не нравились, и она тянула время.

Фея опустилась на его балкон, притормаживая раскрытым веером. Она выглядела как с картин голландцев: очень аккуратная молодая женщина, празднично

одетая, с голубыми сережками. Фея с ходу начала уговаривать Дюка:

— Да ты знаешь, сколько видела я этих девиц на своем веку! Ах, это ангельское личико, тонкие губы, глазки бегают, и ранний интерес к пажам!

Заметим, что Фея читала, разумеется, Кретьена де Труа («Эрека и Эниду» и тому подобное). Жаль, Набоков еще не родился к тому времени, когда она развлекалась литературой в тинейджерском возрасте, иначе она дала бы обоим девицам более точное определение.

Дюк ненавидел такие ситуации, когда его будили поутру, да еще будили нотациями. Девица с розовой шляпкой ему нравилась чуть больше — кокетливая, возможно, даже обещающая больше, чем могла бы дать, но, в общем, никак не дававшая повода для такого устойчивого раздражения Феи. Ему не слишком нравились король Розегаллии, потенциальный тесть, и его Советник, но перспектива иметь дело с Ведьмой Синегаллии также была сомнительной. Дюк был сиротой с малых лет (трагический случай в море), Фея во многом заменяла домашнюю наставницу, и он с ней, безусловно, считался. Он уже решил жениться, чтобы убрать неопределенность будущего, а теперь она тормозила его действия.

Фея очень любила Дюка, он напоминал ей о днях молодости в маленьком городке, куда ее поместили в детстве в Конвент, недалеко от знаменитого университета. Студенты были веселые и шумные. Они были особенно шумные, если им удавалось почистить своим профессорам сапоги за порцию вина, что отнюдь не запрещалось, а прямо регламентировалось мудрым уставом этого очага мысли в стиле Ренессанса. Несколько сложных романов со студентами и профессорами

не отвратили молодую начинающую фею от мира людей, мужчин в особенности. У нее были свои удачные или неудачные опыты и незаурядные магические способности. Обмануть ее можно было, только если она очень того хотела, в основном когда сама была влюблена. И она мечтала о женитьбе Дюка как о счастливом флирте, за которым можно было бы немного подглядывать, о свадьбе, внуках — то есть как бы внуках, и о бесконечном продолжении смысла жизни. До праздника оставалось всего ничего. Фея нервничала, она чуяла опасность для ее мальчика и полагала, что это как-то связано с тем, что его будут женить почти насильно. Ей надо было успеть его спасти — твердила она себе.

Дюк пытался убедить Фею:

— Ну я выберу кого-то, ну заведу детей — чего ты боишься?!

— Хорошо, но, пожалуйста, оттяни объявление выбора на конец соревнований, — попросила Фея.

На том пока и порешили, и теперь они оба тянули время.

Солнцестояние было все ближе, и благородные, торговые и простонародные гости съезжались с караванами, повозками, вьюками и даже на лодках по речкам к озеру. Все девять королевств не могли отказать себе в удовольствии участвовать в балах, пирах, спортивном празднике, ярмарке товарной и ярмарке брачной — гулять так гулять. Все пространство вдоль северного берега озера Теплого было заставлено шатрами. Солнце подымало всех рано в эти дни. В городе были заняты все дома, квартиры, комнаты, чердаки и углы. Стража следила, чтобы у всех была крыша и койка, еда и выпивка. Толпы детей — младшие братья и се-

стры приезжих — носились по галереям, стенам, сновали в открытые ворота. Их еле удавалось отпугнуть от Старой Башни, закрытых ворот других башен, да уследить, чтобы кто-нибудь не навернулся в рвы или с галерей. Только Колдуна и Невходи даже самые отъявленные сорванцы инстинктивно обходили.

Разумеется, королевские, герцогские и баронские дома пользовались ночными перебросками, осуществлявшимися феями и магами, которые помогали просто потому, что ненавидели хозяйственные проблемы своих сюзеренов. Тут было все как в обычном большом аэропорту XX—XXI века: большие люди с маленьким багажом, маленькие девочки с огромными чемоданами платьев и шляп, джентльмены во фраках и с вереницей слуг, нагруженных неизвестно чем крайне необходимым, спортивные молодые дворяне, не снимавшие из гордости или бедности военную униформу, — у этих обычно никакого багажа не было.

У глав девяти земель правители назывались по-разному: Король, Великий Князь, Гранд Дюк и прочее. Наш Принц был Гранд Дюком Вышгорода, но на Большом Совете, который собирался раз в год летом, все были равны. По традиции первым заседание открывал и вел Хан, потом по очереди, так, чтобы Валашский князь или Епископ не обиделись. Размеры владений у всех нобилей были недостаточно велики, чтобы кто-то вдруг стал Ци Шихуанди. То есть кто-то, может, и нашелся бы, но разведка в царствующих домах лежала на феях, ведьмах и колдунах, которых трудно было бы обмануть тайными военными приготовлениями.

На летнее солнцестояние все девять Домов собирались в центре пространства на праздник Солнцестоя-

ния, что, вероятно, повелось с языческих времен. Тут у нашего Вышгорода был огромный лес, гора и озеро, которое касалось своими речками всех девяти земель. Один берег озера Теплого касался леса, и там была огромная поляна, окруженная дубовым лесом.

В те времена, а скорее всего, и поныне, в лесу постоянно или временно обретались отшельники, влюбленные и дикие звери. Девять старинных развалин дворцов и замков стояли дугой, создавая большую площадь для балов и соревнований. (Теперь волшебный лес превращен в огромный национальный парк трех пограничных стран в границах XXI века.) Поляна, развалины девяти дворцов сейчас не видны, дубовая роща сомкнулась над ними. Но позади города лес остался опасным, не став за последние века более гостеприимным к чужакам.

Исторически каждый из дворцов имел свою тайну, и туда особенно никто не совался в обычное время, но для нашего повествования это неважно. Разумеется, колдуны и иные магические фигуры использовали свои способности в помощь своим князьям, но старались не переборщить. Они даже встречались тайно от князей, чтобы те не заподозрили измену. Магам всегда трудно объяснить людям, что они им помогают, а не манипулируют в своих интересах. Интересов у магов вообще было немного, они заботились больше о благополучии семьи своего князя, равновесии в природе и обществе, урожаях и приросте подданных. Надо было встречаться для обмена информацией — нет ли каких угроз, что слышно насчет браков, видов на урожай, болезней и отдаленных врагов.

В нашем случае даже тайна была маленькая и не страшная и состояла в том, что столетиями в обшир-

ном пространстве со многими государствами давно ничего драматического не происходило. Вторжения кочевников были отдаленным воспоминанием, для защиты от них перестали строить защитные башни и пограничные укрепления. Восстание знати здешних королевств против могущественного императора было проиграно так давно, что все привыкли к тихой и неамбициозной жизни. Время застыло на удивительно неромантическом моменте, и только Дюк создавал некоторое оживление в кругах нобилитета.

В обширном сытом мире важнейшими из событий были Солнцестояние, Рождество, Новый год, несколько дней главных святых да сельские праздники. Были еще дворцовые балы в честь дней рождения августейших особ — особый повод съехаться несколько раз в год и потанцевать, а заодно познакомиться и пережить подросшие поколения. Вся интрига была в том, кто раньше пригласит к себе на бал других королей и знать, а потом лучше развлечет и накормит. Ничего особенного: застолья и фейерверки, приглашенные музыканты, танцы и скачки.

На празднике Солнцестояния правители появлялись за пару дней до соревнований, обсуждали политические новости внешнего мира, межправительственные склоки, коммерческие и уголовные дела. Хотя они и играли роль Высшей Апелляционной Палаты, но старались прокрутить все дела за первый день, а во второй, «пока никого нет на этой стороне озера», — поохотиться.

Маги придавали руинам первозданный вид, который был до большой войны пять веков назад, разрушившей все вокруг. Могли они это устроить примерно на неделю, от силы дней на десять, но, в общем,

хватало дня на страшноватую экскурсию, так как все предпочитали жить в современных домах Города или в палатках. К вечеру воскресенья вся поляна была уже уставлена палатками, лошадьми, кухнями с подобием ресторанов (кормили всех даром, переманивали, крали рецепты и боролись за славу).

В этом году все было грандиозно, но атмосфера была напряженной и немного мистической. Великие Правители с семьями, свитой и любопытными ходили по дворцам, разглядывая роскошь прошлого, дамы пугались привидений, молодежь и состарившиеся неугомонные авантюристы искали клады.

Делегации каждого Дома по обычаю состояли из пяти-шести человек, охрана оставалась снаружи и расслаблялась, инцидентов никогда не было. В делегации обычно были две-три царствующие особы, премьер или министр финансов, редко генерал — в зависимости от устройства властей страны. Появлялись парами маги: либо колдун и фея, либо ведьма и фея, официально присутствующие на территории Дома. Дюк стоически перенес все застолья и обязательные официальные церемонии открытия с королевскими особами. Маги скромно держались в стороне. Все было, как обычно, кроме напряжения по поводу женитьбы. Оба Короля объявили, что они рады, что их дорогой Гранд Дюк решил создать королевскую семью и объявит свой выбор после соревнований. Международные дела в тот год большого интереса еще не представляли, и сразу перешли к соревнованиям.

Королевские призы и покушение

Чтобы было понятно, как проводились большие соревнования, следует привести их регламент. От каждого Дома по три участника, маги обеспечивали равенство условий.

Понедельник — стрельба из лука (позже луки сменили на ружья). Сперва классика: состязания на точность с большими луками на дистанции в 100–300 метров. А потом стрельба по «бегущим зайцам» (солдатам со щитами) на конях с малыми луками. (Выиграл наш Дюк и с одинаковым результатом еще три мастера.)

Вторник — фехтование на трех видах холодного оружия на выбор. (Наш Дюк выиграл шпагу, оставив другим саблю и рапиру.)

Среда — выездка на лошадях на поляне. (Дюк был третьим в общем зачете, но первым по выездке на боевых конях.)

Четверг — гонки на лодке с одним веслом (типа каноэ) с одинаковым встречным ветром, который обеспечивали маги. (Дюк не любил каноэ и спокойно остался пятым.)

Пятница — большая конная гонка-квест по Волшебному лесу примерно на полдня.

Колдуны обеспечивали нечто вроде экрана из большого полотна, на котором все зрители могли наблюдать сразу всех участников. Препятствия каждый год менялись. Например, следовало:

- найти дорогу по приметам, зашифрованным в стихах;
- пробиться через чащу с топором, отбиваясь от медведя;
- ускользнуть от обольстительной ложной Damsel in Distress.

Были и случаи грехопадения конкурсантов, тогда приходилось отключать экран, чтобы огородить подрастающее поколение от неподобающих сцен, а старшее — от острой зависти.

Победители определялись по каждому Дому отдельно, это могло послужить причиной повышения в титуле и ранге при дворе и в армии. Дамы давали еще «призы симпатий», что часто было намного важнее. Колдуны приезжали за несколько дней и обговаривали условия и правила. Потом подводили итоги по каждому виду состязаний среди больших мастеров. Сопер-

ничество тянулось поколениями. Единственным исключением оказался наш Дюк, который когда-то с ходу стал чемпионом по сумме «феодалного многоборья», как сказали бы в наше время. Естественно, и в этот раз в многоборье победителем стал наш Дюк, что, впрочем, было ожидаемо.

Хроника соперничества нобилитета девяти королевств заняла бы много томов. Для нашей истории важно, что Королевские Дома одряхлели, у них было несколько бравых вояк, но не было столь блестящего холостяка. Так что все ждали только победы Дюка и его выбора. Напряжение было настолько серьезным, что сообщение о покушении на Дюка было воспринято дворами несколько странно. Кто-то скрывал злорадство, кто-то ужасался, кто-то задавал дурацкий вопрос: а как же свадьба? Поначалу даже непонятны были какие-либо подробности, ни где, ни как он пострадал.

Сообщение пришло Фее от воронов Волшебного леса, только она понимала их язык и смысл происходящего. Она внезапно почувствовала боль в сердце и испугалась, что умрет раньше, чем поможет своему мальчику. Она сосредоточилась и дослушала короткое сообщение, потом взлетела и ринулась в лес, не обращая внимания на удивление толпы. В этот момент конь вынес на финиш раненого Дюка, он все же выиграл свой квест и победил по сумме пяти испытаний.

Напали на него в Волшебном лесу на западе от города. Старт с разницей в две минуты между стартами и финиш были на площади у Ратуши. Он стартовал последним из 27 рыцарей и обогнал всех. Остальные участники постепенно возвращались, и их спрашивали, что они видели вообще и как и когда они видели Дюка.

Норд, конь Дюка, принес его без сознания: он держался только на стремянах. Голова лежала на крупе Норда, а в каждой руке было по стреле, вырванной явно самим всадником из своего бока и плеча. Он инстинктивно сумел не просто выломать древко, но и выдернуть наконечники. На площади он упал на ступеньки Собора, как потом было зафиксировано в церковной легенде, его подхватили дежурные офицеры. Кровь продолжала течь из обеих ран, но Фея отодвинула всех, кто бросился ее останавливать: «Это яд, пусть течет... не касайтесь крови!»

Дюка положили на первый попавшийся плащ и отступили. Фея извлекла из воздуха мягкие медные перчатки и сжала обе раны, выдавливая еще немного крови. Она с трудом разжала пальцы Дюка и отложила стрелы, едва взглянув на их цвет. Потом достала небольшой сосуд с какой-то жидкостью и капнула туда немного крови из плеча. Жидкость стала зеленой, а потом быстро изменила цвет и стала желтой, вроде сильной разбавленной крови. Фея остановила кровь у раненого, попросила большой глиняный кувшин из-под пива и собрала туда всю одежду и землю, куда попала кровь. Потом поглядела на свой сосуд, он стал почти прозрачным: «Яд выдохся... не бойтесь... дайте мальчику вина, он потерял много крови».

Фея огляделась; вокруг замерли в ужасе все члены Королевского Совета, включая магов, офицеры и пажы всех дворов. Обе принцессы, казалось, были в полном ступоре от происходящего. Все остальные дамы тоже не могли шевельнуться. В течение нескольких минут подъехали еще пятеро соперников, и все время, пока Фея и профессор медицины занимались Прин-

цем, прибывали новые рыцари, и все они не могли поверить в происшедшее. Общее невысказанное мнение было простым: кто-то пытался убить Гранд Дюка. Неведомым образом весь Город знал о покушении через несколько минут; пронесся слух, что «нашего Принца убили». Первой на площади появилась Руслана.

Раненый пил вино, не открывая глаз и, видимо, еще без сознания, почти захлебываясь. Фея поддерживала его за голову, отстранив всех офицеров и государственных мужей, магов и девиц, потом передала его Руслане. Он на секунду открыл глаза, перестал пить и заснул. Фея повернулась к собравшимся:

— Дюк выберет себе жену, как только сможет думать! Но он не женится раньше Нового года! За это время мы найдем покушавшихся злодеев, наш Дюк выздоровеет, а мы заодно узнаем, кто его любит.

Принцессы взглянули друг на друга и разошлись в стороны. Советник стал шептать в ухо Ведьме:

— Как это ужасно! Но хорошо, что он жив и женится! Жена его вылечит!

Ведьма зарыдала, то ли от жалости к парню, то ли от обиды. Она вытянула свой пояс, он превратился в своего рода копье со звенящими наконечниками, воткнула его в землю и крикнула:

— Никому не подходить к Дюку! Марта скажет, кому можно.

Великий Хан был вне себя: «В этом городе нет порядка!» Короли поглядели друг на друга, вздохнули и разъехались. Валашский князь скривился и прошептал что-то непонятное, потом Фея восстановила неразборчивые звуки на редком языке как «мазилы». Епископ схватился за сердце, и экономка увлекла его по-

дальше от места событий. Остальные князья выразили соболезнования и отправились пить пиво за здоровье Дюка. Маги стояли группой в стороне. Советник рвался помочь принцу. Маурицио встал перед ним, он инстинктивно не переносил скользкого лысого мага и попросил всех отойти — лучше уйти отдохнуть. Советник не стал рисковать и побежал за своим Королем и Принцессой. Чешка Амазонка с каменным лицом подошла к Маурицио: «Я прослежу, чтобы они не врали!»

Капитан Маурицио потребовал, чтобы все участники квеста, а двадцать четыре были из других земель, немедленно были допрошены по свежим следам, профессора тут же подключились к любимому делу дознания. Фея уже никому не доверяла и попросила Ведьму-Амазонку (той были отвратительны все эти интриги) помочь Капитану с Философом на следствии. После чего она подхватила своего мальчика на руки и унесла его в ближайшее место, казавшееся ей надежным в тот момент, — в трактир к Руслане. Фея инстинктивно доверяла этой Ведьме.

Все соперники говорили одно и то же: «Квест берет часа четыре. Дюк прошел его быстрее трех часов, он нас быстро обгонял; в конце концов, это его лес, несмотря на все судейские строгости, или он просто чуял правильные решения. Мы все скакали, плутали, уклонялись от капканов, арбалетов и прочих ловушек, отбивались от медведя.

Дракон ожидал нас в самом конце, поэтому Норд и вынес Дюка очень быстро после ранения. Дракон загораживал дорогу, бил хвостом по нашим лошадям и демонстрировал, что собирается съесть девицу. Самое трудное было помочь девице, для этого надо было

или достать чудовище копьем, или спешиться и идти с мечом, можно было метнуть топор. Тогда Дракон выпускал струю пламени, выжидал немного и снова принимался за жертву. После трех атак на него Дракон отступал, он был не настоящий, а девица исчезала.

Стрел никаких в нас пущено не было. Все пытались ей помочь, хотя можно было ее пожертвовать и просто проскочить к городу, но так не получишь славы за квест. Не всем удалось проскочить, напав на Дракона с копьем, и спасти девицу».

Нападение на Дюка произошло явно во время борьбы с Драконом, но судьи гарантировали, что сам Дракон мог только «условно» оттяпать руку или съесть коня, но стрелами пользоваться не умеет. Профессор философии наивно спросил: «А девица была настоящая?»

Ответ был — да, настоящая!

А где она? Оказалось, что никто не знает, кто она и откуда; ее запомнили совершенно по-разному — то как роковую брюнетку, то как блондинку с высоким рыдающим голосом.

Стрел никто не видел (их унесла Фея) и не мог ничего сказать, кроме того, что не видели Дюка после испытания с Драконом: он всех обогнал раньше. Ведьма-Амазонка с отвращением слушала пустоголовых офицеров, которые ничего не могли сказать по такому важному делу, но она видела, что они не врал и совершенно не могли сами повредить Дюку.

В это время Фея с медиками и Русланой парили раненого в ванне и поили молоком. Фея непрерывно проверяла все своим веером на яды. Дюк понемногу приходил в себя, но ничего не помнил. Маурицио с Чешской Амазонкой прибыли через два часа, и первый

Совет по покушению был проведен так, чтобы Большой Королевский Совет не успел объявить регентство при больном Властителе.

Первый бюллетень о здоровье Гранд Дюка звучал так (в сокращенном переводе): «Слава Богу, наш Дюк жив, в сознании и отдает приказы! Покушение на него расследуется, и есть первые подозреваемые. Весьма вероятно, что это дело граждан Т. Сбор свидетельских показаний продолжается. Граждане, будьте спокойны и бдительны и молитесь за здоровье нашего Государя».

На самом деле следствие было в тупике, профессора философии, теологии и медицины терялись в догадках вместе с Феей, Амазонкой, Маурицио и Русланой. Казалось бы, несколько неожиданная компания для следствия и охраны, однако никому больше не доверяли — слишком много чужих людей было в городе. Несколько опасных выводов первичного расследования Маурицио очень коротко сформулировал для своих.

1. Принца пытались не убить, а унижить, серьезно травмировать физически и морально, выбить из квеста и лишить победы.
2. В стрелах был не яд, а сложная субстанция, которая лишает человека воли, памяти и делает его беспомощным примерно на три часа, он должен был упасть с коня, испугаться Дракона, возможно, сломать руку или ногу и провалить квест.
3. Обе стрелы пущены одним лицом, и имеются явные признаки того, что покушение инспирировано с намеком на царствующие Дома, то есть это подлая политическая интрига.

4. Поскольку девица при Драконе исчезла, то рабочая гипотеза состоит в том, что она ударила Дюка двумя стрелами, пока он за нее сражался. Или же она его отвлекала и даже удерживала, пока ее подельник целился в Дюка.
5. Никто не должен знать, что Дюк уже в сознании и что это был не яд. Только преступник знает, что это был не яд.

Это было разумное решение, но надо было спросить самого Дюка. Охранять его сон решили так, чтобы не создавать излишней нервозности. Гарантии безопасности не было нигде, даже в Бархатной комнате — вдруг кто из магов замешан. Поэтому его незаметно пронесли на четвертый этаж к профессору теологии, не из суеверия, а для понижения вероятности, что кто-то сможет его там найти. Один из солдат эскадрона Маурицио отважно лег в постель Дюка с повязками на руке и на боку. Фея осталась с ним, создав максимум достоверности строгой охраны, и заодно прикрывая профессорский этаж. Руслана осталась с Принцем, положив ему под голову какую-то бархатную подушечку, и невидимая непроницаемая стена окружила их. Профессора создали привычную академическую атмосферу: светильники, книги, тихая музыка и вино. Попыток вломиться на профессорские этажи в университет не было, но в покои к Дюку пыталась влететь подозрительная птица. Ведьма-Амазонка облила ее на балконе каким-то зельем, и та рухнула вниз, а потом сама загорелась и обратилась в пепел.

Всеволод очнулся в пять утра и долго восстанавливал прошлый день. Столкновение с Драконом он вспо-

мнил без страха, но несколько смутно. В шесть утра Руслана его поила молоком и тихо рассказала о том, что уже известно читателям. Дюк двигаться толком еще не мог, но тяжело, с остановками прошептал:

— Я метнул копье, но Дракон его проглотил... тогда я соскочил и подбежал к ним с мечом... но она схватила меня за руки... я даже не успел удивиться ... меч выпал, и я остался безоружен... Дракон молча смотрел на меня, а кто-то без лица стрелял в меня из маленького арбалета, вроде детского, почти в упор... Глаз его я тоже не видел — тонкие прорези в капюшоне, как белая стена... Обе стрелы выпустил этот человек... среднего роста, некрупный, может быть, и переодетая женщина... Я схватил свою Булавку, Сабля легла в руку, я отмахнулся от них и больше их не видел. Ясно помню только, как я выдернул обе стрелы из себя, они были неглубоко, но было очень больно... потом влез на коня и подстегнул его своей Саблей... больше ничего не помню. Где Булавка?

Фея боялась подпускать кого-то из магов к своему мальчику, Амазонка ничего не понимала в ядах, профессора настаивали на своей версии. Булавка зацепилась за гриву коня, и ее вернули Дюку — прицепили на воротничок, рассудив, что этот артефакт явно ему помог.

Весь Малый Следственный Совет собрался вокруг Дюка за завтраком в восемь утра. Следствие находилось в тупике по нескольким принципиальным вопросам: кто, как, зачем и чего еще ожидать? Маурицио с Амазонкой ночью и утром прошерстили лес, но не нашли ничего, кроме нейтрализованных магией до неузнаваемости следов борьбы Дракона с участниками квеста.

Дюк выглядел бледно, но его смогли поднять, умыть, и он съел свою оксфордскую овсянку. Он согласился выйти к Большому Совету и выбрать невесту. Фея пыталась сделать выбор условным, но профессора и Маурицио настояли на безусловных клятвах невесты — пусть вместе с папашей защищают Дюка. Амазонка, как обычно, пожала плечами, Руслана грустно кивнула.

Учитывая фактор кошмаров Дюка и повторение в них «розово-синего мотива», надо было решать с выбором невесты. Это позволяло определиться с реакцией обеих королев и было решением проблемы безопасности на обозримое время, но только в случае верности гипотезы о принуждении к женитьбе. Тесть не будет покушаться, а несостоявшийся тесть будет слишком на виду, чтобы устроить покушение. В других ситуациях безопасность не гарантировалась. Профессора высказали свое мнение по ситуации со следствием (вероятности без ясности), Амазонка пожала плечами, Руслана утерла слезы. Фея была напряжена и все время держала в руках открытый веер для защиты. Выбор невесты оставили Дюку, он долго смотрел в глаза собравшимся по очереди, думал минут двадцать в полной тишине. Никто не решился давать советы по этому вопросу, боялись сказать что-то лишнее, невольно повлиять или быть подслушанными. Наконец Дюк закрыл глаза и четко произнес: «Розовое!»

Решили созвать Большой Совет, а чтобы никто не увильнул, Дюк (его вели под руки Маурицио и Фея, ведь прошли всего сутки после покушения) вышел в три пополудни к Совету, бледный, с забинтованными зелеными шелковыми повязками плечом и рукой. Совет

встал и тепло приветствовал Хозяина Праздника. Зрелище отображалось на городской стене тенями со звуком для всего общества, которое собралось на праздник между озером Теплым и Башнями.

Дюк вознес хвалу Высшим силам и отметил врачей, которые сумели нейтрализовать неведомый яд. Сидя, он поблагодарил участников соревнований, выдал призы, сам получил вполне заслуженный кубок, хотя удержать его не смог и отдал Маурицио. Потом он торжественно поблагодарил Совет за поддержку и выбрал принцессу Розегаллии в невесты. Дюк улыбался и извинялся, что еще слаб, — выглядело правдоподобно. Вся Синегаллия стоически выражала пожелания здоровья, Советник сиял, Ведьма Развалин впала в задумчивость и крутила на пальце звенящие наконечники от пояса. Розалинда очень обрадовалась и вместе с родителями подошла для книксена. Дюк и Принцесса поцеловались очень чинно. Она тут же, согласно прилагаемому решению Большого Совета, поклялась любить и беречь Дюка — вполне традиционное обручение, если бы не одно загадочное обстоятельство: удар невидимого колокола в момент ее клятв! Это не был удар колокола Собора — там все зазвенело чуть позже. Этот удар звучал как печать на клятвах Принцессы, все вздрогнули в предчувствии неизвестной Судьбы.

В архивах сохранился документ, в котором зафиксированы итоги (формальные, конечно) Большого Совета:

1. Дюк письмом Большому Совету выбрал в жены Принцессу Розегаллии, поскольку она хороша собой, добра, умна и проявила сочувствие (это

- было вранье — сочувствие проявили все) к его страданиям.
2. Дюк окончательно заключит брак на Новый год под бой Главных часов, если все клятвы будут выполнены всеми сторонами.
 3. Избранница клянется в верности и должна прибыть под Новый год в Вышгород. После чего собирается Большой Совет и объявляются гуляния во всем Тридевятом королевстве.
 4. Все члены Большого Совета клянутся оберегать Дюка.
 5. Магический Совет поклялся в Бархатной комнате, что обеспечит безопасность Дюка от враждебных магических сил, если таковые существуют.
 6. Следствие продолжается, хотя, по предварительной версии, это была личная месть кого-то из отвергнутых поклонников неизвестной дамы, ошибочно перенесенная на Дюка.

Несмотря на то что выбор был сделан, большинство участников пребывало в задумчивости, и не было заметных проявлений ликования. Закрытие праздника Летнего Солнцестояния было скомкано, хотя хозяева настояли на продолжении банкета и танцев. Дюк лично просил гостей сплясать и выпить за здоровье всех и за успех праздника, что, в общем, было выполнено. Обе принцессы украсили бал.

Вечером усталый Дюк спросил у Феи, что это был за удар колокола, что это значит? Фея повздыхала, прежде чем отвечать:

— Видишь ли, Всеволод, его никто никогда не видел. Он звонит внезапно в момент событий, которые

сам считает очень важными; значит, и твоя помолвка к ним относится. Его называют Колоколом Судьбы — так и узнают, что было действительно важно. Последний раз он звенел, когда умерли твои родители. Это может быть хорошо в твоем случае, но неизвестно, что именно он скрепил своей «печатью»: твое счастье, ваш поцелуй и брак в целом или ее клятвы. Надо быть внимательными, особенно до Нового года и свадьбы, — ты пока будь поосторожнее.

Полгода ушло на сплетки и сплетни

Со стороны могло показаться, что Праздник закончился благополучно: молодой Гранд Дюк остался жив и скоро женится, летнее веселье и соревнования не были омрачены ни смертями, ни казнями. Традиционная летняя ярмарка прошла успешно как никогда. За здоровье Дюка и его невесты было выпито немереное количество напитков, крепких и сладких, производства всех девяти королевств. Однако вся безмятежность в Тридевятом королевстве ушла неизвестно куда.

Дюк помнил, что на него покушались и теперь заставляют жениться. Он признавал, что его выбор «розового» вполне разумен, но не сулит счастья. Он оттягивал момент объявления, что вполне здоров, тогда при-

шлось бы со всеми общаться, набежали бы придворные, устроили бы бал. Он категорически не хотел танцевать ни с кем, особенно с невестой. Видимо, в нем начала бродить закваска старого холостяка: он всегда хочет жениться, но вечно что-то не так. И сделав свой счастливый выбор, старый холостяк, бывает, мысленно прокручивает свое счастливое будущее, и оно ему нравится все меньше и меньше. У Дюка в голове бродила одна и та же строчка из старой английской пьесы: «С некоторых пор я утратил всю свою веселость!» Профессора даже прозвали его за глаза Принцем Гамлетом. Но лишь немногие посвященные в литературу понимали, что Гамлет погубил Офелию из-за ложных подозрений в адрес ее отца и нечаянного убийства, а у Дюка опасность прямо противоположная.

Дюк укрылся в Княжьей Башне, и его полгода почти не видели. Он стал нелюдимым, сторонился дам, практически не бегал по стенам в одиночку: охрану усилили, и он не мог больше побыть один нигде, кроме своей башни или у профессоров. Он часто брал скрипку и играл для своих немногих гостей в башне. Однажды он все-таки поделился с Феей своими соображениями. Дюк перед свадьбой уже не навещал Руслану в трактир, она скучала и вместе с Феей заглядывала посмотреть, как он там, хоть на полчасика. Обеих дам помимо заботы разбирало любопытство, и они уговорили его выпить рюмочку и рассказать, что он думает о ситуации. Фея огородила, как могла, веером проход в Бархатную комнату. Дюку не хотелось рассказывать, но он заботился о Руслане.

— Ну, хорошо, совсем коротко: я готов жениться ради Города и Династии, а там — как пойдет. Не я пер-

вый так женюсь... Не светит мне романтика, и долго еще ждать Века Разума, чтобы принцы могли жить как обычные люди, хотя я и не республиканец.

Выбрал «розовое» еще и потому, что вы в лесу не обнаружили магии, это не Ведьма вмешалась — остались бы следы. Скорее всего, это кто-то с очень малой магией, а тогда лучше держаться ближе к Розегаллии. Думаю, что до Нового года ничего не произойдет. А вот удар Колокола тогда, летом, меня настораживает. Если что-то пойдет не так, могут быть проблемы, непонятно какие и какой сложности. Тут, дорогая Марта, веером не отобьешься. А тебе, Руслана, лучше на Новый год уехать хоть на неделю, потом вернешься. Как-нибудь твои ребята в трактире управятся. Уходи в Лес, там есть где переждать, например, в Невходи.

Ему приходилось разговаривать с Ведьмой Развалин и другими магами, чтобы успокоить их: мол, никого не подозревают, хотя преступников и не нашли, только два мертвых тела чужаков, но привязать их к покушению не удалось. Ведьма спросила его, что бы ему хотелось в жизни; он немного подумал, представил себе дорогу, солнце и звезды и вдруг сказал вслух: «Жаль, что я не могу уйти хоть на год-два бродячим музыкантом»...

Королевские дома вздохнули с облегчением, особенно Розегаллия. В Синегаллии, напротив, как писали в романах, царило уныние. Ведьма постепенно приходила к мысли, что Советник ее надул. Она говорила со «своей» Принцессой; та была слишком горда, чтобы жаловаться, но сказала Ведьме странную фразу: «Еще неизвестно, кто получит Принца, а кто Пажу... и неизвестно, кому будет лучше...» До Ведьмы и Феи до-

ходили слухи, что невеста Принца к концу лета полюбила конные прогулки с пажами. Подругу из Синегаллии она видела мало и только на людях под предлогом того, что родители заставляют учить различные обязанности королевы. Несколько официальных встреч будущих супругов все же состоялось, но при большом скоплении официальных лиц. Среди них Дюка особенно раздражал Советник, который пытался применить на нем свой основной прием: «О, только Вы могли вынести то злосчастное покушение и так быстро восстановиться!» и так далее.

Фея считала, что, пока не найден настоящий злодей, нет ни безопасности, ни покоя. Маурицио и Марта занимались подготовкой к свадьбе и одновременно искали виновных в покушении. Другие князья оставались в задумчивости и читали детективы. Маги несколько раз собирались, но никто не хотел высказывать своих соображений по делу. Решили все же провести Большой Совет и Совет Магов на Новый год. Идея членов Большого Совета по поводу свадьбы была в том, что Дюк и Принцесса поцелуются при первых ударах Больших часов, открывающих Новый год. Это и будет ключевой момент. Обвенчаются наутро на Новый год — начнут новую жизнь!

Маурицио с Феей закончили расследование на том, что ничего точно сказать нельзя: все следы покушения тщательно ликвидированы с помощью магии, а потом еще проведена аннигиляция магии. Если бы использовались сильные заклинания или иные средства, этот номер бы не прошел, удалось бы найти заказчика, если считать, что исполнители убиты. Но тут явно была какая-то очень слабая магия — на уровне внушения,

обмана, так что вычислить след не удалось. Оставалось простое: кому это выгодно? Тут вроде было ясно, что Розегаллии. Маги очень нервничали, их волновала в первую очередь стабильность Тридевятого королевства. Все помнили, что недоверие и малые конфликты в прошлом раскручивались князьями по разным соображениям и доходили до войны.

Катастрофа на Новый год

Прошло отпущенное на интриги время, шли последние дни Старого года. Все властелины своих земель, дворы и чернь съехались опять в Вышгород. Предполагалось, что Новогодний бал завершит этот нервный год и все отдохнут от проблем. Большой Совет с придворными уже дня три пил шампанское, общался, обсуждал наряды и сплетни. Тревожная обстановка среди придворных была связана с явной взаимной холодностью жениха и невесты. Опасались также, что Синегаллия может готовить захват Вышгорода в случае женитьбы Принца на Розе. Маги понимали это и в ужасе собирались вместе раз за разом, приглядываясь к Ведьме.

Принцессы по внешней видимости опять подружились, и Синегалльская Принцесса активно помога-

ла подруге с приготовлениями. Они уже никуда не исчезали вместе, видно, перебесились, но не перестали следить друг за другом. На самом деле Синелинда пошла ва-банк от зависти и влюбленности и активно способствовала развитию романа между Розалиндой и Пажом, несмотря на ревность. Последний был виноват не в том, что уродился красавцем, а в том, что был активно беспринципен и всеяден. Она, видимо, понимала, что Розалинда не сможет выпутаться из романа и замужества одновременно. Тут мог быть шанс, но надо было быть рядом.

Упрямые девицы и в самом деле соревновались за Пажа; приличный Дюк в качестве жениха был нужен только королям из их геополитических соображений. Если бы подслушать диалог девиц, то можно было бы догадаться, что в этой дружбе все непросто. Обычно они старались выведать друг у друга, что сказал Он, что обещал, куда звал, где Он будет. Он — это Паж, который не так чтобы любил кого-то, он привык к обожаению, но две принцессы — это было победой, которую надо было как-то закрепить. Никто не хотел явно выдать своей тревоги и ревности, так что всем им приходилось держаться крайне близко, чтобы контролировать ситуацию и сохранять все в тайне. Все это продолжалось уже добрый год и стало настолько привычным, что все остальные события и занятия казались совершенно второстепенными.

А Паж, размышляя сам с собой, собирался в любом случае остаться любовником новой герцогини; ему было, в общем, все равно. В этом сугубо личном вопросе он и не думал «советоваться с Советником». Паж Советника боялся, но в душе презирал за то, что тот женщин

не любил. Паж вообще считал себя «королем всего королевства» по части женщин. А Дюка не переносил как единственное психологическое препятствие к своей гегемонии. Массовое обожание Принца и его романы вызывали у него просто ненависть самца к сопернику в стае. На этом Советник его когда-то и подцепил. Ему казалось удачно, безопасно и забавно травить пассий Дюка всеми способами и наблюдать за его огорчениями. Советник занимал немножко магии у Ведьмы, но очень осторожно, под предлогом «отвратить Дюка от простонародья и повернуть к принцессам, скорее даже (врал) к Синелинде». Но в своих постоянных любовных делах Паж не доверял Советнику, а у того было недостаточно своей магии, чтобы учуять неладное. Советнику сфера любви и дружбы действительно была чужда, и сколько раз он потом клял себя за невнимательность к этой идиотской стороне человеческих отношений.

Пажу нравилось внимание принцесс, и он, как всякий царедворец на его месте, выполнял все их капризы. Но ему хотелось большего, и он прикидывал свою роль при той или другой, когда они выйдут наконец замуж. Ему нельзя было ошибиться, и он довел обеих до нервного шока своими колебаниями и обещаниями. Этот момент в нашей истории носит феодально-любовный характер, и его несложно найти в истории больших европейских дворов. Но Советник с Ведьмой этого не слишком понимали, им и в голову не могло прийти, что борьба между принцессами идет не столько за корону, сколько за смазливого любовника.

Паж совсем обнаглел и за час до Нового года «окончательно обещал» свою любовь в наступающем году за поцелуй на балу той, кто отважится сделать это под бой

Больших часов. Поцелуй был обещан обеими. Для Синелинды это был последний шанс подставить подругу — ведь ее клятвы будут нарушены! Она не имела ни малейшего представления о возможных последствиях своих действий. Розалинда же спокойно устраивала свое комфортное будущее, она не верила ни в какие клятвы и не собиралась отдавать любимой подруге ни Принца, ни Пажу. Пажу казалось, что он обеспечивает свое положение. Все трое по наивности и беспринципности не понимали, что с точки зрения магии в этом поцелуе — вполне невинном по сравнению «с катанием на лошадях вдвоем» — и заключалась ловушка судьбы. Да и не мог же, в самом деле, Гранд Дюк жениться на любовнице Пажу. Для нашей истории важно, что нарушение клятв, которое произошло под бой Больших часов, было и нарушением интриги Советника. История знает случаи, когда один выстрел решал судьбы королевств. Паж и Розалинда одним поцелуем разрушили спокойствие Тридевятого королевства.

Все эти дни перед Новым годом заседало собрание магов в Бархатной комнате. Их компания со стороны была очень похожа на старые фотографии глав семей итальянской мафии в Нью-Йорке, если добавить к ним много ведьм и одну фею. Все они находились во взвинченном состоянии, в частности, из-за неоконченного расследования, что показывало их коллективную беспомощность перед неясными явлениями. Все дружно уговаривали Ведьму Развалин, что дело решенное, что Дюк выбрал сам. Чем больше они ее уговаривали, тем больше она сомневалась в чистой игре Розегаллии и Советника. Но она не могла признаться своему Королю в провале их планов выдать Синелинду за Дюка,

так что искала повода затормозить свадьбу, возможно, даже бессознательно.

С расстройства Ведьма связала весь Совет Магов обещанием следить за выполнением клятв принцессы. Знала бы она, до чего ее подозрения верны!

Чего не понимали великовозрастные Фея и Советник, не говоря уже о Ведьме, которая вообще оказалась далека от понимания человеческой природы, так это возрастных устремлений девчонок. Это в теории принцессы хотят замуж за принцев. Это в теории королевств они хотят хорошего, красивого, доброго, мужественного рыцаря. Это родители и придворные маги вдалбливают принцессам с детства, что королевская честь — самое важное и надо ей соответствовать. Это дворы и министры хотят присоединить герцогство к королевству и отличиться перед королем. У принцесс все было проще: они подыграли своим магам и родителям в истории под названием: «Мы хорошие девочки и хотим принца, а есть только Дюк, хотим за Дюка замуж!» На самом деле им нравился Паж, Дюк был далеко, и был он для них скучноват. Собственно, ко времени наших событий Паж давно уже был офицером по особым поручениям на службе Короля Розегаллии, в частности, к Королю Синегаллии, то есть носил себя красиво между девицами и фактически дразнил их. Только к началу нашей любовной драмы Советник открыл ему секрет своих намерений — сделать его по факту герцогом, но сначала постоянным любовником будущей герцогини. Дюку отводилась вспомогательная роль, что он чуял на инстинктивном уровне, но виду не подавал. Советник исходил из полной рациональности всех действующих лиц, то есть никаких

эмоций или секса — все хотят власти и ведут серьезную игру.

Опасения магов были столь сильны, что они решили наблюдать за событиями из Бархатной комнаты, чтобы не повлиять на естественные процессы и быть в состоянии вместе помочь Большому Совету. Странная компания эти маги, кто во фраках, кто в старинных колпаках; они вели себя крайне вежливо, пока в последний момент не переругались из-за Дюка («ваш любимчик!») и принцессы («это ваше позорище!»). Первые конфликты возникли 29-30 декабря.

У осторожного Дюка были свои не очень оптимистичные предчувствия, и в это время Руслана по его же просьбе уехала на время из Города. Он не хотел рисковать немногими близкими. Маурицио разрывался между функциями начальника охраны и всевозможными поручениями Дюка. В декабре Дюк потряс своего верного Капитана неожиданным поручением. Всеволод вызвал его, когда принесли записку для Феи и Дюка в розовом конверте, пахнущую сиренью. Записка была короткой: **«Считайте не Удары Часов, а Поцелуи!»**

Между ними состоялся такой разговор.

— Маурицио, приближается Новогодняя ночь, а у меня не очень веселое настроение.

— Ваше Сиятельство, мы все держим под контролем, ни человек, ни маг не проскочат, очень помогают Амазонка и Алхимик — торопятся домой.

— Ну, давай договоримся на всякий случай. Если со мной что-то произойдет, то вот тебе мой Перстень-Печатка Гранд Дюка.

— Я не могу его взять!

— Надеюсь, что он тебе не понадобится, да и он не будет действовать при мне ни на чьем пальце.

— Что Вы задумали?

— Я задумал подстраховать наш Город и его жителей на случай любого развития событий. Перестань нервничать и слушай внимательно!

— Ваше Сиятельство, что скажете, то и сделаю.

— Ты хороший кондотьер, Маурицио, и в случае чего справишься с обороной Города и жителей! И безопасность Русланы, если она вернется, на твоей совести.

— Конечно!

— Если я не переживу ночь, или исчезну, или еще что-то идиотское случится со мной, то пойдешь в Ратушу и покажешь Печатку, тебе отдадут мое Завещание на тебя при условии женитьбы на одной из принцесс! Понял? Маурицио был в ужасе.

— Ваше Сиятельство, — воскликнул он, — не надо, они же обе разгульные девицы, мой итальянский язык не выдерживает! Вы же знаете!

— Ничего! Ты далеко не монах! И если я готов жениться ради Города, то ты женишься, чтобы тебя признали Герцогом по завещанию и по знатной жене! Дальше сам крутись!

— Ваше Сиятельство, я не справлюсь!

— Что, с девицами не справишься? С Синелиндой точно справишься! И есть еще условие.

— Что прикажете! Думаете, Розовая в заговоре?

— Если со мной что-то действительно произойдет, то тихо прирежешь Пажу. Мигом! И еще до утра!

— Да, с удовольствием... а-а-а, понимаю, обязательно! Я же давно Вам говорил, что этого хлыща надо мочить, а Вы все: «Не надо лишней крови»...

— Нам лишние злодейства ни к чему, но теперь это, возможно, твое семейное дело! Хорошо бы еще попросить Ведьму убрать Советника, но не факт, что она согласится. Конечно, виновата «розовая сторона», но не вполне понятно, зачем это им и как все было. Если только они не хотели сделать из меня «женатого инвалида» при бойкой дамочке.

— Похоже на то. Ну, я попробую.

— Иди и займись делом. Кольцо спрячь. Отдашь мне его утром на свадьбе, если она все-таки будет.

В это время Маги уже переругались между собой и разнесли бы все вокруг, но Бархатная комната пока держала их магические нервы внутри. За день до главных событий Фея сказала Ведьме Развалин: «Если что, спаси моего мальчика!» Бурные дебаты в Бархатной комнате шли по поводу процедуры на балу. Решили, что все вместе заклинают Часы в Комнате и на Башне, что Принцесса должна поцеловать Дюка в Полночь под удары Часов. А если нет, то виновные будут выброшены из Тридевятого королевства. Неожиданно во время принесения клятв опять ударил невидимый Колокол Судьбы, и маги притихли, понимая, что только что определили Судьбу, но неизвестно чью и какую именно.

Итак, Новый год! Праздник шел в большой зале у Дюка. От Рождества оставались только настоящие пальмовые ветки по стенам. Столы стояли большим треугольником. Дюк сидел между Королями и высшими сановниками Розегаллии и Синегаллии под Часами. Валашский господарь, Чешский князь и Хан сидели влево от них (возле окон на озеро). А Вздорный король, Епископ и Жадный барон — вправо (возле окон

в город). На улице было минус четыре, небольшой снег. Днем катались на санках, всем было весело, кроме Дюка. Света было много, в больших люстрах и канделябрах на стенах были зажжены свечи, а по углам горели дрова в каминах. Поток воздуха вызывал постоянные колебания отблесков и теней, под потолком гулял небольшой сквознячок.

В середине оставалось место для слуг, подносявших яства и вина. Напротив Дюка у стены играл оркестр, точнее, два — армейский с трубами и церковный со скрипками. Между ними заезжий виртуоз по очереди играл что-то совершенно неприличное на клавишине. Он ловко комбинировал разные известные мелодии, даже церковные и народные песни небольшими частями с незаметными переходами, и все смеялись. Наряды дам по моде и богатству не уступали Парижу, но красота и свежесть дам явно его превосходила. Если бы не напряженные лица участников нашей затянувшейся интриги, то никто бы и не заметил, что веселье в этом году несколько натужное, а видимость безмятежности едва скрывает проступающие шипы тревоги. Охрана Маурицио в парадных мундирах (в смешанном славянско-турецком стиле) была везде и куда плотнее обычного якобы «по причине опасности возгорания штор от ветра».

Хан произнес первый тост около девяти вечера, следом — все главы государств. Все было как обычно: за наше Тридевятое, за Дам, за мир в Европе, за урожай винограда и хорошее вино, за Хозяина, его здоровье и счастливое будущее. Много пожеланий было Розалинде — преимущественно счастья и прочего, что было несколько преждевременно, но большинство со-

бравшихся этого не признавали. Танцевали часа два, перекусывали, тосты шли легкие и не обязывающие много пить, хотя многие гости уже злоупотребили.

Дюк был сосредоточен. Маурицио не спускал глаз с Паж, который стоял позади семьи Короля Розегаллии. Синелинда мучилась от зависти и неопределенности. Розалинда цвела, что все воспринимали как естественное состояние девушки перед долгожданной свадьбой. Советник время от времени проскальзывал по зале к делегации Розегаллии за столом и обратно, видимо, не так далеко — в Бархатную комнату. Примерно без четверти двенадцать Дюк произнес традиционный тост Прощания с Прошлым годом: «Год был трудный, но успешный; мы были счастливы, мы надеемся быть счастливы; наш Город рад приветствовать королей и всех гостей Тридевятого королевства, такое счастье, что оно у нас есть!»

Шампанское слуги и гвардейцы начали открывать за пять минут до боя Часов. Все начали вставать и перемещаться, так что действия секьюрити, как теперь говорят, были затруднены. При первом ударе Часов все стали чокаяться шампанским с соседями, времени было много — между ударами проходило секунд по пять. Розалинда встала, обошла двумя быстрыми шажками своего Отца-Короля и поцеловала Дюка на втором ударе Часов. Дюк был напряжен, но он решился и не ждал уже ничего необычного в своей судьбе, хотя полгода опасался катастрофы. Все короли, дамы и гости радовались, обнимались и следили друг за другом, а Маги все видели из Бархатной комнаты. Дюк целовал Розалинду почти бездумно и без восторга влюбленного, но это в суе было заметно только ей и Маурицио, кото-

рый почти забыл про перстень Дюка на цепи на своей груди.

Маурицио и маги почти вздохнули с облегчением, когда Розалинда округлила глазки и поплыла по залу целоваться с любимой подругой Синелиндой. Вокруг нее создавался вихрь чокающихся поздравителей, как, впрочем, и вокруг королей и хорошеньких дам: 12 длинных ударов — много времени, чтобы успеть выразить свой восторг и уважение! Паж нигде не было видно, точнее, он быстро двигался вдоль стола, нагибался, целовал ручки дамам, некоторые зрелые дамы его обнимали якобы как юношу. В этой движущейся толпе только Дюк и Советник понимали, что маги следят за всем. Розалинда порхнула позади столов к кому-то из старых владетелей, где ее неприятно «по-стариковски» стиснул Валашский любитель молодых дев. За следующие восемь-девять ударов ее успели поздравить и поцеловать человек тридцать всех возрастов из королевских семей. Она начала нервничать, не видя Пажа, и тут Советник устроил небольшой порыв ветра — развевающиеся портьеры, гаснущие свечи, тревожные вскрики дам, в общем, суматоха. Розалинда сделала шагок в толпу и одновременно в сторону к портьеру. Толпа и портьера образовали небольшой закуток, где Принцесса, словно в центре тайфуна, оказалась отгорожена ото всех (кроме магов). И на одиннадцатом ударе Часов она крепко поцеловала Пажа, который вынырнул на секунду из толпы, еле вырвавшись из тонких рук Синелинды. Да, Паж она поцеловала сама!

Все с бокалами повернулись к Часам, но они не ударили 12! Вместо этого ударил Колокол Судьбы и за-

мкнул время. Это была катастрофа не столько неожиданная, сколько совершенно невероятная и в первый момент совершенно непонятная. Много драм случилось в королевских дворцах под бой часов, особенно рождественских и новогодних, но никогда не было проблем с самими часами. Они просто всегда били 12 раз на Новый год, и вся жизнь закручивалась сначала. В этом и прелесть Нового года! А тут Время остановилось, и непонятно, считать ли Новый год начавшимся, запускать ли Часы сначала, сделать ли вид, что ничего не произошло. Но ни одни часы во Дворце не пробили 12, словно испугались и остановились. Мистический характер произошедшего был ясен всем, но что это означало и что последует, никто не понимал.

У Советника хватило ума в критический момент (после второго удара часов) увильнуть из Бархатной комнаты, которая стала розоветь уже во время тостов за прошлый год, под предлогом вызова к Королю, так что он-то полагал, что отлично понимает смысл происходящего. По правде, и он не мог оценить последствий поцелуя Принцессы, хотя следил за Пажом и мысленно клял его любвеобильность: «Идиот смазливый, не может подождать полчаса!» Паж совершенно не понимал степени важности событий, для него это была просто очередная новогодняя интрижка — или две. В это время Маурицио, взбешенный объятиями Паж с обеими девицами, с угрожающим видом двигался к нему. Паж в испуге потянулся к короткой шпаге, Маурицио — к своему короткому мечу. Испуганный Советник заорал: «Не ударило 12! Убей его...»

Время, видимо, остановилось, и непонятно, на какой срок (оказалось, что до следующего удара Колоко-

ла). Вся толпа вокруг отшатнулась от Паж и Маурицио. Всех словно парализовало, причем угроза вооруженного конфликта напугала всех сильнее, чем отсутствие двенадцатого удара часов.

Дюк внутри себя становился совершенно спокойным: он полгода ждал Катастрофы, и она пришла. Теперь уже не было выбора. Он повернулся к Советнику и взялся за кинжал, тот по-своему истолковал намерения хозяина дома и выхватил из-под плаща длинный кинжал, что было категорически запрещено придворным.

В это время Паж, глядя на Капитана и держа шпагу в правой руке, левой вытащил из-под камзола пистолет, тем более запрещенный на таких праздниках, и взвел курок. Маурицио резким движением швырнул свой меч на шесть метров, которые отделяли его от противника. Меч стукнул Паж в грудь и отскочил от спрятанной под камзолом кольчуги, также запрещенной на балу. Выстрел Паж от удара ушел в сторону, пуля попала в люстру. Весь зал и маги у себя в «бархатной ложе бельэтажа» заворуженно следили за поединками, будто это было замедленное театральное представление. Казалось, соперники выхватили кинжалы и обменивались ударами бесконечно долго и медленно, ведь Время остановилось! Двое стражников из Розегаллии бросились помогать Пажу.

Одновременно Советник с помощью каких-то заклинаний отбросил Дюка от себя на несколько метров и выбил у него из рук короткий церемониальный кинжал с золотой ручкой. Он, улыбаясь от ненависти, шел на Дюка с длинным кинжалом: «Сейчас я тебя проучу, мальчишка!» Всем стало очевидно, что он ждал момен-

та все эти годы и просто ненавидел Дюка, независимо от истории с Принцессой, Пажом и прочими делами. Дюк понял, кто на него покушался и что все решается сейчас, пока Часы не бьют двенадцатый раз, а Маурицио сражается с Пажом.

По обычному счету все заняло, наверное, минут десять — ну, пятнадцать: противники обменялись примерно дюжиной ударов и обзавелись двумя-тремя легкими ранами. Маурицио был настоящий воин и намного крепче и резче юноши. В конце концов его лезвие вошло в незащищенный верх плеча у шеи Пажу, на белом воротничке появилась кровь.

Дюк провел, как полгода назад, рукой по лацкану мундира, нащупал Булавку, взял послушную Саблю и рубанул дважды отшатнувшегося в страхе Советника, выбил у того кинжал и вторым ударом отрубил кончик мизинца на правой руке своего врага. Тот вскрикнул от боли и страха и бросился бежать. В этот же момент Маурицио победил в своем поединке.

Вдруг Залу стало трясти — это рядом разрушалась Бархатная комната. А Часы все еще так и не ударили двенадцатый раз!

Гости наблюдали за всем этим с ужасом и невольным любопытством, в обморок никто не упал. Напротив, кто-то пожал руку Маурицио, кто-то обдумывал, не вступить ли в драку (теперь уже неважно за кого). Розалинда бросилась к падающему Пажу, а Синелинда ударила Маурицио маленьким кинжалом в спину. Но он успел повернуться, кинжал застрял в толстой кожаной перевязи от меча и выпал из ее белой ручки. Они встретились ненавидящими взглядами, и тут она ему впервые понравилась.

Дюк пытался устоять на ногах, как во время землетрясения. Советник, зажав мизинец в губах, упал, сделал два шага к падшему Пажу. Он оттолкнул Розалинду: «Отойди, убогая!», схватил тяжело раненного Пажу и потащил его тайным ходом Дюка на нижний этаж, минуя давку в толпе. Дальнейшая судьба обоих неизвестна. Мнение уцелевших магов состояло в том, что Советника Ведьма тоже выбросила куда-то с потерей части памяти, как у всех, кто пересекает «окно пространства-времени». Она была в бешенстве в тот момент, а Паж вряд ли выжил в переброске.

В этот момент гробовая тишина нарушилась испуганными дамскими криками: «Ужас! Паж! Убит! Дюк жив! Часы не пробили!» И ветер захлопал ставнями, свечи посыпались, героическая гвардия тушила их. Короли пытались бежать, но им надо было продираться через толпу на лестницах по обеим стороны залы. Маурицио держал окровавленный кинжал в одной руке, кольцо в другой и закрывал грудью Дюка от любой угрозы. Только Дюк стоял спокойный посреди полного смятения, как капитан тонущего корабля, машинально пристегивая назад Булавку и ожидая решения своей Судьбы. Она решалась не в зале Гранд Дюка, а в Бархатной комнате.

А в Бархатной комнате после одиннадцатого удара часов удар Колокола, запечатавшего судьбы, был встречен с гораздо большим страхом, чем даже в зале у Королей. Каждый маг по отдельности понимал масштабы катастрофы со временем, но не мог оценить ее практические последствия. Потом оказалось, что спасти ситуацию было уже невозможно, поскольку кумулятивное воздействие магии усиливало удар в невероят-

ных масштабах. К сожалению, в собрании магов в этот раз было мало порядка и не было способности принимать коллективные взвешенные решения. Вооруженная стычка антагонистов, происходившая после удара Колокола, только усилила напряжение. Пока длился поединок Маурицио и Дюка с Пажом и Советником, экономка Епископа в истерике бросилась спасать своего сюзерена и отца ее детей. Валашский господарь после ранения Пажу бросился из Залы в Бархатную Комнату и успел добавить огня в вулкан страстей в ней. Амазонка пожала плечами и прошептала: «Ну вот, наконец, что-то интересное происходит».

Главная проблема оказалась в том, что вся мощь магов оказалась сконцентрированной в одном месте и в остановившемся времени. Как это получилось, маги сами не до конца понимали. По небольшой, в сущности, комнате шел спиральный вихрь магии. Выглядело это, как шаровая молния, мечущаяся по комнате, в которой уже горит бархатная магическая обивка. Маги понимали, что клятвы нарушены и с двенадцатым ударом произойдет что-то ужасное. Но двенадцатого удара не последовало вообще. Часы отказались бить — заклятия были слишком сильны.

Все пытались использовать магию в целях спасения своих сюзеренов или самих себя. Все испортил истеричный Колдун при жадном Бароне, который завопил: «Все погибло, часы не бьют двенадцать, мы все погибнем! Принцесса, черт бы ее побрал с ее Пажом, надеюсь, он умрет!» Это и сработало как искра в пороховой бочке. Фея еще пыталась остановить цепную реакцию: «Выгоним принцессу, и все образуется!» Алхимик транслировал ее призыв на усиление, а не на

понижение интенсивности потока магии. Бархатные стены уже сияли пламенем. Мнивший себя большим ученым, Алхимик решил, что происходит замечательный магический эксперимент, который может ему помочь добывать золото. В этот момент ворвался Валашский господарь с криком: «Как он его кинжалом! Я бы весь этот подлый двор посадил на кол!» Фея вжалась в стену, пытаясь дать знать Принцу, что он в опасности, но ее не очень больших магических сил уже не хватало даже на то, чтобы дать сигнал из Бархатной комнаты наружу. Стены комнаты багровели.

Ведьма была в бешенстве от всего происходившего на балу, от Советника с Пажом, которых она послала куда-то своим проклятием, от беспардонной Розалинды, которую она куда-то услала и почти не заметила. Просьба Феи «спасти мальчика» у нее где-то отпечатавалась, но она еще не знала, как поступить. Это был последний момент, в котором магические участники еще осознавали свои намерения и действия.

И тут шаман Джанибек закричал что-то непонятное на древнем языке степей; он был стар, и этот шок воспринял как конец света и своей жизни. Он так долго спал на заседаниях, что такой мощности магического удара от него никто не ждал. Шаман умирал, и это выпускало на волю дикую мощь древней магической энергии, которая многократно усиливала исходный импульс, причем в замкнутом пространстве. Через несколько мгновений вырвавшаяся на свободу огромная магическая энергия перешла во взрыв. Невольно маги создали такой магический удар, который никуда не мог ни деться, ни абсорбироваться. Бархатная комната до последнего держала все внутри. Бешеная актив-

ность большой группы магов перешла во взрыв и внезапно открыла Окно Времени, что невозможно сделать специально — ни опыта, ни правил нет! Фактически вся мощь магов вырвалась из них одновременно и хаотически.

Комната не выдержала, и бархат стал разлетаться в клочки, а поток магии стал рвать Башню изнутри. Ведьма в бешенстве оперлась на коллективную мощь магии, бросила свой пояс как копье и пробила стену Бархатной комнаты, что спасло часть магов и Город. Ее мысли метались, но могучая коллективная магия мгновенно реализовывала их в действия. Так, она выкинула принцессу Розалинду в открытое Окно Времени, на ходу превратив ее в Золотую Рыбку, и бросила в подземную реку. Дюка она по сути спасла тем, что выбросила на том же ударе на восток и превратила его в бродячего музыканта. Фея прикрыла веером сначала Дюка, а потом бросилась в открытое на несколько секунд Окно Времени, чтобы успеть за Дюком; как потом оказалось, она даже прилетела в Москву на сто лет раньше и успела обжиться, прежде чем он там появился. Ведьме было очень тяжело держать открытым Окно; кроме того, она устала от конфликтов и стыда за провал и решила, что хочет жить сначала. Она выбросилась из комнаты, и Окно захлопнулось вслед за ней.

Прочие колдуны по возможности бросились домой, Алхимик со своей любовью к экспериментам погиб вместе с Шаманом. Колдун-истерик благополучно вернулся к своему Жадному Барону (везет им), Амазонка прыгнула в Окно Времени, произнеся что-то неразборчивое на старочешском, вроде: «Мы еще повоюем».

Башня взорвалась, уничтожая большую часть бархата, который столетиями держал магию внутри. Остались только мелкие обрезки, которые еще на многое повлияют в мире людей, хотя связать эти загадочные события с Башней и Бархатной комнатой никому не придет в голову. Правда, есть одно исключение: Руслана унесла с собой в дорогу бархатную подушечку из трактира.

А далее все было очень просто и понятно. Дюк нашел себя Бродячим Музыкантом и мало что помнил о своей жизни, об истории с принцессами, но иногда, играя на скрипке, вспоминал, что он был когда-то Принцем. Синелинда под давлением родителей вышла замуж за Герцога Маурицио, но он даже после рождения наследников проверял утренний кофе — не отравлен ли. Синелинда в минуты домашнего мира пыталась выяснить у мужа, что стало с Пажом. Но тот ничего не мог придумать лучше того, что Ведьма могла превратить его в Рыбку, что иногда бывало и раньше. Синелинда очень обижалась, что он что-то от нее, по-видимому, скрывает. Советник пропал, но, похоже, всплывает в мире людей там и сям, чтобы кому-нибудь жизнь испортить. Фея ищет своего Дюка, которого не смогла спасти. Ведьма прячется от людей в каких-то развалинах; обе они чувствуют, что знакомы, но не помнят, почему и откуда.

—•••—
* * *
—•••—

Читатели справедливо могут заметить, что в сказке мало радостных лиц и нет обнадеживающего мотива счастливого завершения истории для главного героя. Мы не виноваты: все строго в соответствии с подлинными материалами, сохранившимися в Городе и ряде иных мест, о чем никому знать не надобно. Магия, которая действует тут в каждом событии, конфликте, в каждой сплетке, лишена всякой чрезмерности, не имеет демонстративного характера — это так в жизни. Люди, как правило, принимают решения в ключевые моменты своей жизни, магия же стремится стабилизировать жизненный путь сообщества и его героев. Иногда это магам удается, иногда нет — нет детерминизма и полной пред-

сказуемости будущего и для магов, что вы только что увидели. И даже замечательному Принцу не гарантирована любовь в его Магическом Пространстве здесь и теперь. Но Дюк молод, храбр, надежен и хорош собой, счастье не должно его обойти. Ему еще прозвонит Колокол Судьбы.

В утешение скажем, что у читателя есть надежда, поскольку она есть всегда. Советуем верить в счастливое будущее Гранд Дюка, а продолжение этой истории уже издано.

Несколько намеков на события первых четырех магических лет — уже изданных — из тех двенадцати, которые должны быть преподнесены публике

Уже изданы продолжения: «Три магических года» изданы ОГИ в 2014 году, а «Магическая комедия» издана ОГИ в 2016 году — в этом томе только четвертый год, зато появилось общее название саги.

В Первом магическом году ряд героев Пролога «Трудно быть Принцем» внезапно появляются в Подмосковье в наши дни, не создавая никаких осложнений окружающим. Сначала появляется Принц, который стал Бродячим музыкантом, и по счастливому случаю встречается с двумя профессорами, которые приняли его всерьез. Он не помнит своего имени и титула, хотя смутные воспоминания о титуле приходят к нему только тогда, когда он играет на скрипке или флейте. Потом появляется Фея, Ведьма, Золотая рыбка, подозрительно смахивающая на одну из принцесс.

Магическое Пространство притягивает еще много магических фигур, которые скрывались по углам Московии. Все со-

чувствующие Принцу могут надеяться, что он, наконец, обретет личное счастье у нас в стране, потому что наши девушки — самые красивые, умные и добрые в мире. Профессора и Ведьмы прекрасно взаимодействуют.

Далее поток событий втягивает магов и людей Пространства в активность от озера Блед в Словении до Эдинбурга. Отметим появление в Московии Великой Феи Европы Сандрилены и Черной Ведьмы Болота Милли. Они уже один раз общались с Герцогиней в городе в данном томе, который — как все уже догадались — играет роль Пролога к «Магической комедии».

На Втором году из событий стоит отметить захват нашими магами «Летучего Голландца», но особенно — создание Университета («ВНОЧь»), в котором великие маги учат студентов, причем как людей, так и потенциальных волшебников. Маги доберутся по своим делам в Кейптаун и на Ямайку.

В Третьем году произойдет историческая Битва, в которой Магическое Пространство будет защищать себя, а потом все поедут отдыхать в Париж. В Четвертом году события ненадолго перенесутся в Арктику. Но в основном трудности будет испытывать ВНОЧъ, который захватят Шкрабы. И постепенно молодые маги будут играть все большую роль в жизни Пространства, хотя больше всего работы для них ожидается в следующих магических годах (пятом-двенадцатом), которые еще надо дописать!

Леонид Григорьев
ТРУДНО БЫТЬ ПРИНЦЕМ
Магическая комедия

Макет и компьютерная верстка: Станислав Валишин

Редактор Леда Рокова

Корректоры Елена Смирнова, Татьяна Королева

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

105005, Москва, ул. Бауманская, д. 43/1, стр. 1.

Тел.: (495) 626-24-75; e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

В РОЗНИЦУ В МОСКВЕ

Книжный магазин «Москва»,
м. «Пушкинская», «Тверская»,
ул. Тверская, д. 8.
Тел.: (495) 629-64-83, (495) 797-87-17

ТД «Библио-Глобус», м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 1.
Тел.: (495) 781-27-37

Московский дом книги,
м. «Арбатская», ул. Новый Арбат, д. 8.
Тел.: (495) 789-35-91

Дом книги «Молодая Гвардия»,
м. «Полянка», ул. Большая Полянка, д. 28.
Тел.: (495) 238-50-01

Книжный магазин «Фаланстер»,
м. «Пушкинская», «Тверская»,
Малый Гнезниковский пер., д. 12/27.
Тел.: (495) 629-88-21

Сеть магазинов «Республика».
Тел.: (495) 251-65-27

В РОЗНИЦУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Санкт-Петербургский Дом книги,
м. «Невский проспект», «Гостиный двор»,
Невский проспект, д. 28.
Тел.: (812) 448-23-55

Сеть магазинов «Буквояд».
Тел.: (812) 601-06-01

Книжный магазин «Все свободны»,
наб. Мойки, 28. Тел.: (911) 977-40-47

ОПТОМ

КД «Б.С.Г.-Пресс», Москва,
Варшавское шоссе, д. 3.
Тел. (495) 626-24-70

«А. Симпозиум», Санкт-Петербург,
20-я линия В. О., д. 5/7.
Тел. (812) 325-66-61

Подписано в печать 30.11.2018. Формат 60×90/16.

Гарнитура Фёдра. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 11 п. л. Тираж 500 экз. Заказ №